РК-ХГУ-1
Утренняя
Звезда
Кн. 1-2
274097

12. V
226
PRX24-1
274097

12. IV
226

Ewit ceinh
cor. Ke. Ottoman

PR-XT4-1
274097

1924

790/32

Библіотека ИМПЕРАТОРСК. Харьковск. Университета.

12. IV
226

Утренняя Звѣзда

ХАРЬКОВЪ
Ф. Поперъ
въ Лит. Линдроша.

Проверено
ЦНБ 1939

Ra.

113- 17938.

УТРЕННЯЯ

ЗВѢЗДА.

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ

ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ.

Книжка 1.

BIBLIOTH. CES. UNIVER. CHARCOI.

274097

ХАРЬКОВЪ.
1833.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Декабря 22 дня 1833 года.

Профессоръ, Цензоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1834.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Издатель пріятнымъ долгомъ почитаетъ свидѣтельствовать чувствительнѣйшую свою благодарность нѣкоторымъ почтеннымъ и уважаемымъ въ литтературномъ мірѣ особамъ, почтившимъ его лестнымъ для него вниманіемъ и не подписавшимъ подъ присланными ими статьями именъ своихъ; также И. И. Срезневскому, П. И. Иноземцову и другимъ, сообщив имъ статьи свои для сей книжки.

Любители Словесности, безъ сомнѣнія, сверхъ многихъ другихъ піэсъ съ удовольствіемъ прочтутъ здѣсь: *Недобрый глазъ,* Малороссійское преданіе П. Б. Байскаго и *Недосозданіе,* О. М. Сомова, послѣднія произведенія сего Писателя, присланныя имъ не задолго до его кончины. Покойный О. М. Сомовъ, если не по пребыванію, то по крайней мѣрѣ по мѣсту

своего рожденія и воспитанія (въ Харьковскомъ Университетѣ) принадлежитъ къ числу Украинскихъ Писателей и занимаетъ между ими почетное мѣсто.

Издатель нужнымъ считаетъ сказать, что хотя онъ и предполагалъ издать только *одну* книжку, но въ послѣдствіи въ необходимости нашелся, не возвышая цѣны, объявленной при подпискѣ, издать *двѣ*. Такимъ образомъ, въ первой заключаются однѣ только произведенія, писанныя по-Русски; во второй—статьи, писанныя на Малороссійскомъ и Украинскомъ нарѣчіяхъ. По сей причинѣ и печатаніе оной признано за лучшее сдѣлать въ Харьковѣ, подъ наблюденіемъ самихъ авторовъ.

И. Петровъ.

Харьковъ.
1 Ноября 1833 года.

ПРОЗА.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХДУ
ім. Н.

НЕДОБРЫЙ ГЛАЗЪ.

МАЛОРОССІЙСКОЕ ПРЕДАНІЕ.

I.

Ой, хорошія дочки у Козака Никиты, да и Козакъ Никита человѣкъ нескудный: на четырнадцати парахъ воловъ чумаковъ отправляетъ, то на Донъ по рыбу, то въ Крымъ за солью; а все волы большіе, круторогіе, широкочелые, съ оттянутыми пахами, съ сѣдловатымъ хребтомъ, съ навислою, волосастою грудовиной. А на выгонѣ у Козака Никиты пасется косякъ коней, что ни самыхъ лихихъ, что ни самыхъ борзыхъ. А дома у Козака Никиты добра столько, что не переписать въ недѣлю и бойкому скорописцу. Еще же, говорятъ люди, что у Козака Никиты есть завѣтная скрынька съ дукатами, да серебра столько, что четверикомъ не загребешь.

II.

Ой, хорошія дочки у Козака Никиты: и Галя чернобровая, и Докійка румяная, и Наталка бѣлолицая. Отецъ и мать научили ихъ страху Божію. Любо смотрѣть, какъ онѣ, въ лѣтніе праздники и дни воскресные, идутъ къ обѣднѣ чинно и смиренно, въ бѣлыхъ тонкихъ кунтушахъ съ строченными ỳсами, въ сафьянныхъ чоботахъ съ подковками, въ разноцвѣтныхъ скиндячкахъ, разметанныхъ по плечамъ, и съ цвѣтами махроваго маку, чернобривцами и барвенками въ волосахъ. Всѣ парубки тогда на нихъ заглядываются и твердятъ, почесывая за ухомъ: «Ой, тяжко хорошія дочки, и вельми богатый батько!»

III.

Сидитъ Козакъ Никита на прилавкѣ за воротами, куритъ Роменскій табакъ изъ кореньковой трубки въ мѣдной оправѣ и посматриваетъ на свѣтъ Божій. Вотъ видитъ онъ: за селомъ по дорогѣ пыль вьется клубомъ, скачетъ ѣздокъ, сломя голову; вотъ внесся въ село, ближе и ближе; подъ нимъ конь какъ звѣрь, черенъ какъ вороново крыло, изъ ноздрей дымъ валитъ какъ изъ винокурни. Вотъ поравнялся ѣздокъ съ Козакомъ Никитой, натянулъ повода — и конь уперся ногами въ землю,

согнулъ шею кольцомъ, уключилъ голову, заржалъ и засверкалъ бѣглыми своими глазами, такъ, что Козаку Никитѣ почудилось, будто искры полетѣли во всѣ стороны.

IV.

— «Здорово, добрый человѣкъ!» сказалъ проѣзжій. — «Богъ помочь!» отвѣчалъ Козакъ Никита, вынувъ трубку изо рта и приподнявъ шапку. «Куда Богъ несетъ?» — Козаку Никитѣ показалось, что проѣзжій дважды моргнулъ усами, а конь его дважды форкнулъ. — «Ѣду я далеко, далеко: отсюда глазомъ не смѣряешь и не одни *постолы* изобьешь, пока пѣшкомъ дойдешь. Да не въ томъ дѣло, а вотъ въ чемъ: гдѣ бы мнѣ ночлегъ найти?» — «Милости просимъ! рады добрымъ людямъ. Богъ про всякаго посылаетъ человѣку хлѣбъ насущный.» — Проѣзжій молча сошелъ съ коня, повелъ его за поводъ, привязалъ къ столбу подъ навѣсомъ и вошелъ въ хату съ Козакомъ Никитой.

V.

Не пригожъ былъ этотъ проѣзжій: лице блѣдное, ни кровинки, носъ толстый, луковицей, губы втянутыя; по обѣ стороны лица торчали клоками скомшеные, рыжіе усы;

такія жь рыжія брови густо нависли внизъ какъ щетина, и заслоняли глаза такъ, что ихъ во все не было видно; красно-рыжій оселедецъ какъ полоса запекшейся крови пролегалъ по виску и вился за ухомъ. Еще скажу: не пригожъ былъ проѣзжій! — Онъ съ виду былъ не старъ и не молодъ; какая-то кислая ужимка вмѣсто усмѣшки и глухой голосъ, вырывавшійся изъ гортани, какъ изъ могилы, не сулили въ немъ ничего добраго. На немъ былъ жупанъ тонкаго сукна; за Персидскимъ кушакомъ заткнутъ былъ Турецкій ножъ съ серебряною рукояткой, на которой какъ жаръ горѣли дорогіе каменья. Не помолясь Богу, какъ водится у Православныхъ, и чуть головою кивнувъ хозяйкѣ и дочкамъ, сѣлъ онъ безъ чиновъ за столъ и заломался, словно въ шинкѣ.

VI.

— „Какъ вижу, вы изъ Запорожцевъ, добродію?„ спросилъ его Козакъ Никита. — „Можетъ статься,„ былъ ему отвѣтъ. — „И давно уже гарцуете съ молодцами?„ — „Да не со вчерашняго дня.„ — „А какъ васъ величать?„ — „Лавро Хоробитъ.„ — „Что подумаешь: куда вы много положили бусурманскихъ головъ на своемъ вѣку!„ — „Было всякихъ; пусть ихъ лежатъ.„ — „А далеко

вы часомъ хаживали на войну?» — «Да; изъ вашего села галки туда не залетали.» — «И много, чай, трудовъ понесли?» — «На доброй парѣ воловъ всѣхъ не свезешь.» — «Что-то, какъ поразскажутъ бывалые чумаки, за приволье въ бусурманскихъ земляхъ! что за мѣста богатыя! чего тамъ не родится!» — «Вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.» — «А какое злое племя Турки да Татаре!» — «Есть и Христіане не лучше ихъ.» — Козакъ Никита смекнулъ, что гость не поддается на разспросы и что отъ него путнаго слова не добьешься; онъ взглянулъ изъ подлобья на проѣзжаго и замолчалъ.

VII.

За ужиномъ, проѣзжій гость зарился сквозь навислыя свои брови на пригожихъ дочекъ Козака Никиты, какъ щука зарится сквозь тростникъ на маленькихъ рѣзвыхъ рыбокъ; но красавицы не слышали отъ него ни одного привѣта, ни одного слова. Угрюмо сидѣлъ онъ и только пыхтя потягивалъ запеканку и терновку Козака Никиты. Когда же взглядывалъ порою на которую нибудь изъ дѣвушекъ, та невольно опускала глаза внизъ, не отъ стыда, а отъ страха: красавицъ пугали эти взгляды невидимаго глаза, чуть чуть свѣтившагося изъ-за густыхъ,

рыжихъ бровей. Гость всталъ изъ-за стола, какъ и сѣлъ за него: не помолясь Богу, не сказавъ добраго слова хозяевамъ. Что за человѣкъ былъ онъ? Всѣ думали, гадали, и никто не могъ дознаться.

VIII.

Всю ночь выла подъ окномъ собака, и душно и жудко было красавицамъ. Онѣ не могли спать, поминутно ворочались въ постелѣ, и если на мигъ забывались, то страшныя грезы тотчасъ перерывали ихъ сонъ. То слышалось имъ похоронное пѣніе и звонъ по покойникѣ; то незнакомый гость смотрѣлъ на нихъ такими глазами, такими глазами, что холодъ сжималъ имъ грудь, захватывалъ дыханіе и оковывалъ льдомъ всѣ ихъ составы. Красавицы метались, стенали сквозь тяжкій сонъ, пробуждались въ страхѣ и по утру встали съ тяжелыми головами и смущеннымъ духомъ.

IX.

— »Слушай, Козакъ Никита, сказалъ Хоробитъ своему хозяину поутру за *снѣданьемъ*: »отдай за меня свою дочку Галю чернобровую.« — »Моя дочка Галя уже просватана: женихъ изъ хорошаго рода и человѣкъ

достаточный; а кто безъ причины жениху отъ зарученой невѣсты откажетъ, того Богъ накажетъ.» — «Такъ отдай за меня Докійку румяную.» — «У моей дочки Докійки то же есть женихи на славу. Богъ поможетъ, одну подъ вѣнецъ отпустимъ, а за другую ручники подадимъ.» — «Ну, хоть Наталку бѣлолицую.» — «Моя дочка Наталка дитя молодое, ничего еще не знаетъ. Гдѣ жь ее отдать въ такую дальнюю сторону?» — «Отказалъ ты мнѣ, Козакъ Никита, накормилъ ты меня *печеньмъ гарбузомъ*; смотри же, чтобы послѣ не каяться.» — «Что будетъ, то будетъ; а будетъ то, что Богъ велитъ!» отвѣчалъ Козакъ Никита.

X.

Ни слова не сказалъ больше Лавро Хоробитъ и пошелъ сѣдлать своего воронаго, который ржалъ и сарпалъ и билъ копытами землю. Тогда вошли въ хату три дочки Козака Никиты. Онѣ вышли изъ своей свѣтлицы, думая, что проѣзжій гость уже ускакалъ и больше не воротится. А вотъ и онъ, какъ съ дуба сорвался, идетъ гордо и осанливо, побрякивая серебромъ и золотомъ. — «Вотъ тебѣ, хозяинъ, за ночлегъ и за ласку,» молвилъ онъ, опустя руку въ *кишеню* и вынувъ полную горсть серебряныхъ де-

негъ. — »У насъ не постоялый дворъ и не шинокъ,« отвѣчалъ Козакъ Никита съ досадой: »проѣзжихъ угощаемъ, чѣмъ Богъ послалъ, а денегъ за хлѣбъ-соль ни съ кого не беремъ.« — »Такъ позволь же мнѣ подарить твоихъ дочекъ на память!« сказалъ Хоробитъ, и запустя снова руку въ кишеню, вытащилъ горсть золотыхъ вещицъ. У дѣвушекъ глаза разбѣжались на перстни, на серьги, на дорогія монисты и запонки. Какихъ тутъ не было и видомъ, и цвѣтомъ, и цѣною! Однѣ какъ жаръ горѣли, другія свѣтились, какъ ночью глаза у кошки, на иныхъ сверкали радуги, ярче той, что спускается съ неба на землю и пьетъ воду изъ ручьевъ и колодязей. Дѣвушки то любовались дорогими вещицами, то переглядывались другъ съ другомъ, то изкоса посматривали на отца: куда дѣвался и страхъ отъ проѣзжаго!— »Берите, коли добрый человѣкъ даетъ на память,« сказалъ имъ отецъ: »это даръ, а не плата.«

XI.

— »Начинай ты, Галя чернобровая!« сказалъ Лавро Хоробитъ: »подойди и выбери, что тебѣ приглянется.« — Галя подошла, протянула руку къ столу, взглянула на Хоробита — и вскрикнувъ, отскочила прочь,

словно на змѣю наступила. — «Экая стыдливая!» молвилъ смѣяся проѣзжій: «ну, быть такъ; коли ты не хочешь, пусть выбираетъ себѣ Докійка румяная.» — Докійка подступила поближе, посмотрѣла на подарки и на гостя — и также вскрикнула, и также отскочила не вспомнясь. — «Вотъ такъ! куда одна, туда и другая,» сказалъ Хоробитъ съ тѣмъ же смѣхомъ. «Твоя очередь, Наталка бѣлолицая!» — И Наталка робко подвинулась впередъ, невольно посмотрѣла на проѣзжаго— вскрикнула и чуть не упала. Ей показалось, что рыжія брови Хоробита дыбомъ поднялись вверхъ, какъ иглы на ежѣ, а изъ блѣдно-сѣрыхъ глазъ его струею полились на нее двѣ тонкія нити свѣта, остраго, жгущаго, мертвящаго. Отъ него и дрожь пробѣгала по тѣлу, и страхъ заронялся въ душу, и тоска впивалася въ сердце. Таковъ-то не добрый глазъ: на зеленый лѣсъ взглянетъ — и зеленый лѣсъ вянетъ!

XII.

— «Ну, спасибо за вашу хлѣбъ-соль: буду ее помнить, да и вы меня не забудете, хоть дочки ваши поспѣсивились и не взяли моихъ подарковъ,» сказалъ Хоробитъ, поглядѣвъ на дѣвушекъ такимъ взглядомъ, какимъ демонъ смотритъ на душу человѣческую. А

онѣ, бѣдненькія, стояли сложа руки крестомъ и дрожали всѣмъ тѣломъ. — »Прощайте,« примолвилъ онъ: »не поминайте лихомъ!« и засмѣялся такъ, что у всѣхъ на душѣ похолодѣло. Тутъ разомъ за дверь, скокъ на своего лихаго коня — и слѣдъ простылъ.

XIII.

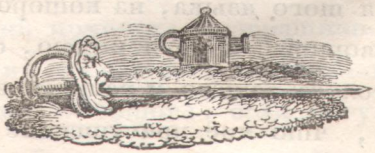
— »Неня! мнѣ тяжко, мнѣ нудно!« говорила Галя чернобровая. — »Неня! меня морозъ подираетъ по кожѣ; руки и ноги — все какъ во льду, а внутри горитъ,« говорила Докійка румяная: ахъ! она ужъ была блѣднѣе полотна. — »Неня! у меня голова трещитъ отъ боли, и свѣтъ идетъ кругомъ, и все въ глазахъ темнѣе да темнѣе,« говорила Наталка бѣлолицая. — »Спаси, спаси насъ, неня!« твердили всѣ трое, »спаси насъ отъ лихаго человѣка! Призови знахаря: пусть отворожитъ силу недобраго глаза!« — Напрасно! ни знахарь, никто не помогъ: чѣмъ дальше скакалъ Хоробитъ, тѣмъ тяжеле становилось красавицамъ. Съ закатомъ солнца, закатился и у нихъ свѣтъ въ ясныхъ очахъ.... Ночью набожныя старушки собрались сидѣть при восковыхъ свѣчахъ у широкаго стола, на которомъ лежали подъ бѣлою пеленою три покойницы; дьячокъ заунывно

читалъ надъ ними псалтирь. Отецъ и мать сами чуть дышали съ тоски и горести.

XIV.

Стоитъ середи кладбища за селомъ большая часовня; на часовнѣ три креста; подъ часовней высокая и широкая могила. Въ той могилѣ похоронены три дочки Козака Никиты. Люди добрые, идучи мимо, крестятся и молятся: »Пошли, Господи, вѣчный покой и вѣчную память покойницамъ!« Послѣ каждый, волей и неволей, приговариваетъ: »И пусть не будетъ добра, ни на семъ свѣтѣ, ни въ будущемъ, злому человѣку, который змѣинымъ своимъ глазомъ изсушилъ и извелъ три прекрасные цвѣтка свѣжіе и пышные!«

Порфирій Байскій.



Отрывокъ изъ романа:

РАПСОДІИ.

ЛОРЕНЦО.

«За чѣмъ ты ее впустилъ? сказалъ Лоренцо гнѣвнымъ голосомъ своему Жаку. Я тебѣ уже нѣсколько разъ подтверждалъ, чтобы ты, кромѣ нищихъ и калекъ, никакихъ просителей и просительницъ съ бумагами ко мнѣ не допускалъ»! —

«Хотя я того языка, на которомъ вы изволите говорить, и не понимаю, однако изъ гнѣвнаго голоса вашего и вашихъ взоровъ догадываюсь, что мое присутствіе вамъ непріятно; сказала женщина, держащая въ рукахъ бумагу, одѣтая бѣдно, но чисто и опрятно. Извините, Милостивый Государь, что надежда меня къ вамъ привела. Надежда насъ всѣхъ водитъ, многихъ обманываетъ.

Желаю, чтобы ваши надежды всегда исполнялись; мою же неисполненную я назову — Лоренцо.»

Лоренцо, слыша голосъ и языкъ образованные, видя во всей фигурѣ сей женщины нѣчто, свидѣтельствовавшее счастливѣйшіе нѣкогда дни, смягчился.— «Да что тебѣ надобно? кто ты? спросилъ онъ, стараясь улыбкою скрыть свое замѣшательство.» —

«Я — Полковница», отвѣчала она, «была счастливою супругою; мужъ мой палъ въ сраженіи противъ непріятеля; теперь я — бѣдная вдова, и нить жизни моей прядутъ милосердыя руки.»

«Какъ же васъ зовутъ?» спросилъ Лоренцо въ смущеніи.

«Меня многіе знаютъ,» отвѣчала она, «и всѣ зовутъ меня Полковницею; имя же мое извѣстно здѣсь только одному.»

«Что же вамъ угодно?» спросилъ Лоренцо.

«Желаю, чтобы рука ваша отверзлась для подаянія мнѣ помощи; возвратить вамъ даннаго я не въ состояніи; взаимными услугами вознаградить — готова, если могу.»

Лоренцо обратилъ взоръ свой на заходящее солнце и синѣющіяся вдали горы. Вдругъ обратился опять къ ней и отрывисто сказалъ: «Я за оказанную услугу не требую вознагражденія. Чѣмъ могу служить?»

«Если вы не принимаете моихъ услугъ, то я должна отказаться отъ вашей помощи; одни только нищіе взявши, изчезаютъ; я — бѣдна.»

«Странная женщина! воскликнулъ Лоренцо. Какія же вы можете мнѣ оказать услуги?»

«Вопросъ вашъ походитъ на условіе,» сказала Полковница; «въ такомъ случаѣ я должна васъ спросить, какую вы мнѣ можете оказать помощь?»

Лоренцо находился въ великомъ замѣшательствѣ, въ которое привели его званіе, ловкость и всего болѣе присутствіе духа просительницы. Чтобы избавиться отъ разговора, который началъ завязываться, онъ подалъ ей молча червонецъ.

«Нѣтъ, сударь,» сказала Полковница, «единовременнаго подаянія я не принимаю; не угодно ли вамъ будетъ, пожаловать мнѣ записочку, что вы не обременяетесь назначить мнѣ что нибудь годовое?»

Лоренцо покачалъ головою: новость требованія его заманила; онъ исполнилъ ея предложеніе. Подавая ей записку, «когда прикажете,» спросилъ онъ, «выплатить деньги?»

«Не безпокойтесь! когда вамъ угодно. Я живу въ двухъ миляхъ отъ города въ лѣсу, гдѣ благодѣтелями моими куплено мнѣ мѣстечко и построенъ небольшой домикъ. Сюда, въ городъ, я являюсь всегда черезъ мѣсяцъ,

живу только три дня, на четвертый возвращаюсь домой. Если я вамъ нужна буду, то извольте или сами пожаловать ко мнѣ, или прислать за мною.» — Поклонившись, пошла. Въ дверяхъ остановилась, и обратившись къ Лоренцу сказала: «вы въ Венеціи имѣете знакомыхъ — тамъ готовится пышная свадьба — Маркизъ Доримедонто вступаетъ въ бракъ съ прелестною Жозефиною Пизани.»

Лоренцо стоялъ, какъ пораженный громомъ. Полковница изчезла. Солнце уже скрылось за горами и пурпуровая полоса надъ вершинами потухала.

Въ сію минуту вошелъ въ комнату Джіакомо. «Поздравляю съ визитомъ, Графъ,» сказалъ онъ. «Конечно она походитъ на монетный портретъ, на которомъ нѣжнѣйшія черты отъ частаго употребленія изгладились; но пріятность лица, и даже нѣкоторые слѣды отцвѣтшей красоты еще заманчивы; улыбка безподобная, а фигура вообще живописная.»

Лоренцо не отвѣчалъ. «Право,» продолжалъ Джіакомо, подходя къ ландшафту, которымъ Лоренцо предъ тѣмъ занимался,» съ такою Юноною побесѣдовать въ кабинетѣ, или прогуляться — вотъ въ такой рощицѣ, или

274097

прислушиваться къ шумному теченію рѣки — вотъ на такомъ берегу, или укрыться подъ навѣсомъ такой скалы, какъ блаженной памяти скромный Эней съ величавою Дидоною, хотя и неизвѣстно, что они тамъ дѣлали — это не худо, во многихъ отношеніяхъ даже полезно.—Но что съ вами сдѣлалось, Графъ?— Вы разстроены! — Не уже ли Діана отказала Эндиміону съ Исполиновыхъ горъ, или и Графъ и живописецъ въ своихъ расчетахъ и ожиданіяхъ ошиблись?» —

«Послушай, Джіакомо,» сказалъ Лоренцо, «оставь на минуту твои нелѣпости и твою вѣтренность, и если ты меня хоть нѣсколько любишь, то выслушай меня со вниманіемъ. Женщина, которая у меня была, и съ которою ты конечно встрѣтился, приходила просить подаянія, и, уходя, на порогѣ обратилась ко мнѣ и сказала тономъ всевѣдущей вѣстницы: вы въ Венеціи имѣете знакомыхъ; тамъ готовится пышная свадьба; Маркизъ Доримедонто вступаетъ въ бракъ съ прелестною Жозефиною Пизани.

«Какъ!» вскричалъ Джіакомо, «что за чортъ? а Графъ Кольмаръ?»

«Графъ Кольмаръ?» сказалъ Лоренцо. — «Если это справедливо, то Графъ лишится того, что ему было драгоцѣннѣйшимъ на свѣтѣ,

и послѣ сего жизнь для Графа Кольмара есть пустая скорлупа, не имѣющая никакой цѣны, которую съ презрѣніемъ можно раздавить.»

»Постойте, Лоренцо, не торопитесь. Все это мнѣ кажется вздоромъ. Подумайте! во первыхъ нищая.» —

»Нѣтъ,» перервалъ Лоренцо, »не нищая, а бѣдная.»

»Во вторыхъ,» сказалъ Джіакомо, »нищая— бѣдная — низкаго разбора, прислушивающаяся къ рѣчамъ» —

»Нѣтъ,» перервалъ Лоренцо, »не низкаго разбора, она Полковница.»

»Въ третьихъ,» продолжалъ Джіакомо, »нищая, бѣдная, низкаго разбора Полковница, желающая выманить нѣсколько денегъ» —

»Нѣтъ,» перервалъ Лоренцо, »не выманить нѣсколько денегъ; она не приняла единовременнаго подаянія, а согласилась только на ежегодное вспомоществованіе.»

»Тѣмъ лучше для нищей, бѣдной низкаго разбора Полковницы. Щедрость ваша мнѣ извѣстна, и она вѣрно осталась довольною. Ни за что, ни про что годовое жалованье! Bravo! bravissimo!»

»Не бѣси меня, Джіакомо. Знай, что она вызвалась мнѣ оказывать взаимныя услуги, и

только на этомъ основаніи требовала вспомоществованія.»

»Хитрая баба! годовое жалованье впередъ, а услуги» —

»Ты говоришь вздоръ! она ничего не взяла.»

»Ого! generosissima Signora!»

Лоренцо глядѣлъ ему въ глаза. — »Тьфу пропасть!» сказалъ Джіакомо, по нѣкоторомъ молчаніи, »ничего не понимаю! Нищая—Полковница — годовое жалованье — условіе — Маркизъ Доримедонто — тутъ должна быть, кажется, связь.»

»Я то же думаю,» сказалъ Лоренцо, »а по сему и поручаю тебѣ, любезный Джіакомо, отыскать эту Полковницу и доставить мнѣ подробнѣйшія свѣдѣнія; на что я тебѣ даю двадцать четыре часа времени.» —

»А чортъ ее знаетъ, гдѣ она живетъ?»

»Она и этаго отъ меня не скрыла, она живетъ въ лѣсу, въ двухъ миляхъ отсюда.»

»А въ какомъ, Ваше Сіятельство? Лѣсовъ и рощицъ здѣсь много.»

»Двадцать четыре часа, Джіакомо, и помни, что сіи двадцать четыре часа твой другъ, Графъ Кольмаръ, будетъ жить въ адѣ!» — Сказавъ сіе, Лоренцо ушелъ въ свой кабинетъ. Джіакомо не посмѣлъ за нимъ слѣдовать.

ГРАФЪ КОЛЬМАРЪ.

„И такъ, милая Синьора Розалія,„ сказалъ Джіакомо, обнимая прелестный станъ ея, — „и такъ„ —

„И такъ, Синьоръ Джіакомо,„ сказала Розалія, „и такъ — довѣренность должна быть взаимная. Или вы должны быть злой человѣкъ, вывѣдывающій другихъ для своихъ видовъ и выгодъ, хотя бы они и сопряжены были съ нещастіемъ другихъ; или вы испытали столько коварства и обмановъ, что ваше отъ природы доброе сердце преисполнилось желчью недовѣрчивости. Въ обоихъ случаяхъ вы заслуживаете сожалѣнія.„

„Ни то, ни другое, прелестная Розалія,„ сказалъ Джіакомо; „но дружба имѣетъ свои права.„

„А любовь свои секреты, Синьоръ Джіакомо? Ни тѣхъ, ни другихъ я нарушать не намѣрена.„

„Ахъ! любовь! — любовь!„ — сказалъ Джіакомо вздохнувъ и поцѣловавъ руку Розаліи. „Ахъ! изъ сего рая жизни быть изгнану!!— Уже сверкаетъ пламенный мечь Ангела грознаго, готоваго изгнать щастливыхъ, и, преградивъ возвратный путь къ блаженству, предать ихъ всѣмъ мученіямъ тоски, и скорби и отчаянія! Да отвратитъ судьба отъ насъ такое зло!„

»Ахъ, Джіакомо!« сказала встрѣвоженная Розалія. »Не говорите объ этомъ. Одна мысль наводитъ на меня ужасъ!«

»Да отвратитъ судьба отъ насъ такое зло!« повторилъ Джіакомо нѣжнымъ голосомъ.

»Ради Бога, Джіакомо! перестаньте меня пугать!« воскликнула Розалія.

»Человѣкъ — пловецъ на океанѣ жизни!« сказалъ Джіакомо. »Ясное солнце вливаетъ бодрость и радость въ его душу, попутный вѣтръ живитъ его надежды! Но вдругъ противные порывы выгоняютъ изъ-за горизонта собравшіяся тучи, солнце скрывается, небо являетъ грозный видъ, буря реветъ, и утлая доска отдѣляетъ его отъ бездны! Волны несутъ! Ахъ! одинъ ударъ о подводный камень, и щепа разлетѣлась — и нѣтъ спасенія! — Благородная, великодушная Розалія! Тучи уже набѣгаютъ! Спаси, до бури, пловца — моего друга!«

»Джіакомо! говорите! я готова сдѣлать все, что могу!«

»Желаю только знать, гдѣ живетъ Полковница. Мой другъ Лоренцо хочетъ самъ съ нею объясниться.«

»Вашъ другъ — Графъ Кольмаръ.« —

Джіакомо вскочилъ. »Какъ!« воскликнулъ онъ, съ величайшимъ удивленіемъ, »вы знаете« —

»Знаю, Синьоръ Вольдемаръ, знаю.« — Удивленіе Джіакома возрастало; онъ стоялъ по-

раженный, смущенный симъ неожиданнымъ открытіемъ. — «Чему вы такъ удивляетесь?» продолжала Синьора Розалія. «Кажется, что удивляться надобно мнѣ, удивляться, что вы — опытный, умный Синьоръ Джіакомо, считали возможнымъ отъ любопытства женщины, пылающей къ вамъ любовію, скрыть свои секреты. Вы мущины молчаливы, а мы женщины хитры; вашей молчаливости измѣняютъ, а нашей хитрости помогаютъ обстоятельства.»

«Да какъ вы это узнали?» спросилъ смущенный Джіакомо.

Розалія улыбнулась. «Вы не повѣрите,» отвѣчала она, «если я вамъ скажу, что молчаливый Синьоръ Джіакомо самъ все вывелъ наружу.»

Джіакомо выставилъ на нее свои глаза.

«Да, самъ вывелъ наружу,» продолжала Синьора. «Помните ли вы, Джіакомо, какъ вы однажды пришли ко мнѣ угрюмый, невеселый, задумчивый, разстроенный, и не хотѣли мнѣ сказать, что съ вами случилось. Я позволила вамъ ночевать у меня; вы заснули. Но я, тревожась вашимъ разстройствомъ, сидѣла въ креслахъ возлѣ васъ, и наблюдала за вашимъ покоемъ. Вы начали бредить; говорили много по Италіански, по Французски, и, къ удивленію моему, по Нѣмецки. Вы нѣсколько разъ повторяли имя

Лоренцо, называя его Сіятельствомъ, Графомъ Лоренцо, и живописцемъ Кольмаромъ; называли меня, увѣряли меня, что вы мой вѣрный Вольдемаръ и пр. Вы во снѣ говорили, все смѣшивая и перемѣшивая, но мнѣ бодрствовавшей не трудно было привести все въ надлежащую связь, чему не мало способствовало то обстоятельство, что вы скрывали отъ меня свою родину, и вдругъ заговорили на отечественномъ своемъ языкѣ. Вы хранили свою тайну, а я хранила свою. Но присовокупляю, что я ничего болѣе не знаю, какъ только то, что живописецъ Лоренцо есть Графъ Кольмаръ, а вы не Джіакомо, но Вольдемаръ. Въ началѣ я, правда, еще сомнѣвалась; но когда вы подарили моей Терезіи золотыя сережки, то я разсмотрѣла бумажку, въ которой онѣ были завернуты; это было письмецо Французскими литерами на Нѣмецкомъ языкѣ писанное къ Вольдемару и подписанное Графомъ Кольмаромъ. Я спрятала это писмецо; а на другой день послала своего Піетро къ живописцу Лоренцо съ записочкою, чтобы онъ благоволилъ меня увѣдомить, не угодно ли ему будетъ написать портретъ одной дамы; что въ случаѣ его согласія назначены будутъ дни и часы для сеанса. Я получила отвѣтъ, сличила почерки, и нашла, что то писмецо и этотъ отвѣтъ писаны одною

рукою. — Далѣе, Синьоръ Вольдемаръ, я ничего не знаю. Я довольно неосторожно обнаружила, что Полковница мнѣ извѣстна, и вы требуете подробнѣйшихъ о ней свѣдѣній. Я готова вамъ помочь, но мнѣ надобно все знать, хотя бы только для удовлетворенія женскаго любопытства.»

Джіакомо между тѣмъ собрался съ мыслями, сѣлъ къ Синьорѣ Розаліи на диванъ, и началъ такъ: «Человѣку и сны отъ Зевеса! Судьбѣ угодно было, чтобы уста мои выдали чужую тайну, а вамъ, любезная Розалія, угодно было спящаго болтуна подслушать. Это перстъ Божій! сказалъ бы Панглосъ, и лучше не могло бы случиться въ семъ лучшемъ изъ возможныхъ міровъ! Все къ лучшему! Еслибъ я спящій не выболталъ того, что поклялся хранить тайною, то бодрствующій не рѣшился бы вамъ, прелестная Синьора Розалія, ее открыть; а вы, добрая Розалія, по твердости своего характера конечно отказали бы намъ въ своей помощи. Теперь все другое! Я не имѣю причины скрывать того, что вы уже знаете, а вы конечно, узнавъ остальное, охотно намъ поможете. И такъ, все къ лучшему! — Прошу же слушать, повѣствованіе мое будетъ очень коротко.»

«Только чтобы было и откровенно!» прибавила Синьора Розалія.

«Не имѣю причины, правдолюбивая Синьора, къ истинѣ примѣшивать вымыслы. Живописецъ Лоренцо есть Графъ Кольмаръ, владѣтель огромнаго имѣнія въ живописныхъ горахъ Исполиновыхъ. Матери своей онъ лишился на двѣнадцатомъ году возраста, отца своего два года предъ симъ. Онъ воспитанъ соотвѣтственно своему сану и богатству, но не по обыкновенной методѣ. Человѣку нельзя дать того, чего въ немъ нѣтъ, и истинное воспитаніе помогаетъ только развитію душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, и великое искуство потребно уже только для того, чтобы не мѣшать оному развитію, или не дать ему несвойственнаго ему направленія. Это правило, коимъ старый Графъ руководствовался, сохранило молодаго Графа отъ многихъ дурачествъ, глупостей и предразсудковъ, прививаемыхъ молодымъ людямъ высокаго званія. Молодой Графъ имѣлъ полную волю дѣлать, что хотѣлъ; уклоненіе съ прямаго пути къ чему либо безнравственному было предусматриваемо и отклоняемо, или встрѣчало въ старомъ Графѣ грознаго и неумолимаго карателя. Молодой Графъ имѣлъ полную волю разсуждать, какъ хотѣлъ; и старый Графъ ему еще помогалъ и доводилъ его разсужденія до послѣдней границы возможнаго, или до послѣдней точки превыспренности, съ которой молодой Графъ

могъ окинуть однимъ взоромъ или все заблужденіе, или все изящество своихъ мыслей. Бывъ часто свидѣтелемъ такихъ бесѣдъ, я неоднократно имѣлъ случай и причины удивляться смѣлости и рѣзкимъ рѣчамъ молодаго, и хладнокровію, терпѣнію и искуству стараго Графа. Ихъ бесѣды походили совершенно на Duo, въ которомъ играютъ варіаціи на одну и ту же тему попеременно то тотъ, то другой. Часто старикъ только вторилъ; иногда игралъ и Solo, но не выходилъ ни изъ тона, ни изъ такта, въ которомъ обыкновенно начиналъ молодой Графъ. Часто походили они на двухъ пылкихъ коней, пущенныхъ въ ристалище, и напрягавшихъ свои силы, чтобы опередить другъ друга. Присовокупите къ сему, что молодой Графъ ни въ чемъ не былъ стѣсняемъ, ни въ занятіяхъ, ни въ увеселеніяхъ, имъ избираемыхъ, ни въ расположеніи дня; тогда вы, прелестная Розалія, повѣрите мнѣ, если я скажу, что онъ весьма рано научился смотрѣть на все, его окружающее, совсѣмъ иначе, нежели другіе, что сердце его чисто, какъ стекло вашего убернаго зеркала, и что онъ пріобрѣлъ, можетъ быть излишнюю довѣренность къ самому себѣ. Онъ учился всему, чего нынѣшнее воспитаніе требуетъ, и имѣя отличныя способности, отлично во всемъ успѣлъ.

Ему было двадцать четыре года, когда старый Графъ скончался, и онъ вступилъ въ наслѣдство и управленіе огромнымъ имѣніемъ. Первое время онъ провелъ непримѣтно въ разныхъ распоряженіяхъ; но когда онъ все привелъ по своему мнѣнію и желанію въ порядокъ, когда имѣлъ много свободнаго времени, то ему наскучила единообразная и одинокая жизнь въ помѣстьяхъ своихъ. Однажды вечеромъ, сидя въ своемъ кабинетѣ погруженный въ мысли, онъ вдругъ вскочилъ, прошелся по комнатѣ скорыми шагами, и сѣвъ опять на свое мѣсто, сказалъ: »Я думаю, любезный Вольдемаръ, что какъ у Шекспира находятся намѣки, указующіе въ какомъ смыслѣ должно понимать или характеръ какого либо лица или всю пьесу, такъ и въ человѣкѣ есть такіе намѣки, указующіе, что̀ ему надлежитъ дѣлать.« — »Сомнѣваюсь, отвѣчалъ я, намѣки стихотворца произвольные; въ человѣкѣ«.... »Постой! постой! перервалъ онъ меня; ты Шекспира не понимаешь, другъ мой; у Шекспира нѣтъ ничего произвольнаго, и намѣки въ его пьесахъ не его; эти намѣки невольныя обнаруживанія характера лицъ самихъ. Такъ и въ человѣкѣ есть такіе намѣки. Напримѣръ, скажи мнѣ, для чего еще въ томъ возрастѣ, когда я не умѣлъ отличать хорошее отъ дурнаго, для чего родилась во мнѣ такая

страсть къ Италіанскому языку, когда господствуетъ у насъ во всемъ Галломанія? Для чего родилась во мнѣ страсть къ живописи, когда, по мнѣнію нашихъ умниковъ, мнѣ, какъ Графу, приличнѣе было бы покупать, нежели самому писать картины? для чего? — »Ваша душа искала пищи и занятій, сказалъ я, а что вы избрали преимущественно языкъ Италіанскій и живопись, это дѣло случайное.« — Онъ возразилъ: »какъ Астрологъ Сени, въ Валленштейнѣ, говоритъ, что нѣтъ ничего маловажнаго; такъ я тебѣ скажу, что нѣтъ ничего случайнаго. Все имѣетъ свою причину, свою цѣль; все въ связи. Но мы слишкомъ близоруки, чтобы видѣть части, все связующія; а бѣдный умъ нашъ, мудрствуя, часто разрываетъ сію дивную тонкую ткань; и это источникъ всѣхъ бѣдствій. Если бы мы болѣе прислушивались къ самимъ себѣ, какъ мы должны прислушиваться къ рѣчамъ Шекспировыхъ лицъ, если хотимъ понять ихъ характеръ и ихъ дѣйствія, то конечно не сбивались бы съ пути, предначертаннаго судьбою. Я прислушался къ себѣ. Страсть моя къ Италіанскому языку и къ живописи, двумъ предметамъ въ понятіи моемъ неразрывнымъ, указываютъ мнѣ на Италію. Ожидаетъ ли меня тамъ что, или нѣтъ; я того знать не могу. Но я хочу видѣть ту землю, ко-

торая мнѣ и въ Исторіи является лучезарною, хочу видѣть сію отчизну военнаго величія, духовной власти и изящныхъ искуствъ.» — «Вижу, отвѣчалъ я ему, что вы прислушались къ себѣ; на моемъ языкѣ это значитъ — вы возымѣли желаніе путешествовать, видѣть людей.» — «Точно, перервалъ онъ, при этомъ случаѣ хочу видѣть и людей; людей, Вольдемаръ; не Герцоговъ, Графовъ, Маркизовъ и пр., но людей, Вольдемаръ, людей.» — «А развѣ Герцоги, Графы, Маркизы и пр. не люди?» спросилъ я. — «Люди, отвѣчалъ онъ, но точно такъ какъ и актеры на сценѣ люди; въ этомъ театрѣ я еще успѣю побывать. А чтобы мнѣ возможно было видѣть людей, то я воспользуюсь своимъ искуствомъ и, оставивъ дома пышность и Графскій титулъ, которые насъ отъ людей, или людей отъ насъ удаляютъ, отправиться въ сопровожденіи только одного слуги, подъ именемъ живописца Лоренцо. Если, прибавилъ онъ улыбаясь, если вамъ, почтеннѣйшій Вольдемаръ, угодно мнѣ сопутствовать, то я не откажусь отъ удовольствія вашей бесѣды; однако не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы Вольдемаръ благоволилъ промѣнять сіе звучное имя на другое, не менѣе звучное, на примѣръ, Джіакомо и хранить свое и мое званіе и имя какъ тайну.» — Тысяча мыслей, одна другой пріятнѣе,

зашевелились въ моей неугомонной головѣ. »Я готовъ, воскликнулъ я въ восхищеніи; вмѣсто клятвеннаго обѣщанія, вотъ вамъ моя рука, Графъ! Прикажете закладывать!« — »Не горячись, Синьоръ Джіакомо, сказалъ онъ, приказаніе уже дано. Завтра въ шесть часовъ утра мы ѣдемъ.« — У Графа все уже было приготовлено. Съ портфелью, карандашами и красками, съ кошелькомъ, набитымъ червонцами, и съ нѣсколькими векселями, мы на другой день въ назначенный часъ сѣли въ коляску, и отправились.

Нѣсколько помолчавъ, Джіакоко продолжалъ: »хотя я и принадлежу къ тѣмъ характерамъ, для коихъ, въ теоріи и на практикѣ, жизнь не иное что какъ une partie de plaisir; кои, убѣгая глубокихъ размышленій, не столько поучающихъ, сколько смущающихъ человѣка, любуются картинами прошедшихъ дней, не любопытствуютъ поднять завѣсу будущаго, и пользуются настоящимъ, срывая цвѣтки веселія и наслажденія, гдѣ находятъ: однако я начинаю вѣрить, что есть въ человѣкѣ намѣки, о коихъ говорилъ Графъ. По крайней мѣрѣ, жизнь Графа, еслибъ онъ не оставилъ своихъ помѣстьевъ, вытянулась бы въ единообразную нить вѣчности; тутъ жизнь его дѣлается драмою, которую надобно розыграть. Узелъ завязался въ Венеціи.

Но я долженъ, внимательная Синьора Розалія возвратиться за нѣсколько лѣтъ назадъ, дабы повѣствованіе мое имѣло надлежащую связь и ясность. Если я прежде сказалъ, что начинаю вѣрить намѣкамъ въ человѣкѣ, то теперь я долженъ еще присовокупить, что бываютъ событія въ жизни человѣческой, кои по внезапности своей, или по сокровенности внутренней связи, столь чрезвычайны, что человѣкъ, ихъ видѣвшій находясь вдругъ на межѣ двухъ міровъ, приходитъ въ недоумѣніе, и, отвергавъ прежде ихъ возможность, наконецъ начинаетъ вѣрить тому, чему умъ смѣялся, потому что оно смѣется уму. За два года до кончины стараго Графа, молодой Графъ по дѣламъ семейственнымъ посланъ былъ отцомъ своимъ въ одно изъ сѣверныхъ Государствъ Европы. Я былъ его сопутникомъ. Нѣсколько времени спустя послѣ пріѣзда нашего туда, познакомившись съ лучшими домами въ городѣ, мы однажды приглашены были однимъ богатымъ помѣщикомъ и знатнымъ чиновникомъ на балъ, который онъ давалъ въ загородномъ своемъ домѣ, въ четырехъ миляхъ отъ города. Все, чѣмъ роскошь и утонченность вкуса прельстить могутъ глаза и воображеніе, все, кажется было придумано и выполнено, а пріятность и любезность хозяйки и привѣтливость хозяина, возбуждали во всѣхъ гостяхъ веселый духъ и

поддерживали общее удовольствіе. Предъ всѣми отличался въ танцахъ — Графъ, съ дочерью хозяина, прелестною дѣвицею, созданною, кажется, для того только, чтобы поселять въ мущинахъ сердечную тоску. Графъ въ началѣ былъ чрезвычайно веселъ; но вдругъ, по причинѣ мнѣ и по нынѣ неизвѣстной, веселость его изчезла, и когда время клонилось къ полуночи, онъ, подошелъ ко мнѣ, шепнулъ, что намѣренъ по тихоньку уѣхать. Но какъ онъ ни шепталъ, однако стоявшій позади меня Баронъ Массингеръ, который принадлежалъ къ первымъ нашимъ знакомствамъ въ томъ городѣ, услышалъ его слова, и сказалъ ему: »вы собираетесь домой, Графъ; признаться, и я желалъ бы быть уже на покоѣ. Если угодно, поѣдемъ вмѣстѣ.« Графъ согласился. Мы по тихоньку удалились изъ залы, отыскали своихъ людей, накинули шубы, и сани заскрипѣли по снѣгу. Погода была прекрасная, ночь свѣтлая. Не отъѣхали мы и полмили, какъ поднялся сильный вѣтръ, и кучеръ спросилъ Графа, не прикажетъ ли воротиться, потому что подымается мятель, и впереди до города нѣтъ ни деревни, ни хаты. — Ему приказано было продолжать путь.«

»Не желаю, чтобы столь нѣжный цвѣтокъ, какъ вы, прелестная Розалія, когда либо, или по собственному желанію, или по опре-

дѣленію судьбы, перенесенъ былъ въ тѣ страны, которыя благотворное солнце освѣщаетъ столь краткое время. Вы, щастливая Синьора Розалія, родились въ благословенныхъ поляхъ Италіи, и ваше воображеніе, имѣя предъ собою всегда прелестнѣйшія картины Природы и Искуства, не знаетъ ужасовъ Сѣвера, гдѣ взоръ не любуется медленнымъ развитіемъ весны и ея почекъ, гдѣ природа, дѣйствуя скрытно и быстро, лишаетъ насъ восхитительнаго зрѣлища развивающейся красоты, гдѣ въ одну ночь безцвѣтная страна превращается въ роскошную жизнь растительнаго царства, гдѣ прелести Природы мгновенно изчезаютъ, скрываясь за снѣжными облаками. Солнце удаляется, спѣша скрыться подъ горизонтомъ, медлитъ появленіемъ своимъ пробуждать смертныхъ къ новой дѣятельности; земля лишается своихъ украшеній; все цѣпенѣетъ въ морозѣ, и какъ кровь въ жилахъ стынетъ при наступленіи смерти; такъ быстрѣйшее движеніе рѣкъ слабѣетъ, теченія нѣтъ. Снѣгъ и мракъ длинныхъ ночей покрываютъ землю. Горе путнику, выѣхавшему изъ многолюднаго города въ дорогу, ведущую чрезъ необозримое поле, и пересѣкаемую дальними селеніями, когда застигаетъ его вѣтръ и вихрь. Снѣжная пыль поднимается съ земли, спускается съ облаковъ — небо и земля изчеза-

ютъ — всюду бѣлая тьма! Самый зоркій глазъ не видитъ далѣе десяти шаговъ! битая дорога сливается съ необозримымъ полемъ! нѣтъ слѣдовъ, и надобно, или остановиться, или продолжать путь свой на удачу. Въ обоихъ случаяхъ угрожаетъ величайшая опасность, и часто встрѣчаютъ неизбѣжную смерть.«

«Снѣжная пыль начинала уже подыматься и крутиться въ воздухѣ. Кучеръ еще разъ спросилъ Графа; не прикажетъ ли воротиться? Но Графъ, не зная еще опасности, съ гнѣвомъ повторилъ прежнее свое приказаніе. Баронъ не отставалъ. Вскорѣ кучеръ остановилъ лошадей, и объявилъ, что онъ сбился съ дороги. Долго совѣщались, въ какомъ направленіи ѣхать. Наконецъ кучеръ просилъ позволенія предоставить лошадямъ волю идти, куда хотятъ, говоря, что это единственное средство въ такихъ случаяхъ, и что лошади обыкновенно попадаютъ на какую либо дорогу. Графъ согласился, и дабы намъ не потерять другъ друга, то коренную лошадь ѣхавшаго за нами Барона привязали къ задку нашихъ саней. Такимъ образомъ ѣхали мы съ часъ, какъ кучеръ остановилъ лошадей, говоря, что̀-то впереди въ весьма близкомъ разстояніи виднѣется. Послали лакея узнать; это была хижина въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ стоявшая. Холодъ и опасеніе опять

сбиться съ дороги заставили насъ искать въ сей хижинѣ убѣжища, и обождать, пока мятель пройдетъ.»

«Графъ, противъ своего обыкновенія, во все время нашего странствованія молчалъ, погруженный въ задумчивость. — «Здѣсь, видно, царство смерти,» сказалъ Баронъ, выходя изъ саней; «не слыхать и лая собаки.» — Мы вошли въ сѣни. — «Едва ли здѣсь кто живетъ,» продолжалъ Баронъ, «и мы принуждены будемъ сидѣть въ потьмахъ.» — Въ сіе мгновеніе лакей, отыскавши ощупью дверь, отворилъ ее. Мы остановились пораженные свѣтомъ и страннымъ зрѣлищемъ, которое намъ представилось. Лакей, оцѣпенѣвъ, и выставивъ свои глаза, держалъ въ рукѣ дверь, не зная, что дѣлать. У стѣны противъ открытой двери стоялъ длинный столъ, на которомъ горѣло восемь свѣчь, поставленныхъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ ставятъ геридоны около гроба; пространство стола, ими заключаемое, было покрыто бѣлымъ полотномъ; за столомъ на скамьѣ, простиравшейся вдоль по всей стѣнѣ, въ простѣнкѣ двухъ оконъ, сидѣлъ человѣкъ высокаго роста — голова его была совершенно лысая — изсохшее его продолговатое лицо, съ острыми подбородкомъ и носомъ, не оживлялось никакимъ цвѣтомъ — на лбу надъ лѣвымъ глазомъ видѣнъ былъ красный, какъ бы кро-

вью налитый рубецъ — оловянные глаза его, коихъ взоръ устремленъ былъ на столъ, бѣлый плащъ, покрывавшій, какъ саванъ, всѣ прочія части его тѣла, и неподвижность всей фигуры, могли бы свидѣтельствовать, что онъ сокрушилъ затворы своего гроба и сидѣлъ тамъ въ ожиданіи страшнаго суда, если бы судорожное движеніе устъ и лѣвой щеки не доказывали, что онъ принадлежалъ еще къ живымъ.»

«Графъ посмотрѣлъ на меня, какъ будто желая получить отъ меня какое либо объясненіе, и первый вошелъ въ комнату, за нимъ Баронъ и я. Дверь за нами сама захлопнулась, и кажется, каждый изъ насъ вздрогнулъ. Вдоль боковыхъ стѣнъ стояли длинныя скамьи, а по лѣвую руку видна была еще одна дверь. Впрочемъ все было голо, и даже не видать было и иконы. Мы сѣли, я по лѣвую, Графъ и Баронъ по правую руку стола, въ нѣкоторомъ отъ онаго разстояніи. Баронъ, не скрывавшій ни въ какихъ случаяхъ своего вольнодумства, хотѣвшій, вѣроятно, и тогда выказать свою храбрость, посматривалъ съ язвительною улыбкою на страннаго человѣка и на Графа, сидѣвшаго въ задумчивости, которая меня болѣе тревожила, нежели страшный незнакомецъ. Нѣсколько минутъ продолжалась безмолвная сцена. Вдругъ незнакомецъ медленно

поднялъ голову, обратилъ тусклые свои глаза на Барона и сказалъ глухимъ гробовымъ голосомъ: „се царство смерти! Тебя, кощунъ, ожидаетъ великое нещастье.“ — Баронъ примѣтно встревожился, но желая выдержать свой характеръ, собрался съ духомъ и отвѣчалъ ему: „если тебѣ дано слышать какъ растетъ трава, и видѣть что кроется за завѣсою будущихъ временъ; то благоволи изъ глубины премудрости твоей возвѣстить лестнѣйшее.“ — „Въ царствѣ смерти не льстятъ!“ сказалъ незнакомецъ. Щеки и уста его пришли въ сильнѣйшее движеніе. —„Внимай, кощунъ!“ продолжалъ онъ; „прежде, нежели солнце трижды совершитъ свой путь, ты изъ міра порядка внидешь въ міръ смятенія, пятнадцать лѣтъ тебѣ суждено, не узнавать ни себя, ни другихъ; потомъ возвратится свѣтъ въ душу твою, но только для того, чтобъ ты позналъ плачевнѣйшее состояніе свое. Тогда ты вторично сойдешь съ ума и въ бѣшенствѣ умрешь.“ — Баронъ молчалъ, пораженный столь ужаснымъ предсказаніемъ. Графъ не выходилъ изъ задумчивости своей, но на лицѣ его выражалось спокойствіе. Я не зналъ, что думать: считать ли незнакомца за высшее существо, которому извѣстны судьбы смертныхъ, или попались мы въ сѣти обмана, а можетъ быть, въ опасное для жизни нашей мѣсто. Глубокое

молчаніе, воспослѣдовавшее за предсказаніемъ, перервалъ опять незнакомецъ, медленно обратившій свое ужасное лице ко мнѣ, и сказавшій: „се царство смерти, а не царство лжи и обмана, и жизнь твоя и товарищей твоихъ безопасна.“ — У меня волосъ сталъ дыбомъ. — „Долго,“ продолжалъ онъ, „обратясь къ Графу, „долго я тебя ждалъ, Графъ.“ — При сихъ словахъ Графъ вышелъ изъ своей задумчивости.—„Кто ты?“ спросилъ онъ незнакомца рѣшительнымъ голосомъ. „Кто тебя послалъ? и по чему ты меня знаешь?“ — „Не спрашивай меня. Не въ моей власти состоитъ, отвѣчать на твои вопросы. Знай, что для меня нѣтъ ни времени, ни пространства. Человѣкъ слѣпъ, яко кротъ! онъ веселится на канунѣ смерти! чаша удовольствія увѣнчана цвѣтами, но она отравлена горечью и ядомъ. Подойди ко мнѣ, Графъ.“—Графъ всталъ, и подошелъ къ нему съ нѣкоторою робостью. — „Смотри, Графъ!“ сказалъ незнакомецъ, вынувъ изъ подъ плаща лѣвую руку, которая принадлежала болѣе скелету, нежели живому человѣку, держа ею блестящее серебряное блюдо,— „смотри, Графъ,“ повторилъ онъ, повернувъ блюдо къ глазамъ Графа. Графъ смотрѣлъ въ блюдо, лицо его начало измѣняться, волосъ подыматься. — „Не робѣй, юноша!“ сказалъ онъ. „Ты видишь послѣднюю сцену.“ И вскорѣ

потомъ спряталъ блюдо опять подъ плащъ. Молча стоялъ Графъ какъ истуканъ, устремивъ глаза на незнакомца. Баронъ сидѣлъ съ поникшею головою, вперивъ взоры свои въ полъ. Я нетерпѣливо ожидалъ развязки. Графъ, сдѣлавъ движеніе, чтобы возвратиться къ своему мѣсту, вдругъ сильно встревожился, оставаясь у стола, къ которому подошелъ.— «Не робѣй!» сказалъ незнакомецъ. «Свобода есть плодъ повиновенія! Соберись съ духомъ! Смотри, Графъ.» — Съ сими словами онъ вынулъ изъ подъ плаща правую руку, держа въ ней зеркало.—«Смотри, Графъ!» повторилъ онъ. Графъ бросилъ робкій взглядъ на стекло; взоръ его прояснился! на устахъ появилась улыбка и на лицѣ его изображалось удовольствіе и радость. — «Графъ!» сказалъ незнакомецъ и спряталъ зеркало опять подъ плащъ; «ты хотѣлъ знать, кто я!» Графъ молчалъ.—«Познай меня!»— Съ сими словами онъ сдернулъ бѣлое полотно со стола, и взоры Графа пали на вдѣланный въ столъ стальной листъ. Лице его поблѣднѣло, онъ зашатался, и схвативъ себя за лобъ, бросился изъ хаты вонъ. Мы почувствовали сильный запахъ мертваго. Баронъ глубоко вздохнулъ, но сидѣлъ неподвижно. Я хотѣлъ броситься за Графомъ, коего состояніе меня сильно встревожило, но никакъ не могъ встать. Страшный незнакомецъ сидѣлъ спокойно на своемъ

мѣстѣ, покрывши опять столъ полотномъ, и обращая свои страшные глаза то на Барона, то на меня. —„Скажи,„ обратился онъ наконецъ ко мнѣ, „скажи Графу, что я съ нимъ еще увижусь!„—Вдругъ свѣчи погасли, мы остались въ глубокомъ мракѣ, а надъ нами раздался тяжкій стонъ. Хотя робость мною и овладѣла, однако я не совсѣмъ лишился памяти и присутствіа духа. Почувствовавъ свѣжій воздухъ вокругъ себя, мнѣ какъ-то стало легче; и увѣрившись, что могу ноги свои привести по волѣ въ движеніе, я вскочилъ.—„Баронъ! вы тутъ?„ спросилъ я громкимъ голосомъ. — „Тутъ!„ отвѣчалъ онъ. Схвативъ его за руку, которая сильно дрожала, я потащилъ его за собою вонъ изъ избы. Мы вышли на улицу; мятель уже прошла; сани Бароновы стояли въ готовности.— „Гдѣ Графъ?„ спросилъ я. — „Уже давно уѣхалъ,„ отвѣчалъ лакей. „Слышали ль вы стенаніе?„ спросилъ я. — „Ничего, сударь, не слышали; все было тихо, какъ въ могилѣ.„ Мы сѣли въ сани, и лошади помчали.„

„Камердинеръ Графа встрѣтилъ меня съ лицомъ встревоженнымъ. Графъ очень боленъ, сказалъ онъ. „Давно ли онъ пріѣхалъ?„ спросилъ я. „Съ полчаса,„ отвѣчалъ камердинеръ; „онъ ходилъ по комнатѣ, блѣдный какъ смерть, останавливался, говорилъ несвязныя рѣчи, блуждалъ глазами, чего-то боялся. Въ изне-

моженіи онъ упалъ безъ памяти на софу; я его поскорѣе раздѣлъ, положилъ въ постель и послалъ за докторомъ.» — Въ сію минуту вошелъ и докторъ. Мы пошли къ больному. Графъ лежалъ въ постелѣ съ сомкнутыми глазами, похожій болѣе на мертваго, нежели на живаго; холодный потъ выступалъ на лицѣ его. Докторъ, щупая пульсъ, качалъ головою. На вопросы его о причинѣ болѣзни я отвѣчать не могъ, чувствуя сильное отвращеніе разглашать столь странное произшествіе. »Я думаю,« сказалъ я ему, »что Графъ сильно простудился. Докторъ качалъ головою. Прописавъ лекарство и подавая мнѣ рецептъ,« соблюдайте, »сказалъ онъ,« совершенную тишину; малѣйшій стукъ можетъ лишить его жизни. А когда проснется, то поспѣшите ему дать лекарство, на которое я впрочемъ и самъ не надѣюсь. Черезъ шесть часовъ, если онъ еще будетъ живъ, я опять буду.« — Я остался съ камердинеромъ у постели больнаго. Что въ душѣ моей тогда происходило, я описать не въ состояніи. Если бы Графъ не въ такомъ былъ положеніи, то я все счелъ бы за страшное сновидѣніе. Умъ мой, не могши согласиться съ дѣйствительностью видѣннаго мною, терялся въ разныхъ догадкахъ, и чѣмъ болѣе я старался все объяснить и видѣть въ семъ произшествіи хитросплетенія обмана, тѣмъ болѣе оно

становилось для меня неизъяснимымъ. Черезъ часъ Графъ проснулся и быстро поднявшись въ постелѣ, смотрѣлъ на меня дикимъ взоромъ долго, долго, какъ будто усиливаясь что-то припомнить.—„Такъ и ты,„ сказалъ онъ наконецъ, „переселился въ царство мертвыхъ? — Ты Вольдемаръ? — да! такъ! точно! — я помню. — Смерть не успѣла еще совсѣмъ истребить моей памяти. — Ты Вольдемаръ. — Смерть быстра — я думалъ отъ нее ускакать, но не въ свои сани сѣлъ. — Кони мчали — кучеръ погонялъ ихъ дикимъ голосомъ — снѣгъ клубился около меня — холодъ втекалъ въ жилы — свистъ и вой въ воздухѣ — все становилось темнѣе — мрачнѣе — сани черныя — то не сани были — то былъ гробъ — а коней погоняла смерть — мы пріѣхали къ вратамъ царства мертвыхъ.— Смотри какое стеченіе пріѣхавшихъ!—Намъ, Вольдемаръ, надобно подождать, пока насъ пропустятъ.„ — Сказавъ сіе, Графъ замолчалъ и глубоко вздохнулъ. Молча камердинеръ подалъ ему чашку съ лекарствомъ; Графъ машинально ее взялъ, долго на нее смотрѣлъ и наконецъ выпилъ. „Ты кто?„ закричалъ онъ вдругъ ужаснымъ дикимъ голосомъ и бросилъ чашку, которая разлетѣлась на мелкіе кусочки. „Прочь исчадіе ада! прочь призракъ!„ и упалъ опять безъ памяти на подушку. Вскорѣ выступилъ сильный потъ, лице его пылало!„

„Не стану вамъ, прелестная Розалія, въ подробности описывать ужаснаго положенія моего друга и благодѣтеля; ни состоянія души моей, которая, при столь плачевномъ зрѣлищѣ, невольно вспоминая необыкновенную причину онаго, волновалась страхомъ и надеждою. Графъ долго оставался въ безпамятствѣ, и страшныя фантазіи, которыми онъ бредилъ и мучился, относились всѣ къ тому произшествію, и вѣроятно къ тѣмъ явленіямъ, которыя онъ видѣлъ въ серебряномъ блюдѣ, въ зеркалѣ, и въ стальномъ листѣ. И тогда даже, когда стараніями медика больной получилъ облегченіе, и здоровье его начало, хотя очень медленно, возвращаться, и тогда еще воображеніе его было въ сильномъ дѣйствіи, но пораждало, кажется, пріятнѣйшія картины. Ибо во время перелома болѣзни, послѣ глубокаго сна, продолжавшагося тридцать шесть часовъ, Графъ вздохнулъ, какъ обыкновенно вздыхаютъ, чувствуя большое облегченіе, тихо катились слезы изъ его глазъ, улыбка освѣжила его лице. „Посмотри,“ сказалъ онъ мнѣ слабымъ прерывающимся голосомъ, „посмотри, Вольдемаръ, ангелъ мой передо мною; какъ ее зовутъ, я не знаю — но она моя — моя, Вольдемаръ, — она назначена для меня — она ждетъ меня — сей часъ буду. — Вольдемаръ! веди меня къ ней.“ Съ того времени онъ

становился все спокойнѣе, всѣ его мечтанія имѣли одинъ только предмѣтъ — ее; и когда онъ уже въ состояніи былъ сидѣть въ постелѣ, онъ велѣлъ себѣ подать бумагу и карандаши, началъ что-то чертить, но рука его еще слабая, дрожала, и онъ долженъ былъ оставить свое предпріятіе. Здоровье его возстановлялось, хотя и медленно, и когда ему уже позволено было опять заниматься своими любимыми предметами; то онъ ежедневно запирался въ своемъ кабинетѣ, и кончивши картину, коей занимался, позвалъ меня однажды къ себѣ въ кабинетъ, и снявъ полотно, коимъ картина была покрыта, сказалъ: «смотри, Вольдемаръ, вотъ плодъ моей болѣзни!» — На картинѣ изображена была женщина необыкновенной красоты и привлекательности. — «Что ты молчишь, Вольдемаръ?» сказалъ Графъ, когда я въ безмолвномъ восхищеніи смотрѣлъ. «Что скажешь?» — «Сожалѣнія достойно было бы,» отвѣчалъ я, «если бы столь прелестный цвѣтокъ дѣйствительно когда нибудь явился въ жизни!» — «По чему же такъ?» спросилъ Графъ, явно смущенный сею мыслью. — «Потому,» отвѣчалъ я, «что время, все измѣняющее, все пожирающее, не пощадило бы и его. Представить же себѣ померкшими сіи чистѣйшіе глаза, въ коихъ видна душа, ко всему доблестному и изящному пламенѣющая, сіи ла-

ниты, въ розахъ коихъ покоятся всѣ Граціи и Амуры, покрытыми браздами старости; и эти двѣ сферы.... Графъ! такая метаморфоза наводитъ на меня ужасъ, и желаніе мое, чтобы никогда подобное существо не питалось плодами земли, весьма естественно.»—«За чѣмъ же,» возразилъ Графъ, «дѣло времени предоставлять воображенію? Наслаждайся настоящимъ, скажетъ тебѣ всякій мудрецъ.»— «Хорошо,» отвѣчалъ я, «еслибъ человѣку дано было жить въ настоящемъ! Онъ живетъ только или въ прошедшемъ, или въ будущемъ; настоящаго для него нѣтъ. Настоящее-только скоротечныя мгновенія, съ быстротою молніи гонимыя будущими къ прошедшимъ. — «А развѣ,» сказалъ Графъ, «плачевную твою метаморфозу не льзя замѣнить другимъ чѣмъ?»—«Чѣмъ?» спросилъ я.— «Я воображаю,» сказалъ Графъ, «что такое существо, въ то самое время своего совершенства, когда оно, такъ сказать, стоитъ на межѣ Природы и Искуства, дѣлается добычею смерти! Въ такомъ случаѣ, образъ его, какъ идеалъ красоты, будетъ вѣчно жить въ сердцѣ и фантазіи видѣвшихъ его.»— «Въ такомъ случаѣ,» сказалъ я, «горе, трикраты горе тому, кто, вступивъ въ сферу сего существа, преисполнилъ душу свою сладчайшими ощущеніями блаженства, которому бы и боги завидовали.» — Графъ, опустивъ по-

тихоньку полотно, закрылъ опять картину. Изъ фантазій его во время болѣзни, изъ жара, съ какимъ онъ принялся за кисти, чтобы одушевить полотно сею картиною, изъ меланхоліи и грусти, съ какою онъ разсматривалъ собственное свое, истинно удивительное произведеніе, я съ душевнымъ прискорбіемъ замѣтилъ, что гнѣздилась въ его головѣ та мысль, что сіе существо, порожденное его разгоряченнымъ воображеніемъ, должно существовать въ мірѣ, и съ нимъ когда нибудь соединиться. Но я молчалъ, боясь, воспоминаніемъ прошедшаго, растревожить его воображеніе; не могъ рѣшиться сказать ему и того, что тотъ странный человѣкъ съ нимъ еще увидится; тѣмъ болѣе, что Графъ самъ, взявъ меня за руку, сказалъ: «Любезный Вольдемаръ! Въ воображеніи моемъ лежатъ, такъ сказать, обломки какого-то страннаго и страшнаго произшествія, изъ коихъ я тщетно усиливаюсь составить нѣчто цѣлое. Я не помню, было ли оно на яву до моей болѣзни, или только въ хаотическомъ смятеніи картинъ распаленнаго горячкою воображенія; но я прошу тебя, ни когда не упоминать мнѣ о томъ, что со мною было; не считаю нужнымъ, чтобы и другіе про то знали. А какъ дѣла мои на сихъ дняхъ приведены будутъ къ успѣшному окончанію, то потрудись все изготовить въ дорогу. Надѣюсь, дня черезъ

три, или четыре, быть на возвратномъ пути домой.»—Принявъ сіе приказаніе, я поспѣшилъ къ Барону Мессингеру, котораго я до сихъ поръ къ Графу не допускалъ, и просилъ его, чтобы онъ при прощаніи съ Графомъ отнюдь не упоминалъ о прошедшемъ. Баронъ далъ и сдержалъ слово. Происшествіе было для всѣхъ тайною. Человѣку, видѣвшему ту сцену, я тогда же, по возвращеніи домой, сомкнулъ уста, увѣривъ его, что мертвецъ, котораго онъ видѣлъ, объявилъ, что кто про него болтать будетъ, подвергнется ужасному наказанію, и совѣтовалъ ему быть осторожнымъ. Человѣкъ радовался, что еще не успѣлъ ни кому о томъ разсказать. Баронъ молчалъ, или приведенный въ недоумѣніе, или боясь компрометировать свой здравый разсудокъ. Я видѣнному ни вѣрилъ, ни невѣрилъ; предсказаніе, сдѣланное Барону, не выходило у меня изъ памяти, и съ нетерпѣніемъ ожидая назначеннаго срока, просилъ я одного пріятеля Баронова, и моего, извѣщать меня по временамъ о Баронѣ. По окончаніи дѣла, для коего Графъ былъ посланъ, мы возвратились въ свое отечество. Графъ, пользуясь совершеннымъ здоровьемъ, сдѣлался по прежнему спокойнымъ и веселымъ; по временамъ только находилъ я его сидящимъ въ глубокой задумчивости предъ своею картиною. Веселія и наслажденія, коимъ я по прежнему предавался, совершенно изгла-

дили изъ моей памяти то происшествіе. Но представьте себѣ, нѣжная Синьора Розалія, тотъ громовой ударъ, коимъ я пробужденъ былъ отъ усыпленія разноцвѣтной усладительной жизни, когда, за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего отъѣзда въ Италію, я получилъ письмо, извѣщавшее меня, что Баронъ Мессингеръ лишился ума.»

»Праведный Боже!» воскликнула Синьора Розалія, сплеснувъ руками. »И такъ судъ Твой совершился! Нечестивецъ Тобою взысканъ!» — »Какъ!» сказалъ Джіакомо, »вы знаете Барона Мессингера?» — »Знаю,» отвѣчала она. »Но прошу васъ продолжать. Узнавши, что Баронъ Мессингеръ, знакомое вамъ лицо, собственныя мои выгоды требуютъ, чтобъ я вамъ расказала преступленія сего изверга. Но теперь прошу продолжать вашъ разсказъ.»

Джіакомо продолжалъ такъ: »Я вамъ, прелестная Синьора Розалія, уже сказалъ, что узелъ драмы, которую Графу надобно розыграть, завязался въ Венеціи. Въ прелестныхъ окрестностяхъ сего города, которыя вамъ, Синьора, знакомы, въ шести миляхъ отъ города находится дача, которая живописнымъ своимъ положеніемъ привлекаетъ взоры любителей Природы, изяществомъ и пышностью дворца и другихъ строеній напоминаетъ, что служитъ мѣстопребываніемъ человѣку знатному, богатому, образо-

ванному. Утро было восхитительное, когда Лоренцо, пѣшкомъ, въ сопровожденіи своего слуги, несшаго за нимъ портфель и ящикъ, приближался къ сему дворцу, коего обладателемъ онъ былъ приглашенъ. Чистое и ясное небо, благорастворенный воздухъ, разновидная природа имѣютъ сильнѣйшее вліяніе на Лоренцо; сердце его преисполняется живѣйшихъ ощущеній, воображеніе его пылаетъ, всѣ силы душевныя быстро развиваются, онъ погружается въ какое-то мечтательное упоеніе, и тогда бесѣда его открываетъ несмѣтныя сокровища мыслей, и рѣчь его, становясь живѣйшимъ изображеніемъ его идей, изливается быстрымъ потокомъ, увлекая за собою удивленнаго слушателя. Но со вступленіемъ его въ кабинетъ Графа Пизани сіе расположеніе духа исчезло. Лоренцо началъ озираться и вперилъ испытующій взоръ на Графа, который, въ свою очередь, удивлялся, видя предъ собою человѣка, неподвижно стоящаго и озирающагося, подобно тѣмъ, кои, пробудившись отъ живѣйшаго сновидѣнія, и не зная проснулись ли они, или еще во снѣ, усиливаются припомнить, гдѣ находятся. Приписавъ это однакожъ, по самолюбію человѣческому, особенно сильному въ высшихъ званіяхъ, дѣйствію высокаго своего сана, величественности своего вида, и блеска его окружающаго, Графъ

всталъ съ важностью, и, подошедъ къ Лоренцо, сказалъ: «слава вашей кисти возбудила во мнѣ желаніе съ вами лично познакомиться. Но я вижу, что вы не со всѣмъ здоровы, и сожалѣю, что вы принудили себя немедленно послѣдовать моему приглашенію.»

Лоренцо, опомнившись послѣ сихъ словъ, отвѣчалъ: «извините, Графъ! Бываютъ случаи въ жизни человѣческой, которыхъ умъ никакъ не можетъ постигнуть, и кои по сей самой причинѣ приводятъ насъ въ замѣшательство. Я теперь нахожусь въ подобномъ случаѣ. Увѣренъ будучи, что я въ первый разъ стою на семъ мѣстѣ, я вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренъ, что я уже видѣлъ и сей самый кабинетъ и предстоящаго мнѣ Графа; но тщетно усиливаюсь припомнить, гдѣ и когда? Это меня приводитъ въ недоумѣніе. Прошу васъ, Графъ, меня извинить, и располагать моею готовностью къ услугамъ вашимъ.»

«Это дѣйствительно странно!» сказалъ Графъ. «Я васъ въ первый разъ вижу; я знаю, что вы никогда въ семъ кабинетѣ не бывали; и вы его видѣли! Если вы въ первый разъ въ Венеціи, то вы меня также нигдѣ не видали, развѣ лѣтъ двадцать тому назадъ, во время моего путешествія по Европѣ, въ одномъ изъ столичныхъ городовъ оной; но и это дѣло невозможное; потому

что тогда вы еще были малолѣтны. А съ тѣхъ поръ я изъ Венеціи не выѣзжалъ, развѣ только на свою дачу, а изъ дачи въ Венецію. Но оставимъ эту задачу, прибавилъ Графъ. Не стоитъ, можетъ быть, труда ее разгадывать. Искуство, въ которомъ вы столько отличаетесь, будетъ конечно пріятнѣйшимъ для бесѣды нашей предметомъ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ узналъ, что вы, Синьоръ, отличаетесь въ портретной живописи.»

«Я ею занимаюсь, но ее не люблю,» отвѣчалъ Лоренцо. «Портретная живопись собственно не есть искуство, Графъ; по крайней мѣрѣ, не искуство въ высшемъ смыслѣ.»

«Это столько противорѣчитъ моимъ понятіямъ,» сказалъ Графъ, «что вы безъ сомнѣнія меня много обяжете, Синьоръ, если не скроете отъ меня причинъ, на коихъ основывается ваше мнѣніе.»

«Портретная живопись,» отвѣчалъ Лоренцо, «есть подражаніе Природѣ, исключающее творческую силу фантазіи. Въ портретахъ уважаютъ обыкновенно нѣжную кисть — это мастерство; и разительное сходство, — и это мастерство, а не искуство; точно такъ, какъ сдѣлать fac simile какого нибудь почерка, не есть искуство, а мастерство. Въ сеансѣ живописецъ имѣетъ предъ собою или лицо безобразное, или лицо обыкновен-

ное, незначительное, или лицо прелестное. Въ первомъ случаѣ положеніе его весьма непріятно, и тѣмъ непріятнѣе, что ожидаютъ отъ него, чтобы онъ, сохранилъ сходство, искусно скрылъ недостатки природы; между тѣмъ, какъ онъ одною чертою желалъ бы возвысить безобразіе до идеала въ своемъ родѣ и тѣмъ доставить нѣкоторое удовольствіе и занятіе своему воображенію. Во второмъ случаѣ положеніе его еще хуже; ибо ничтожность какъ въ жизни, такъ и въ искуствѣ, противна; угодливый хочетъ льстить, т. е. изъ сферы ничтожности вывесть въ высшую сферу значительности, и дѣлается лжецомъ, покинувшимъ дѣйствительность и не переселившимся въ область идеаловъ, висящимъ, такъ сказать, между небомъ и землею. Въ третьемъ случаѣ, который весьма рѣдко встрѣчается, требуютъ наиболѣе точности, полагая, что Природа превзошла Искуство, и что довольно славы для Искуства, если оно въ точности повторитъ Природу. Все же, что не изъ творческой силы фантазіи проистекаетъ, есть мастерство, но не Искуство.»

»Я съ вами въ томъ согласенъ, Синьоръ,« отвѣчалъ Графъ. »Но вы поставили портретиста на низкую степень копіиста. Портретистъ свою задачу еще не рѣшилъ, когда онъ сдѣлалъ fac simile: т. е. когда онъ

перенесъ на холстину только наружность лица. Кажется, Синьоръ, потребно, чтобы въ лицѣ видна была и душа.»

«Это доказываетъ только доброту вашего сердца, Графъ,» сказалъ Лоренцо, «если вы думаете, что всякое лицо, сидящее предъ живописцемъ, оживлено душою. Только въ лицѣ того человѣка, который живетъ въ мірѣ идеальномъ, видна душа, видна не только въ глазахъ, но и во всемъ окладѣ лица его. Таковыхъ смертныхъ не много; всѣ же прочіе спятъ, пьютъ, ѣдятъ, производятъ на свѣтъ дѣтей, и оканчиваютъ свое поприще, какъ начали, бывши во всю жизнь свою машиною; а въ машинахъ, согласитесь, Графъ, души быть не можетъ.»

«Стало быть,» сказалъ Графъ, «рѣшительный вашъ приговоръ, что портретная живопись есть только мастерство, допускаетъ ограниченіе.»

«Допускаетъ, Графъ,» отвѣчалъ Лоренцо. «Она можетъ быть и Искуствомъ въ высшемъ смыслѣ, а именно, коль скоро она избираетъ предметы изъ области исторической, или изображая лица неисторическія, избираетъ моментъ значительный. Но у многихъ во всей жизни не сыщется ни одного такого момента. Жизнь ихъ не есть удивительная разновидная ткань, но предлинная нить, наводящая длиною своею скуку и

истребляющая всю жизнь въ лицѣ. А тѣ, кои имѣютъ въ жизни своей такіе моменты, въ которыхъ вся сила души ихъ изображалась на лицѣ, не открываютъ сей тайны живописцу, а довольствуются тѣмъ, что бы онъ ихъ изобразилъ сидящими въ креслахъ и тому подобное, однимъ словомъ, въ совершенномъ покоѣ, въ которомъ душа скрывается подъ безцвѣтнымъ покрываломъ скуки. Высшее требуется отъ портретиста, избирающаго предметы свои изъ области исторической. Тутъ предстоитъ живописцу труднѣйшая задача, сочетать видимое съ невидимымъ, данное съ искомымъ, въ тройственности буквы, смысла и духа. Смотря на портретъ великаго государя, великаго полководца, великаго мыслителя и пр., мы ищемъ въ чертахъ его, такъ сказать, доказательства его величія, и портретистъ, перенесшій на холстину со всею точностью наружность его лица, конечно не рѣшилъ еще своей задачи. Портретъ такого лица долженъ быть темою, къ которой вся жизнь его есть комментарій. Сего портретистъ иначе достигнуть не можетъ, какъ посредствомъ творческой силы фантазіи, создавъ не идеалъ, но лице, принадлежащее къ области идеальной съ самостоятельною индивидуальностью. Тогда только портретистъ становится *живописцемъ*, и написанное имъ

изображеніе перестаетъ быть произведеніемъ мастерства, является твореніемъ Искусства. — Но позвольте, Графъ, еще разъ предложить мою готовность къ услугамъ вашимъ.»

«Послѣ сего, что вами сказано, не знаю,» сказалъ Графъ, «могу ли вамъ предложить писать портретъ лица неисторическаго. Но если вы согласны со мною, что бываютъ и неисторическія лица съ возвышеннымъ образомъ мыслей и чувствованій, и если отцу простительно желаніе имѣть портреты своихъ дѣтей, съ которыми, можетъ быть, скоро разстанется; то я просилъ бы васъ написать портретъ единственной моей дочери.»

«Графъ!» отвѣчалъ Лоренцо, «еслибъ живописцы хотѣли и на практикѣ держаться своихъ умозрѣній, то конечно они имѣли бы много празднаго времени; впрочемъ нѣтъ правилъ безъ исключенія. Позвольте вамъ еще разъ предложить мои услуги.»

«Графъ Пизани, немогшій согласовать величавость и гордость Графа Кольмара съ живописцемъ Лоренцо, пришелъ въ нѣкоторое замѣшательство, и молчалъ, ненашедшись тотчасъ, что сказать.»

«Въ сію минуту безмолвія отворилась боковая дверь. — Неумѣстно было бы, Синьора

Розалія, описывать вамъ красоту и прелести вошедшей юной Жозефины, и не достало бы у меня искуства въ словахъ, какъ въ зеркалѣ, показать вамъ ея образъ. Пусть собственное ваше воображеніе создастъ существо, въ которомъ непостижимымъ образомъ сливается въ одну магическую силу все, что сердце преисполняетъ блаженствомъ, что въ чувства вливаетъ чистѣйшую сладость, что оковываетъ умъ, или даетъ ему высшее стремленіе, что воображенію кажется мечтою идеальнаго міра. Вы, безъ сомнѣнія, теперь полагаете, что Лоренцо, при видѣ ея, пришелъ въ восторгъ. Правда! Лоренцо чувствовалъ, что земля подъ нимъ колеблется, исчезаетъ; но на блѣдномъ его лицѣ выражалось не восхищеніе, а страхъ и ужасъ! Ухватясь за стулъ, возлѣ него стоявшій, онъ едва могъ сказать: «Графъ! я нездоровъ,« — Графъ, сдѣлавъ дочери знакъ удалиться, посадилъ Лоренца въ кресла, и позвонивъ, приказалъ вошедшимъ людямъ отвести Лоренца въ назначенныя для него комнаты, сказавъ ему: Вамъ нуженъ покой, Синьоръ! Вы, безъ сомнѣнія, сами желаете удалиться. Лоренцо подалъ головою знакъ согласія. Его отвели. Жозефина, уходя, остановилась въ дверяхъ, и долго смотрѣла на Лоренца, чего однако же занятый имъ отецъ незамѣтилъ.«

„Жакъ прискакалъ за мною въ Венецію: „Maestro Lorenzo очень нездоровъ! Приказалъ васъ немедленно просить къ себѣ.“ — Я пріѣхалъ туда, когда день уже склонялся къ вечеру. Лоренцо ходилъ въ задумчивости по комнатѣ. — „Вы нездоровы, Лоренцо? что съ вами случилось?“ спросилъ я.—„Былъ нездоровъ,“ отвѣчалъ онъ, „теперь мнѣ лучше, и когда съ тобою объяснюсь, то, думаю, совсѣмъ буду здоровъ. Садись, Джіакомо, и выслушай меня. Помнишь ли ты, продолжалъ онъ, то время, когда мы, за два года до кончины моего родителя, находились на Сѣверѣ? помнишь ли, что̀ съ нами встрѣтилось, когда мы возвращались съ бала съ Барономъ Мессингеромъ домой?“— „Помню,“ отвѣчалъ я, „но не охотно вспоминаю.“—Онъ продолжалъ: „то происшествіе кончилось для меня тяжкою болѣзнью; и съ тѣхъ поръ оно покоилось въ глубинѣ души моей, тревожа меня по временамъ, какъ нѣчто невѣдомое. Сегодня со вступленіемъ въ кабинетъ Графа Пизани, оно начало постепенно выступать и развиваться, и съ появленіемъ Жозефины стояло со всѣми подробностями и во всей ясности предъ моимъ воображеніемъ. Кабинетъ Графскій, точно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть, самаго Графа, и наконецъ дочь его, Жозефину, я видѣлъ — въ зеркалѣ страшнаго незнакомца. Мнѣ предлагаютъ пи-

сать ея портретъ, а портретъ ея уже давно написанъ! Она та самая, которую я видѣлъ въ зеркалѣ, та самая которую воображеніе мое съ непостижимою ясностью произвело во время болѣзни, та самая которую кисть произвела на холстѣ.»—»Какъ!» воскликнулъ я удивленный. — »Точно такъ, какъ я тебѣ говорю,» продолжалъ Графъ. »Скажу еще болѣе: Она та самая, которая наполняетъ собою мое сердце и всѣ мои помышленія.»

»Я до того удивленъ, Графъ!» сказалъ я, »что и не знаю что думать.»

»Ни твое, ни мое удивленіе, не объяснятъ намъ сего непостижимого событія. Можетъ быть, время все открывающее, обнаружитъ и эту тайну. Въ догадкахъ и соображеніяхъ теряться я не намѣренъ; но очень не худо было бы открыть того страшнаго незнакомца, и я прошу тебя, Джіакомо, ничего не упускать изъ вниманія, и если хоть малѣйшій покажется слѣдъ къ открытію его, тотчасъ мнѣ о томъ сказать.»

»Графъ!» сказалъ я ему. »Торопиться, кажется, не нужно. Я имѣю отъ него къ вамъ порученіе.»

»Какъ!» воскликнулъ Графъ. »Такъ ты съ нимъ видѣлся? гдѣ? когда?»

»Тамъ же и тогда же,» отвѣчалъ я, »когда и вы съ нимъ видѣлись. Вспомните, что вы послѣ того, что онъ вамъ показывалъ въ

стальномъ листѣ, бѣжали изъ избы; Баронъ же и я, мы принуждены были остаться на мѣстахъ, не имѣвъ силы встать. И тогда онъ мнѣ сказалъ: скажи ты Графу, что я съ нимъ еще увижусь! — »Слѣдовательно,« сказалъ Графъ, »этотъ незнакомецъ принадлежитъ къ живымъ; и отъ него можно будетъ потребовать объясненія.« — »Графъ! отвѣчалъ я, »вы знаете, сколь мало я вѣрю въ привидѣнія и духовъ, потому что не могу постигнуть возможности оныхъ; не это происшествіе столь странно, по крайней мѣрѣ, предвѣдѣніе незнакомца столько меня поразило, что, не соглашаясь считать его за пришельца изъ другаго міра, не могу также согласиться и полагать его въ числѣ живыхъ. Онъ зналъ мои мысли, онъ показалъ вамъ тѣ лица, между которыми вы теперь находитесь, онъ сдѣлалъ предсказаніе, которое исполнилось.« — »Какое?« спросилъ Графъ. — »Баронъ Мессингеръ, которому предсказано было, что онъ изъ міра порядка внидетъ въ хаосъ смятенія — дѣйствительно лишился ума.« — Графъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. — »Я получилъ извѣстіе о томъ,« продолжалъ я, »не за долго до нашего отъѣзда въ Италію и не сообщалъ вамъ его, боясь встревожить ваше воображеніе.«

»Какъ бы то ни было,« сказалъ Графъ послѣ нѣкотораго молчанія, »кто бы онъ ни

былъ, кажется, я не долженъ его считать врагомъ. Одно только меня смущаетъ и тревожитъ — двусмысленность его оракула! Ибо я видѣлъ и Жозефину, подающую мнѣ съ ангельскою улыбкою прелестнаго младенца, и себя — казнимаго на лобномъ мѣстѣ съ Бакаловичемъ и Шельдинымъ. Впрочемъ, не постигая какими бы путями, мною избираемыми, я могъ дойти до столь почетнаго мѣста, я предоставляю все времени, завязывающему и развязывающему узлы.»

* * б.

НЕДОСОЗДАНІЕ.

Вотще онъ стонетъ изступленный;
Ему не внемлетъ Фебъ скупой:
И гибнетъ міръ новорожденный
Въ груди безсильной и нѣмой.

Хомяковъ.

Есть существа, рожденныя съ чувствомъ Поэзіи, съ воображеніемъ живымъ и творящимъ, съ обиліемъ идей, — и при всѣхъ сихъ стихіяхъ Поэта безмолвствующія не изъ скромности, не отъ лѣни, или скупаго эгоизма. Нѣтъ! онѣ болѣютъ своею творческою полнотою, онѣ мучатся внутреннимъ своимъ плодородіемъ; но не могутъ ничего произвести. Созданія свѣжія, прелестныя, возвышенныя, зараждаются въ душѣ ихъ, и умираютъ зародышами до появленія на свѣтъ. Имъ недостаетъ дуновенія жизни, воплощенія въ формы ощутительныя.

Человѣкъ, надѣленный симъ внутреннимъ творчествомъ, чувствуетъ необходимость

облечь свои мечты въ живое слово, хочетъ быть Поэтомъ. Передъ нимъ мелькаютъ слова огненныя, окриленныя, возносящіяся надъ тлѣніемъ земнымъ, могущія пережить вѣки и готовыя пролиться пламенною струею въ души современниковъ и потомства. Онъ ловитъ ихъ съ напряженнымъ усиліемъ, но они ускользаютъ отъ него, какъ рѣзвая бабочка отъ руки младенца; и если удастся ему поймать изъ нихъ хотя нѣсколько, то онѣ, утративъ прежнюю свою прелесть и свѣжесть въ изнурительной битвѣ, упрямо ложатся подъ перомъ его, не у мѣста, безъ блеска, безъ единства, безъ связи, вялыми и безжизненными. Стихъ его, который до словесной своей оболочки казался ему чистымъ, звучнымъ, сладостнымъ, теперь является слабымъ, грубымъ, шероховатымъ, и дикимъ ревомъ отдается въ слухѣ самого Поэта-труженика. Въ жару негодованія, онъ предаетъ огню недосозданныхъ своихъ первенцевъ, и стыдится собственной человѣческой немощи передъ своею силою духовною.

Онъ хочетъ быть живописцемъ, остановить животворною кистью на полотнѣ быстрый полетъ своей фантазіи. Условія искусства ему извѣстны: онъ изучалъ ихъ по образцамъ вѣковымъ, самобытнымъ. Мысленный взоръ его видитъ надъ собою черты свѣтлыя, плѣнительныя, отраженіе небесна-

го на землѣ; онѣ проникнуты ярко-блестящими красками радуги; жизнь, какъ въ зеркалѣ, отсвѣчивается въ нихъ; но жизнь высшая, идеальная. Онъ вскакиваетъ въ восторгѣ, спѣшитъ набросать ихъ на полотно; но сіи черты, за минуту столь совершенныя, столь ясныя, столь полныя, выказываются изъ-подъ его кисти разрозненными, несвязными и мутными. Прошла минута вдохновенія; представленіе столь живое испарилось изъ воображенія Художника; и тщетно онъ силится собрать воедино сіи разбросанныя черты: изъ нихъ никогда не выйдетъ прекраснаго цѣлаго... Неблагодарная кисть покрываетъ слоями одной краски сей трудъ неблагодарный.

Но есть еще возможность осуществить свои созданія, есть еще средство Художнику дѣйствовать быстро и сильно на сердца и души: онъ хочетъ быть музыкантомъ. Цѣлый міръ звуковъ зыблется надъ нимъ, втѣсняется въ его душу и рвется вылиться изъ нея свѣтлою, очаровательною рѣкою сладкогласія. Онъ слышитъ гармонію небесъ; самыя дивныя созвучія отзываются въ ушахъ его и сливаются въ одно стройное цѣлое.... О! поспѣшай, поспѣшай схватить ихъ и водворить въ своемъ произведеніи по законамъ гармоніи!... Поздно! онъ положилъ ихъ на ноты, ударилъ пальцами по струнамъ — и

самъ изумился разногласію созданія съ произведеніемъ. Звуки сладостные, лелѣющіе слухъ и достигающіе до сердецъ, отлетѣли въ эѳирную свою отчизну; остались только нестройные, ревущіе аккорды, раздирающіе слухъ своею жесткостью, либо пронзительнымъ визгомъ. Или, если они и подчинены правиламъ, подведены подъ ладъ и единство; то уже утратили первобытную новость и своеобразность, и сдѣлались утомительными для слушателя, слабо напоминая ему нѣчто знакомое и лучшее. Художникъ-Иксіонъ клянетъ свою лживую Юнону-фантазію, обольстительный призракъ безъ осязанія и сущности, и торопится истребить земную невѣрную тѣнь ея.

Обманутый въ своихъ начинаніяхъ, не довѣряя болѣе своимъ мечтамъ, онъ спѣшитъ уединиться въ самого себя. Тамъ міръ свѣтлый и творящій, міръ идеаловъ и мыслей, всегда новый, всегда юный, всегда заманчивый опять объемлетъ его и заставляетъ утѣшиться въ неудачахъ. Тамъ созданія, образы, звуки, цвѣта, попеременно и стройно услаждаютъ его чувства духовныя. Но сей міръ не даетъ душѣ покоя: онъ терзаетъ, томитъ ее, поминутно приводя въ болѣзненныя сотрясенія, подобно избытку крови въ здоровомъ тѣлѣ; онъ проситъ жизни, проситъ воплощенія въ существенность....

Онъ пересиливаетъ и страхъ, и досаду, и недовѣрчивость своей жертвы, — и новыя попытки ея составляютъ только цѣпь новыхъ, убійственныхъ разочарованій....

Пусть объяснятъ намъ Физіологи причину сего страннаго недосозданія; пусть они докажутъ намъ: отъ чего воображеніе пылкое, богатство мыслей, короче, всѣ стихіи Поэта, какъ мы уже сказали выше, бываютъ еще недостаточны для художественной производительности? Мы видимъ явленія сего загадочнаго раздора двухъ силъ: внутренней и внѣшней, подозрѣваемъ его дѣйствія; но причина его еще сокрыта отъ насъ завѣсою непроницаемой. Лафатеры, Галли, Алиберы! вы должны рѣшить сію задачу.

О. Сомовъ.

Григорий Сковорода

Украйнски Философъ

[И. Срезневский].

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

О

СТАРЦѢ ГРИГОРІѢ СКОВОРОДѢ.

Pro sua cuique parte.

Cicero.

1722

Григорій Сковорода родился 1726 года умеръ 1794 года. Жилъ 68 лѣтъ.

„Судьба захотѣла быть Сковородѣ мачихой.“ — Такъ выразился однажды одинъ изъ безпристрастныхъ почитателей памяти сего необыкновеннаго человѣка, философа или богомудра, какъ называли его сограждане, старца, какъ называлъ онъ самъ себя.

Назначивъ ему, еще девятилѣтнему отроку, жестокій удѣлъ сиротства, она сдѣлала его съ этой ранней поры жалкою игрушкой случая, и съ этой ранней поры, поставивъ его на поприще самыхъ суровыхъ, самыхъ горькихъ испытаній, заставляла его

пріучаться сносить равнодушно всѣ непріятности и угнѣтенія, и наконецъ взлелѣяла въ немъ то хладнокровіе наблюдателя, ту независимость въ образѣ мыслей, ту странную причудливость въ образѣ поступковъ, наконецъ ту постоянную охоту учиться познанію свѣта, странствуя, и вѣчно учиться и вѣчно странствовать, кои въ послѣдствіи времени образовали его характеръ, можетъ быть, совершенно противно его сложенію, его природнымъ склонностямъ.

Сковорода отъ природы былъ добръ, имѣлъ сердце чувствительное, слѣдственно и сострадательное, и склонное къ любви и дружбѣ; но, росшій и выросшій сиротою, онъ долженъ былъ привыкнуть по неволѣ къ такому состоянію одиночества, — и сердце его должно было проститься съ нѣжными чувствами, подпасть подъ иго меланхоліи, и загрубѣть, а недовѣрчивость, воскормленная опытами, погасила въ немъ и послѣднюю искру чувствительности, — и судьба наконецъ взяла свое — съ лѣтами созрѣло въ немъ это ледяное чувство отчужденія отъ людей и свѣта, чувство единственное, какое могло питать оно. И могло ли быть иначе? Тотъ только можетъ родниться съ другимъ своими чувствами, чье сердце съ дѣтства привыкло любить родственною любовью, дышать и дѣлиться родственнымъ довѣріемъ.

Умъ Сковороды шелъ тою же дорогой: сначала бодрый, игривый, онъ мало по малу тяжелѣлъ, дѣлался своенравнѣе, независимѣе, дичалъ все болѣе, и наконецъ погрузился въ мрачную бездну мистицизма. Притомъ вспомнимъ время, когда жилъ Сковорода: мистики или квіетисты разыгривались тогда повсюду въ Германіи, — Сковорода побывалъ въ этой странѣ, и навсегда сохранилъ предпочтеніе къ ней предъ всѣми прочими, исключая родины своей. — Легко понять, отъ чего Сковорода заслуживалъ часто имя чудака, если даже и не юродиваго. Съ сердцемъ охладѣлымъ, съ умомъ, подавленнымъ мистицизмомъ, вѣчно пасмурный, вѣчно одинокій, своеобычливый, себялюбивый, гордый—признакъ необходимый ума строптиваго, — въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, съ причудами, — Сковорода могъ по справедливости заслужить это названіе. Онъ жилъ самъ собою, — это всякому покажется чуднымъ.

Сковорода жилъ самъ собою, удаляясь всегда отъ людей какъ отъ ближнихъ, зная и изучая ихъ, какъ изучаетъ Естествоиспытатель хищныхъ звѣрей; это правда; но тѣмъ не менѣе онъ желалъ блага человѣчеству. Онъ убѣгалъ людей не потому, что презиралъ ихъ, а можетъ быть, потому, что боялся. — Это видно изъ всѣхъ его

сочиненій, содержащихъ въ себѣ впрочемъ не однѣ только нравоученія, но часто и жесточайшія сатиры на пороки — и чаще послѣднія. Этотъ духъ сатиризма — самая разительная черта его характера. Онъ вездѣ находилъ, или лучше сказать, вездѣ старался найдти худую сторону, — и это самое всегда унижало его благородное стремленіе къ пользѣ общей. Но — человѣкъ неволенъ самъ въ себѣ. И его добродѣтели, и его пороки, и странности, и образъ мыслей, все въ немъ часто зависитъ отъ обстоятельствъ, все въ немъ такъ шатко, такъ переходчиво! Обстоятельства.... надобно имѣть слишкомъ твердый, слишкомъ самостоятельный духъ, чтобъ быть въ состояніи противустоять ихъ власти. Могъ ли Сковорода мыслить иначе, нежели какъ онъ мыслилъ, или инымъ взглядомъ смотрѣть на все, его окружающее! Его жизнь — вотъ гдѣ должно искать основанія всей его философіи, его холоднаго мистицизма, любившаго утѣшаться ироническими взглядами на самое возвышенное въ природѣ человѣческой; жизнь—сцѣпленіе бѣдствій и угнѣтеній. И Руссо винилъ человѣчество, и Руссо глядѣлъ на него такими же глазами. Причины были тѣ же. Вотъ что говорилъ Сковорода самъ о своей жизни:— „Что жизнь? То сонъ Турка, упоеннаго опіумомъ, сонъ страшный, — и голова

болитъ отъ него, и сердце стынетъ! Что жизнь! То странствіе. Прокладываю себѣ дорогу, не зная, куда идти, зачѣмъ идти,— и всегда блуждаю между песчаными степями, колючими кустарниками, горными утесами, а буря надъ головою, и негдѣ укрыться отъ нея. Но бодрствуй! не предавайся отчаянію. Оно смертный грѣхъ.« — И Сковорода дѣйствительно провелъ всю жизнь свою, какъ странствіе, — какъ будто осуществляя мечту своего воображенія, а лучшіе годы своей жизни рѣшительно путешествовалъ, исходилъ всю Германію, Венгрію, Италію, Грецію, Россію, и возвратился на родину, что бы снова блуждать по оной. Даже въ старости своей, онъ не могъ надолго успокоиться на одномъ мѣстѣ.

Первое изъ его нравоучительныхъ сочиненій было: *Начальная дверь ко Христіанскому добронравію.* Сковорода тогда только что возвратился изъ-за границы. Будучи проникнутъ новымъ ученіемъ, онъ желалъ распространить его и на своей родинѣ. Бѣдный странникъ, въ рубищѣ, является онъ въ Харьковъ, и опредѣляется Учителемъ въ Коллегіумъ. Скоро распространилась молва о его учености и краснорѣчіи. Ему препоручили преподаваніе Богословія. Въ предварительной проповѣди онъ высказалъ нѣкото-

рые мысли свои, — и напугалъ непросвѣщенныхъ своихъ товарищей. И въ самомъ дѣлѣ, могли ли они не быть поражены такимъ громкимъ вступленіемъ. Выписываю оное слово въ слово: — «Убуждшеся, видѣша славу Его! Весь міръ спитъ: да еще не такъ спитъ, како сказано, аще упадетъ—не разбіется.... спитъ глубоко, протянувшись, будто ушибенъ отъ нея. А наставники, пасущія Израиля, не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ, глаголюще: спи, небойсь, мѣсто хорошее, чего опасаться! Миръ! — И нѣсть мира!» —

Волненіе было готово; но это было только начало, и скоро все затихло.— Сковорода началъ свои уроки, написалъ вышепомянутое сочиненіе, какъ сокращеніе оныхъ, отдалъ рукопись, — и тогда-то буря возстала на него всею силой. Рукопись пошла по рукамъ. Духовенство съ жадностію читало ее; но какъ нѣкоторыя въ ней мѣста найдены сомнительными: то Сковороду осудили на отрѣшеніе отъ должности. Конечно, въ семъ случаѣ дѣйствовала болѣе зависть, но какъ бы то ни было, невѣжество было для нее очень достаточною подпорой, и оно-то всего болѣе оскорбило Сковороду. Назначены были диспуты. Сочиненіе разобрано на нихъ съ самой дурной стороны, все истольковано въ смыслѣ превратномъ; Сковороду обвинили

въ такихъ мысляхъ, какихъ онъ и имѣть не могъ. Сковорода опровергалъ своихъ противниковъ умно, краснорѣчиво; всѣ тайно восхищались его краснорѣчіемъ, но рѣшеніе осталось прежнее. Сковорода принужденъ былъ удалиться изъ Харькова.

Въ краткихъ словахъ я раскажу содержаніе сего сочиненія, столь дорого стоившаго сочинителю. — Оно состоитъ изъ Предверія и десяти Главъ. Въ Предверіи говорится о различіи между духомъ и тѣломъ, Богомъ и міромъ. Главная мысль, выраженная въ ономъ, есть: — Нѣтъ ничего нужнѣе, какъ счастіе, и нѣтъ ничего легче, какъ достигнуть онаго: счастіе въ сердцѣ, сердце въ любви, любовь въ законѣ Вѣчнаго. — Заключеніе: — Желаю, дабы душа твоя, какъ Ноева голубица, необрѣтши нигдѣ покоя, возвратилась къ сердцу твоему, къ Тому, кто почиваетъ въ сердцѣ твоемъ, дабы сбылося оное Исаино: будутъ основанія Твои вѣчная родомъ родовъ и прозовешися здатель оградъ, и стези твои посреди упокоили, — сего желаетъ тебѣ Григорій, сынъ Савы Сковороды. — Глава 1. О Мірѣ видимомъ и невидимомъ, о Богѣ. — Глава 2. О вѣрѣ всеобщей. — Глава 3. О всеобщемъ промыслѣ. — Глава 4. О промыслѣ надъ человѣкомъ. — Глава 5. Заповѣди. — Глава 6. Объ истинной вѣрѣ. Вѣра, Надежда и Любовь. — Глава 7. Выписываю оную

всю сокращенно: — Вся сила заповѣдей заключается въ одномъ словѣ — Любовь. Она — огонь, воспламеняющій сердце волею Божіей, и потому сама — Богъ. Она имѣетъ свои внѣшніе виды, обряды, кои суть то же, что у плодовъ листы. Но если въ человѣкѣ она состоитъ только изъ внѣшнихъ обрядовъ, тогда остается одинъ обманъ лицемѣрія, и человѣкъ становится раскрашеннымъ гробомъ, гдѣ или ничего, или прахъ мертваго. Обрядъ же — все то, что можетъ исполнять и самый несчастный бездѣльникъ. — Глава 8. Законъ Божій и преданіе. — Глава 9. О страстяхъ и порокахъ. — Глава 10. О чистосердечіи, какъ основаніи любви, и слѣдовательно Вѣры.

Это сочиненіе и нѣсколько проповѣдей положили основаніе славѣ и уваженію, коими пользовался Сковорода вездѣ, гдѣ его знали. Строгая добродѣтель и примѣрныя правила еще болѣе увеличили оныя. Впрочемъ Сковорода не искалъ ни славы, ни уваженія. Я уже сказалъ, что онъ жилъ самъ собою, и никогда не заботился ни о похвалѣ, ни о порицаніи. Если онъ былъ оскорбленъ сужденіемъ о своемъ сочиненіи, то потому, что здѣсь страдало его себялюбіе: онъ не могъ равнодушно сносить, чтобъ унижали его умъ, его мысли; но отнюдь не честолюбіе; по

крайней мѣрѣ, сіе послѣднее въ немъ никогда не выказывалось. Замѣчу: онъ любилъ иногда похвастаться своими познаніями, особенно въ языкахъ; кромѣ Славянскаго церьковнаго, Русскаго и Украинскаго, онъ зналъ Нѣмецкій, Греческій и Латинскій, и на всѣхъ прекрасно говорилъ и писалъ. Уваженіе къ Сковородѣ простиралось до того, что почитали за особенное благословеніе Божіе дому тому, въ которомъ поселялся онъ хоть на нѣсколько дней. Здѣсь кстати сказать о его безкорыстіи. Онъ могъ бы составить себѣ подарками порядочное состояніе; но что ему ни предлагали, сколько ни просили, онъ всегда отказывался, говоря; дайте неимущему, и самъ довольствовался только сѣрою свитой, которая была обыкновенною его одеждой. Эта сѣрая свита, чоботы про-запасъ, и нѣсколько свитковъ сочиненій, — вотъ въ чемъ состояло все его имущество. Задумавши странствовать или переселиться въ другой домъ, онъ складывалъ въ мѣшокъ эту жалкую свою худобу, и перекинувши его черезъ плечо, отправлялся въ путь съ двумя своими неразлучными спутниками: палкой-журавлемъ и флейтой. И то и другое было собственнаго его рукодѣлья.

Мнѣ кажется очень страннымъ, какъ Сковорода мистикъ и такой холодный, пасмур-

ный мистикъ, могъ любить музыку, — и между тѣмъ музыка была его единственнымъ удовольствіемъ. Или это привычка дѣтства? — Онъ началъ свое музыкальное поприще еще въ домѣ отца своего — *сопилкою*. Тамъ, одѣвшись въ юфтевое платье, онъ отправлялся съ ранняго утра въ рощу или на берегъ рѣчки, и наигрывалъ на ней, какъ говоритъ народъ, священные гимны. Мало по малу усовершенствовалъ онъ инструментъ свой до того, что могъ на немъ передавать переливы голоса птицъ пѣвучихъ, — эти поднебесные странники были первыми его учителями искуства мусикійскаго. Въ послѣдствіи, когда былъ опредѣленъ ученикомъ въ Кіевскую Семинарію, тамъ замѣтили его прекрасный звучный голосъ, замѣтили его умѣнье управлять имъ и знаніе музыки, взяли его въ пѣвческую, и онъ скоро сдѣлалъ столь удивительные успѣхи, что былъ потребованъ къ Двору Императрицы Елисаветы, гдѣ находился около двухъ лѣтъ. Находясь тамъ, онъ сложилъ голосъ для духовной пѣсни: *Иже Херувими*, который и доселѣ употребляется во многихъ сельскихъ церьквахъ на Украинѣ (*). Съ тѣхъ поръ музыка и пѣнье

(*) Напѣвъ сей духовной пѣсни подъ именемъ: *придворнаго*, помѣщенъ въ обѣднѣ, по Высочайшему повелѣнію, напечатанной и разосланной по всѣмъ церьквамъ для

содѣлались постояннымъ занятіемъ Сковороды. Онъ не оставлялъ ихъ и въ старости. За нѣсколько лѣтъ до своей смерти, живучи въ Харьковѣ, онъ любилъ посѣщать домъ одного старичка, гдѣ собирались бесѣды добрыхъ, простодушныхъ стариковъ, подобныхъ хозяину. Бывали вечера и музыкальные, и Сковорода занималъ въ такихъ случаяхъ всегда первое мѣсто, пѣлъ primo, и за слабостію голоса, вытягивалъ трудные Solo на своей флейтѣ — такъ называлъ Сковорода *сопилку*, имъ усовершенствованную. Впрочемъ Сковорода игралъ и пѣлъ, всегда наблюдая свою важность, задумчивость и суровость. Флейта была, какъ я уже сказалъ, неразлучною спутницей Сковороды, — и переходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, по дорогѣ онъ всегда или пѣлъ или, вынувъ изъ-за пояса любимицу свою, наигрывалъ на ней свои печальныя фантазіи и симфоніи.

Рѣдко, очень рѣдко Сковорода измѣнялъ своей важности, а если и измѣнялъ, то въ

единообразія въ Церковномъ пѣніи. Кромѣ сего, Сковорода сложилъ веселый и торжественный напѣвъ: *Христосъ Воскресе*, и Канона Пасхи: *Воскресенія день* и проч., нынѣ употребляемый въ церьквахъ по всей Россіи, вмѣсто прежняго унылаго, ирмолойнаго напѣва, и вездѣ именуемый: *Сковородинъ*. Примѣч. Г. Ѳ. К — и.

такихъ только случаяхъ, когда дѣйствительно было трудно сохранить оную. Суровый старецъ, онъ былъ однако застѣнчивъ, и не могъ терпѣть, когда предъ нимъ величали его достоинства. Онъ становился самъ не свой; онъ терялся, когда предъ нимъ внезапно являлся кто нибудь изъ давно-желавшихъ видѣть его и разливался въ привѣтствіяхъ. Такъ случилось однажды въ домѣ Пискуновскаго, старика, любимаго Сковородою. Это было вечеромъ, во время ихъ обыкновенной стариковской бесѣды. Молча, съ глубочайшимъ вниманіемъ слушали старики расказы и нравоученія старца, который, выпивши на этотъ разъ лишнюю чарку вина, среди розыгра своего воображенія, говорилъ хотя и медленно и важно, но съ необыкновеннымъ жаромъ и краснорѣчіемъ. Прошелъ часъ, и другой, и ничто не мѣшало восторгу раскасчика и слушателей. Сковорода началъ говорить о своемъ сочиненіи: *Лотова жена*, сочиненіи, въ коемъ изложилъ онъ главныя основанія своей мистической философіи. Къ сожалѣнію, не могу представить вамъ ни одного отрывка изъ онаго, ибо не имѣю теперь его подъ руками. Сковорода расказалъ уже очеркъ; начинаются подробности; — вдругъ дверь съ шумомъ растворяется, половники хлопаютъ, — и молодой Х — ъ, франтъ, не давно изъ столицы,

вбѣгаетъ въ комнату. Сковорода при появленіи сего новаго незнакомаго и столь ему чуждаго лица, умолкъ внезапно, будто оглушенный ударомъ грома. — „И такъ, восклицаетъ Х — ъ: я наконецъ достигъ того счастія, котораго столь долго и напрасно жаждалъ. Я вижу наконецъ великаго соотечественника моего, Г. С. Сковороду! Позвольте....“ — и подходитъ къ Сковородѣ. Старецъ нашъ вскакиваетъ, сами собою складываются крестомъ на груди его костлявыя руки; горькой улыбкой искривляется тощее лице его; черные впалые глаза скрываются за сѣдыми нависшими бровями, самъ онъ невольно изгибается, будто желая поклониться, и вдругъ прыжокъ, и трепетнымъ голосомъ: „Позвольте!... То-же позвольте!“ и изчезъ изъ комнаты. Хозяинъ за нимъ, проситъ, умоляетъ — нѣтъ! — „Съ меня смѣются,“ — говоритъ Сковорода, — и убѣжалъ. И съ тѣхъ поръ не хотѣлъ видѣть Х — а. — Свиданіе Сковороды съ Вернетомъ, другимъ чудакомъ Украины, было инаково; но это потому, что Сковорода былъ наслышанъ о Вернетѣ, какъ о человѣкѣ добромъ и простодушномъ. Сковорода ожидалъ увидѣть въ немъ что нибудь похожее на себя, только молодое, и ошибясь, не могъ смолчать, и назвалъ Вернета *женскимъ башмакомъ*. Вотъ на чѣмъ основы-

ваетъся и несправедливость сужденій сего послѣдняго о Сковородѣ. У всякаго есть свое самолюбіе, своя лесть.

Говоря о бесѣдахъ, гдѣ проводилъ время Сковорода, не могу умолчать о порокѣ, въ коемъ его порицаютъ совершенно безъ всякаго основанія. Сковорода былъ пьяница! Вотъ что говоритъ клевета, и, въ подтвержденіе словъ своихъ, изобрѣтаетъ и печатаетъ письмо, будто имъ писанное, восклицая: «боченочки, боченочки!» — По сказанію всѣхъ, знавшихъ лично Сковороду, онъ почти вовсе не употреблялъ горячихъ напитковъ, да едва ли кто и говорилъ когда этому противное, исключая Издателей Украинскаго Вѣстника (*). Сковорода вообще отличался особенною умѣренностію какъ въ

(*) Никто, даже изъ завистниковъ его, никогда не говорилъ, что *Сковорода былъ пьяница,* и Издатели Украинскаго Вѣстника не утверждали сего, а при случаѣ указали на противорѣчіе. Написавшій статью о Сковородѣ помѣщенную въ томъ Журналѣ, приложилъ письма его къ Урюпину, въ коихъ Сковорода, благодаря за присланные *боченоски,* осушивъ ихъ, возвращаетъ и проситъ о наполненіи и присылкѣ снова; потомъ чрезъ нѣсколько страницъ утверждаетъ, что онъ не употреблялъ горячихъ напитковъ, то при семъ случаѣ Издатели У. В. напомнили только о содержаніи предшествовавшихъ писемъ выраженіемъ: „А бочоночки, бочоночки?“ —

пищѣ, такъ и въ питіи. Онъ былъ настоящій постникъ. Притомъ, еслибъ онъ имѣлъ порокъ, въ коемъ его обвиняютъ, то заслужилъ-ли бы онъ въ народѣ то безпредѣльное уваженіе, которое сохранилось и доселѣ. Народъ чтитъ память добродѣтельнаго старца, даже почитаетъ его за человѣка просвѣщеннаго духомъ Божіимъ.

Кто изъ Украинцовъ не знаетъ, по крайней мѣрѣ, не слыхалъ о *слѣпцяхъ*, т. е. тѣхъ нищихъ слѣпыхъ, кои, въ сопровожденіи малютокъ, родныхъ или наемныхъ, ходятъ изъ двора во дворъ и подъ окнами напѣваютъ священныя пѣсни? Это Украинскіе рапсодисты. Большая часть пѣсней, кои поются ими, суть сочиненія Сковороды. Народъ называетъ пѣсни сіи *Псáльмами*. Думаю, что угожу любопытству нѣкото-

---

Впрочемъ и самъ Г. С., написавшій сію статью о Сковородѣ, въ семъ мѣстѣ противорѣчитъ сказанному имъ выше, что *Сковорода, выпивши на этотъ разъ лишнюю рюмку вина* и проч. Слѣдовательно, хотя Сковорода и не былъ пьяница, но не былъ и врагъ существовавшему въ его время здѣсь обыкновенію: въ дружескихъ и пріятельскихъ собраніяхъ, поддерживать и одушевлять бесѣды употребленіемъ — не вина, котораго въ то время здѣсь, кромѣ Крымскихъ и Волошскихъ и слыхомъ не было слышно, а — разнаго рода наливокъ въ домахъ пріятельскихъ. Примѣч. Г. Ѳ. К — и.

рыхъ, переписавши здѣсь одинъ изъ сихъ Псальмовъ, который болѣе другихъ любимъ народомъ, и чаще другихъ поется *слѣпцями*. Выписываю подлинникъ изъ собранія сочиненій Сковороды.

I.

Всякому городу нравъ и права;
Всяка имѣетъ свой умъ голова;
Всякому сердцу своя есть любовь;
Всякому люду свой вкусъ хоть каковъ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только нейдетъ съ ума,
Какъ бы умерти мнѣ не безъ ума.

II.

Петръ для чиновъ углы паньскіи третъ;
Федька купецъ при аршинѣ все лжетъ;
Тотъ строитъ домъ свой на новый манеръ;
Тотъ все въ процентахъ: пожалуй повѣрь.
А мнѣ — и проч.

III.

Тотъ непрестанно стяжаетъ грунта,
Сей иностранны заводитъ скота,
Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,
Сихъ шумитъ домъ отъ гостей, какъ кабакъ.
А мнѣ — и проч.

IV.

Строютъ на свой тонъ Юриста права;
Съ диспутъ Студента терщитъ голова;
Тѣхъ беспокоитъ Венеринъ Амуръ;
Всякую голову мучитъ свой дуръ.
А мнѣ — и проч.

V.

Смерти страшна замашная коса!
Ты не щадишь и Царска волоса;
Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ Царь:
Все жерешь такъ, какъ солому пожаръ.
Ктожъ на ея плюетъ острую сталь?
Тотъ, чія совѣсть какъ чистый хрусталь!

Теперь, для показанія того, какъ скоро и какъ искусно измѣняются народомъ сочиненія, любезныя памяти его, перепишу эту самую пѣсню изъ своего собранія народныхъ Украинскихъ пѣсенъ. Мимоходомъ замѣчу:— Если эта пѣсня, въ продолженіи какихъ нибудь пятидесяти лѣтъ успѣла перемѣниться, отойти отъ своего первоначальнаго вида, то что подумать о тѣхъ народныхъ стихотвореніяхъ, кои сложены за три или четыре вѣка до нашего времени?

I.

Всякому городу нравъ и права;
Всяка имѣетъ свой умъ голова;
Всякому сердцу своя есть любовь;
Всякому люду свой вкусъ хоть каковъ.
А мнѣ — и проч.

II.

Тотъ непрестанно стяжаетъ грунта;
Сей со всѣхъ націй заводитъ скота;
Ты домы строишь на новый манеръ;
Деньги съ проценту — пожалуй повѣрь.
А мнѣ — и проч.

III.

Петръ для чиновъ углы панськіи третъ;
Федька купецъ при аршинѣ все лжетъ.
Крутитъ на свой ладъ приказный права.
Съ диспутъ Студенту терщитъ голова.
А мнѣ — и проч.

IV.

Тотъ на картинахъ малюетъ собакъ;
Въ тѣхъ отъ гостей домъ шумитъ, какъ кабакъ;
Сихъ безпокоитъ невѣрный Гамуръ.
Всякую голову мучитъ свой дуръ.
А мнѣ — и проч.

V.

Тотъ на прекрасной женился женѣ;
Въ тѣхъ домы блещутъ внутрь такъ, какъ и внѣ;
Тѣ шестернями на бенкетъ летятъ;
Въ сихъ для гостей чай и пунши кипятъ.
А мнѣ — и проч.

VI.

Тотъ иностранныхъ себѣ лошадей,
Сей накупилъ драгоцѣнныхъ парчей;
Въ тѣхъ милліоны ревутъ въ сундукахъ;
Въ тѣхъ горчатъ тысячи въ темныхъ углахъ.
А мнѣ — и проч.

VII.

Попъ ко всенощной до церкви нейдетъ.
Онъ и безъ церкви всенощну найдетъ.
Черный съ рогами бѣжитъ какъ мятель,
Пхнулъ его за запонъ въ бѣлу постель.
А мнѣ — и проч.

VIII.

Тотъ у въ перинѣ по уши нурнулъ,
Какъ послѣ маковки впившись заснулъ.
Съ теплыхъ перинъ не встаетъ до повдня.
У церкву пойдти ему - то есть бридня.
А мнѣ — и проч.

IX.

Сива въ того старика борода,
Мокра бываетъ какъ чопъ завсегда.
Чопъ мнѣ не диво — въ бариль стремить,
Развѣ жъ и онъ все надъ чопомъ лежить,
А мнѣ — и проч.

X.

Намъ судья дѣлаетъ истинный судъ,
А въ его истинѣ лжи цѣлый пудъ.
Онъ и на нищихъ раздалъ сто рублей,
Что надралъ съ подданныхъ бѣдныхъ людей.
А мнѣ — и проч.

XI.

Онъ какъ забрался на ту бѣдну честь,
Чрезъ свои поклоны, дары и лесть,
Удругъ издѣлался гордъ и спѣсивъ,
Сильно, пріятельно сребролюбивъ.
А мнѣ — и проч.

XII.

Честь, благородство за вѣтромъ летитъ;
Трупъ же смердящій смерть въ яму тащитъ;
Все остается его при двору —
Тѣло несутъ на Холодну Гору.
А мнѣ — и проч.

XIII.

Картники съ реготу кишки ирвуть;
Пѣвчи спѣваючи горло деруть;
Шляхтичь за гонорь и уха лишивсь,
Швець съ копылами пьючи разгубивсь.
А мнѣ — и проч.

XIV.

Ткачь кричитъ горе, теперь я пропавъ!
Хтось мои цевки и берды покравъ.
Плачутся горько найбольше съ пожаръ:
Бондарь, кравець, маляръ, плотникъ и скляръ.
А мнѣ — и проч.

XV.

Смерти страшна замашная коса!
Ты не щадишь ни чіи волоса.
Ты не глядишь, де мужикъ, а де Царь!
Все ѣси такъ, какъ весною пожаръ!
А мнѣ — и проч.

XVI.

Тотъ плюетъ на ея острую сталь,
У кого совѣсть, какъ чистый хрусталь!
Охъ! мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
Мнѣ все одно только нейдетъ съ ума,
Какъ бы умерти мнѣ не безъ ума.

Сія Пѣсня вмѣстѣ съ другими (всѣхъ числомъ 27) составляетъ *Садъ Божественныхъ пѣсней старца Г. Сковороды.* Каждая изъ нихъ извлечена изъ особеннаго *зерна*, т. е. особеннаго текста св. Писанія. Всѣ онѣ заключаютъ въ себѣ прекрасныя мысли, и если есть въ нихъ недостатокъ, то конечно въ слогѣ и выраженіяхъ, слишкомъ рѣзкихъ и язвительныхъ. Но и въ семъ отношеніи, надобно брать во вниманіе время, когда жилъ и писалъ Сковорода, образъ воспитанія, какое получилъ онъ, понятіе того времени о изяществѣ слога и выраженій; наконецъ, что всего важнѣе, самый характеръ Сковороды; — и какъ не спростить ему того недостатка, въ которомъ онъ не былъ воленъ! Сочиненіе сихъ пѣсень относится почти къ тому же самому времени, какъ и *Начальная дверь ко Христіанскому добронравію.* Тогда же, или не много позже, были сочинены имъ и Басни, игрушки воображенія, его недостойныя. Изложеніе оныхъ очень посредственно. Хорошія нравоученія встрѣчаются рѣдко.

Но за этими Пѣснями и Баснями послѣдовали такія сочиненія, въ коихъ вполнѣ выказались и философія и дарованія Сковороды. Это были его разговоры, разсужденія, романическія сочиненія, каковы: *Лотова*

жена, *Мученики во имя Христа*, *Грѣшники*; симфоніи, на пр.: *Исповѣдь и Покаяніе*, *Путь къ вѣчности*, *Мракъ міра*, *Свѣтъ міра* и пр., и множество другихъ. Не льзя оставить безъ вниманія и его писемъ, гдѣ и образъ мыслей его и странности характера видны лучше, нежели въ другихъ его сочиненіяхъ, хотя и онѣ написаны также темно, также мистически, какъ и всѣ прочія сочиненія (*).

Послѣднее время жизни своей прожилъ Сковорода въ деревнѣ у Помѣщика *К — го*. Небольшая *кимнатка*, окнами въ садъ, отдѣльная, уютная, была его послѣднимъ жилищемъ. Впрочемъ онъ бывалъ въ ней очень рѣдко: обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также старикомъ, добрымъ, благочестивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Сковорода до смерти не переставалъ любить жизнь уеди-

(*) Здѣсь слѣдуютъ два письма Сковороды къ Священнику Бабаевскаго прихода Харьковскаго Уѣзда Іакову Правицкому. Но Издатель, по странной орѳографіи, не нашелъ удобнымъ помѣстить здѣсь оныя. Должно замѣтить, что правописаніе или, правильнѣе сказать, *поставка литеръ въ письмѣ* у Сковороды отличалася тѣмъ отъ принятаго вообще правила, что онъ не употреблялъ вовсе буквъ: ъ, ь; сокращалъ слова, поставляя сверху шишлы, словошишлы и другія уменьшенныя буквы. *Изд.*

ненную и бродячую. — Вотъ что расказываютъ о его смерти.

Былъ прекрасный лѣтній день. Къ Помѣщику собралось много сосѣдей погулять и повеселиться; послушать Сковороду — было также въ предмѣтѣ. Его всѣ любили слушать. За обѣдомъ Сковорода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, расказывалъ про свое былое, про свои странствія, испытанія. Изъ-за обѣда встали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчіемъ. Сковорода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. Долго ходилъ онъ по излучистымъ тропинкамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работавшимъ мальчикамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искать Сковороду и нашелъ подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило; послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу листьевъ. Сковорода съ заступомъ въ рукѣ рылъ яму, узкую, длинную—могилу. — „Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ?„ сказалъ хозяинъ, подошедши къ старцу. — „Пора, другъ, кончить странствіе,„ отвѣчалъ Сковорода: „и такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы отъ истязаній! Пора успокоиться.„ — „И, братъ, пустое! Полно такъ шутить! Пойдемъ.„ — „Иду; но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя храмина....„ —

И пошли въ домъ; но Сковорода не надолго въ немъ остался. Онъ ушелъ въ свою *кимнатку*, перемѣнилъ бѣлье, умылся, помолился Богу, и, подложивши подъ голову свитки своихъ сочиненій и сѣрую свиту, легъ, сложивши на крестъ руки! Долго его ждали къ ужину, — Сковорода не явился. На другой день утромъ къ чаю то же, къ обѣду то же. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату, чтобъ разбудить; но, Сковорода лежалъ уже холодный, окостенѣлый....

Представляя сіи отрывки на судъ вашъ и читателей Альманаха вашего, я долженъ извиниться въ незначительности оныхъ. Вы просили — я исполнилъ вашу просьбу какъ могъ. Quid potui, feci.

И. С. р. з. к.

Варваровка на Днѣпрѣ.
1833, Февр. 11.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Эта статья, находясь въ числѣ прочихъ въ портфелѣ матеріаловъ для *Утренней Звѣзды*, была разсмотрѣна Г. Ѳ. К. Ему я одолженъ и за превосходныя примѣчанія, которыя нынѣ къ ней приложены. Хотя второе изъ сихъ примѣчаній, обличая меня въ ошибкѣ, могло послужить къ

поправленію текста; но, почитая поприще литературное чуждымъ мѣлочныхъ расчетовъ, будучи увѣренъ, что въ подобныхъ случаяхъ необходимо болѣе, нежели гдѣ — suum cuique tribuere, я почелъ за лучшее просто сознаться въ винѣ своей, — и, оставя замѣчаніе въ его собственномъ видѣ, ограничиться въ свидѣтельствованіи моей достодолжной благодарности замѣчателю, почтившему статью мою столь лестнымъ для меня вниманіемъ.

И. С. р. з. к.

Харьковъ
21 Мая 1833.

ДВѢ КАРТИНЫ.

Les hommes n'ont qu'un penchant decidé, c'est leur interet; s'il est attaché à la vertu, ils sont vertueux sans effort; que l'objet change, le disciple de la vertu devient l'esclave du vice, sans avoir changé de caractère: c'est avec les mêmes couleurs, qu'on peint la beauté et les monstres.

Duclos.

I.

Безмолвно подходили къ первой, изображавшей Невинность въ образѣ Пери, и долго смотрѣли, и прилежно всматривались, — и все въ ней плѣняло всякаго, и восторгъ и очарованіе были безмолвны.

Никто не умѣлъ, никто не могъ дать себѣ отчета въ величіи и красотѣ картины. Будто кисть волшебника начертала ее, будто волшебство разливала она вокругъ себя.

Творецъ ея стоялъ поодаль, опершись плечемъ о мраморную колонну, наклонивши голову, — и никто не думалъ объ немъ,

никто не зналъ, никто не замѣчалъ его. Взоры Художника были мутны, неподвижны. Улыбка презрѣнія къ самому себѣ и любви возвышенной къ Художеству волновались на лицѣ его. Онъ дрожалъ, но вовсе не отъ боязни услышать невыгодный судъ о своемъ произведеніи. Нѣтъ! Зрители для него не существовали. Онъ не зналъ, не замѣчалъ ихъ, не думалъ объ нихъ. Онъ видѣлъ Невинность, — и съ него было слишкомъ довольно. —

Прошелъ часъ. Зрители оставались безмолвны, неподвижны, — и съ прежнимъ вниманіемъ, и съ прежнимъ благоговѣніемъ созерцали Невинность.

— Какъ долго! — воскликнулъ старикъ, отходя отъ картины, и спросилъ одного изъ Художниковъ, участвовавшихъ въ выставкѣ: — Скажите, почему это? — Они побѣждены, отвѣчалъ Художникъ, — и между тѣмъ тайная мука желанія побѣдить снѣдаетъ ихъ. Едва ли имъ удастся. Впрочемъ — это-то и бѣда для Художника. Не удастся и ему. —

II.

Наконецъ объявили, что вынесена другая картина. Ударъ для всей толпы. Всѣ бросились опрометью къ новому предмету созерцанія.

Картина изображала Гордость въ образѣ Александра Македонскаго.

Прошла четверть часа, менѣе четверти часа. Шопотъ и восклицанія, похвалы и награды Художнику отозвались отовсюду. Начались торги; начались споры. Всякій хотѣлъ оставить картину за собою, и никто не уступалъ. Живописецъ въ восторгѣ бѣгаетъ, суетится, кланяется, мѣняется привѣтствіями. Радостью блистаетъ лице его; радостью — бьется сердце. Онъ — въ восторгѣ, а картина?

На нее уже никто не обращаетъ вниманія. Ее уже осмотрѣли, оцѣнили. Достоинство ея взвѣсили. —

— Какъ скоро! — воскликнулъ тотъ же самый старикъ, подходя къ оставленной картинѣ. — Скажите: почему? — спросилъ онъ того же Художника.

И вотъ что Художникъ отвѣчалъ ему:

— Люди любятъ людей, а не ангеловъ. Люди любятъ недостатки съ добродѣтелями,

а не добродѣтели безъ недостатковъ. Я твердилъ это другу своему, Сгмеону, написавшему Невинность, но онъ не понималъ меня, и, что всего страннѣе, не пойметъ красоты звона червонцевъ въ укладистомъ карманѣ своего соперника.

Кто не угадаетъ конца? —

Творецъ Невинности остался при своей Невинности.

Творецъ Гордости перессорилъ за свою Гордость всю знать между собою, и за свою же Гордость и отъ нея же получилъ 500 червонцевъ.

С.

БРЕДИТЪ.

The song comes, with its music, to melt and please the soul. It is like soft mist, that rising from a lake, pours on the silent vale; the green flowers are filled, with den, but the sun returns in his strergth, and the mist is gone.

Ossian.

Робко вошелъ я въ обширный залъ. Тысячи лампъ, сотни людей поразили меня: однѣ своимъ блескомъ, другіе своимъ убранствомъ и гордостію. И все такъ смрадно, такъ не стройно. — Хаосъ.

Наконецъ — прислушиваюсь.... До меня долетѣли звуки божественнаго Гайдена. Кто-то игралъ его адажіо и напѣвалъ подъ эту неземную гармонію звуковъ величественныя строфы Оды: *Богъ*. Торжество Поэзіи!

Въ моемъ воображеніи невольно представилась картина сотворенія Міра, и какъ ужасно было броженіе Хаоса, и какъ величественно Духъ Божій пронесся сквозь мракъ

онаго, и какъ могущественно въ благомъ полетѣ своемъ разсѣевалъ, разлагалъ, устроивалъ вѣчно волновавшійся дотолѣ Хаосъ міра, и какъ міръ становился гармоніей....

Но божественная пѣснь не тронула хладнокровныхъ. Душа ихъ давно преобратилась въ камень, — и никакой булатъ не въ состояніи вырубить изъ него ни малѣйшей искры сочувствія. Душа ихъ — камень и камень далеко отброшенный отъ своего русла, камень безжизненный! Понятіе о блаженствѣ жизни для нихъ утрачено.

Одни кричали, махая благовонными платками: «божественно! божественно!» Но это были ледяные звуки, а не безсмертные слова! Драгоцѣнныя благовонія, которыя разсѣевали они по воздуху, были для нихъ дороже музыки. Можно было сказать, что слова ихъ къ нимъ относились.

— «Дарованіе неподражаемое! Успѣхи невѣроятные!» — восклицали другіе. Они удивлялись тому, что юная дѣвица такъ скоро выучилась со всей ловкостью выдѣлывать трудные пассажи, и не могли замѣтить, какъ человѣкъ могъ изобрѣсть, распредѣлить и слить въ одно величественное цѣлое такіе звуки, такіе мысли, — не могли или не хотѣли понять этихъ звуковъ, этихъ мыслей.

Я продрался сквозь толпу и увидѣлъ предметъ общаго разговора и удивленія — Пѣвицу. Довольно! Земной человѣкъ торжествуетъ!

Но сердце мое забилось. Не подумайте, друзья, о чемъ либо чувственномъ, каковобы оно ни было. Чувство не могло такъ сильно меня тронуть, такъ быстро наполнить собою мое сердце. Я жалѣлъ....

За чѣмъ человѣкъ въ существѣ своемъ имѣетъ такъ много тѣлеснаго, такъ тѣлесно думаетъ, такъ тѣлесно восхищается высокимъ, прекраснымъ! Для чего бы не имѣть ему понятія о невинности, любви, поэзіи, болѣе духовнаго, болѣе божественнаго! Уже ли подобныя понятія не могли бы проявляться не столь чувственно!

Правда. Глаза дѣвицы — лазурь небесная. Блескъ ихъ — блескъ солнца полуденнаго. Румянецъ горитъ невинностію зари утренней. Улыбка ея очаровательна, какъ разсвѣтъ свѣтозарной весны. Но взгляните на нее еще разъ, — и вы увидите, что она не болѣе, какъ темное, нескладное, безжизненное преданіе....

И ее слушаютъ не болѣе, какъ преданіе; слушаютъ только для того, чтобъ не слы-

шать: преданіе слишкомъ незанимательно; слушаютъ — изъ снисхожденія.

Я помню, и не могу забыть слова одного изъ наперстниковъ Духа Вселенной (Платона): музыка — даръ Божій, но не для того только ниспосланъ онъ къ людямъ, чтобъ изнѣживать безсмысленныя чувства ихъ. Часто душа борется сама съ собою, и смуты свирѣпствуютъ въ оной, и чувственность овладѣваетъ ею. Обезсилить чувства, возстановить власть души надъ самимъ собой и надъ чувствами — вотъ высшее предопредѣленіе Музыки.»

Такъ думалъ онъ; такъ думали, можетъ быть, и давно, и не такъ давно, и даже теперь; но какъ не много такихъ, кои захотѣли бы такъ думать! Другое время, другія нравы, другія понятія.

Помните ли что писалъ одинъ Художникъ къ отцу своему?

«Какими райскими часами наслаждался я, еще бывши юношей, въ большой залѣ концерта! Когда тихо и незамѣтно сидѣлъ я въ углу, очарованный великолѣпіемъ и торжествомъ собранія, какъ пламенно желало сердце мое, чтобы тѣ же самые слушатели собрались нѣкогда внимать моимъ твореніямъ и

мнѣ довѣрили мои чувства! И нынѣ часто сижу я въ той же залѣ и свои уже произведенія разъигриваю; но на сердцѣ у меня не то, что было прежде. Удивляюсь, какъ могъ я воображать, чтобъ это сборище, гордящееся своимъ золотомъ и богатствомъ одежды, съѣзжалось для того, чтобъ наслаждаться искуствомъ, воспламенять свое сердце и всѣми чувствами жертвовать Художнику? — Если сіи же самыя души, подъ сводами величественнаго храма, на святыхъ празднествахъ, въ то время, когда все высокое въ Религіи и прекрасное въ Искуствѣ согласною силою на нихъ дѣйствуетъ, если и тогда онѣ холодны какъ ледъ, то имъ ли воспламеняться въ залѣ концерта? — Нѣтъ, прошла пора искуства и вкусъ къ изящному вышелъ изъ моды, онъ не приличенъ обыкновеніямъ свѣтскимъ: наслаждаться произведеніемъ художественнымъ было бы такъ же смѣшно и странно, какъ стихами говорить въ томъ обществѣ, гдѣ для всѣхъ необходимостей жизни достаточно одной разсчетливой и для всѣхъ понятной прозы....»

А почему? — Художество перестало быть художествомъ, — и стало на равнѣ съ ремесломъ. Въ настоящее просвѣщенное время не мудрено отыскать геніевъ и между столярами, и между портными, какъ находятъ

между архитекторами, и т. п. Механизмъ художества понятъ, разложенъ; искуство стало наукой; воображеніе смѣнилось соображеніемъ; идеи подчинились приличію, модѣ; геніальность изсохла въ оригинальность; умъ довѣрилъ глазамъ и слуху; израненное сердце бьется будто по нуждѣ, его повѣряютъ маятникомъ. Не мудрено, что число геніевъ увеличилось. Поэтовъ, Живописцевъ, Музыкантовъ безъ дарованій теперь гораздо менѣе, нежели Поэтовъ, Живописцевъ, Музыкантовъ съ дорованіями.

Кто скажетъ, чтобы Россини былъ не геній? Гдѣ его не хвалятъ? Его не льзя не хвалить, чтобы не показать ничтожества своихъ познаній; а кто захочетъ этимъ похвалиться? Глупъ, кто не находитъ великаго генія въ Россини, Валтеръ-Скоттѣ, Бальзакѣ, даже Юліѣ Жаненѣ, — и, если хотите, въ книгопродавцѣ Ладвока, издателѣ Книги сто одного.....

Кто не желаетъ, кто не имѣетъ нынѣ надежды не только прослыть, но даже и быть геніемъ?...

Гдѣ всего чаще твердятъ о богатствѣ? въ хижинѣ бѣдняковъ. — Такъ и съ геніями.—

Алмазъ полируютъ алмазною же пылью. — Алмазъ и пѣтухъ; — пѣтухъ и пшено; —

пшено и поденщикъ; — поденщикъ и геній; — геній и алмазъ.... Къ чему распространяться? —

Далѣе и далѣе, — и я замечтался. Звуки подкрѣпляли мечты мои.

Наконецъ они стихли. Мечты мои прервались. Я подошелъ къ Пѣвицѣ, поблагодарилъ ее за ея же собственное искуство, пересказалъ ей свои мечты, можетъ быть, и нескладно, по крайней мѣрѣ, съ жаромъ. Она меня спокойно выслушала, отвѣчала мнѣ одними ходячими привѣтствіями. Наконецъ встала. Мы разстались. Она подошла къ брату своему, — и я услышалъ на ухо ему сказанное слово: *Бредитъ!* — Правда! По крайней мѣрѣ, я желалъ бы, чтобъ это было правда.

С.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДВѢ ГЛАВЫ

изъ Восточной Повѣсти

ЗАЛЬМАРА.

ПОСВЯЩЕНО

А. В. СТРЕМОУХОВУ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Подъ небомъ Азіи прекрасной,
Въ поляхъ, взлелѣянныхъ весной,
Гдѣ воздухъ полонъ нѣги страстной
И миртъ, питомецъ полевой,
Цвѣтетъ игривой красотой,
А на скалѣ сѣдой и дикой,
Обвитый гордой павиликой,
Печально дремлетъ кипарисъ;

Въ странѣ, гдѣ бурно пронеслись
Опустошительныя брани;
Тамъ, гдѣ Конрадъ и Лузиньянъ,
Съ мечемъ кресты пріемля въ длани,
За гробъ Христа, за Христіанъ,
Сражали сонмы Музульманъ —
На высотахъ Птоломаиды,
Гдѣ съ величавымъ моремъ слитъ
Вѣками созданный гранитъ,
Какъ древній, пышный храмъ Киприды,
На двухъ отлогистыхъ холмахъ,
Стоялъ дворецъ Али-Махмета.
Туда, прославленный въ бояхъ
И утомленный шумомъ свѣта,
Богатый Ага, въ сумракъ дней,
Пріѣхалъ съ дочерью своей.

Стремясь къ забавамъ сладострастья,
Сѣдой Махметъ въ дворцѣ своемъ
Разсыпалъ всѣ приманки счастья.
Паросскій мраморъ съ серебромъ,
Въ столбахъ высокихъ разсыпаясь,
Другъ съ другомъ спорятъ въ бѣлизнѣ;
Тамъ по узорчатой стѣнѣ
Разнообразно оттѣняясь,

Висятъ завѣтные ковры —
Тейрана пышные дары.
Изъ злата Мексики литые,
Близь табуретовъ, на коврахъ
Стоятъ сосуды дорогіе,
Небрежно скрытые въ цвѣтахъ.
А подлѣ стѣнъ, какъ истуканы,
Бѣлѣя, тянутся диваны;
Бухарской тканію покрытъ,
На нихъ лебяжій пухъ лежитъ.
Вдали, подъ сводами нѣмыми,
Взоръ тонетъ въ длинномъ рядѣ залъ,
Гдѣ, между дулами стальными,
Мелькаютъ шашка и кинжалъ.
Рѣзьбой украшенныя спальни,
Гарема темный переходъ
И въ шумѣ ароматныхъ водъ
Востока дивныя купальни.
Бассейновъ свѣтлая рѣка,
Согласный бѣгъ свой совершая,
Отъ арабесковъ потолка
Душистой влагой низпадая,
Гремитъ и плещетъ здѣсь и тамъ,
Скользя по мраморнымъ угламъ.
Вокругъ чертоговъ извивались
Великолѣпные сады —

Аллей угрюмые ряды
До ската моря простирались.
Переплетясь, по сторонамъ,
Вели тропинки къ цвѣтникамъ.
По рощамъ царствуетъ молчанье,
Лишь иногда, въ вечерній часъ,
Тревожитъ въ нихъ очарованье
Залетной птички стройный гласъ.

На туманномъ сводѣ неба
Утро Майское встаетъ,
Тихо, медленно лучь Феба
Изъ-за тучь сіянье льетъ.
Плещутъ волны голубыя
Въ неприступныхъ берегахъ
И костры сторожевые
Погасаютъ на холмахъ.
Челны по морю несутся,
Смѣлъ и радостенъ пловецъ,
Въ высотѣ касатки вьются,
Просыпается дворецъ.
Вотъ смѣнились часовые,
Чу!... раздался въ башнѣ звонъ....
Бродятъ евнухи нѣмые
И Гаремъ ужъ пробужденъ.

Халатъ набросивъ разноцвѣтной,
Сидитъ властительный Махметъ,
И передъ нимъ струей привѣтной
Кипитъ и пѣнится шербетъ.
Задумчивъ Ага — съ нетерпѣньемъ
Въ Гаремъ не поспѣшаетъ онъ;
Любимый Евнухъ съ униженьемъ
Напрасно хвалитъ прелесть женъ —
Въ душѣ Махмета встрепенулись
Мечты давно забытыхъ дней.
Онъ снова въ памяти своей
Зритъ время то, когда толпились
Предъ нимъ всѣ призраки честей.
Давноль, внимая клику славы,
Такъ радостно на бой кровавой
Онъ мчался съ тучей Янычаръ?
Бывало онъ, нѣмой и страстной,
На грудь наложницы прекрасной
Упавъ, восторгамъ нѣги въ даръ
Готовъ принесть безъ сожалѣнья
Весь чадъ земнаго прославленья;
А нынѣ.... Гдѣ жъ слѣды тѣхъ лѣтъ?
Исчезли! Онъ и дряхлъ и сѣдъ.
Часы бѣгутъ — одѣлся Ага;
На кушакѣ его висятъ
Два пистолета и булатъ.

Но вотъ зажглась въ глазахъ отвага,
Спѣшитъ въ лѣса на травлю онъ,
Летунъ Арабскій подведенъ.
Вдругъ у воротъ раздался топотъ,
Заржали кони у дворца,
Въ толпѣ рабовъ поднялся шопотъ,
И вдоль чугуннаго крыльца,
Сливаясь съ мѣрными шагами,
Цѣпей тяжелыхъ слышенъ громъ....
Вотъ ближе, ближе — и потомъ
Остановились за дверями.
Рука пришельца знакъ дала,
Невольникъ двери отворяетъ,
Въ чертогъ съ поклонами вступаетъ
Начальникъ стражи Абдула.

АБДУЛА.

Я встрѣтилъ нынче караванъ,
Вели невѣрныхъ. Межъ толпою
Меня одинъ изъ Христіанъ
Плѣнилъ чудесной красотою.
Онъ купленъ мной — ты для него
Назначь удѣлъ.

МАХМЕТЪ.

Введи его!

Протяжно цѣпи зазвучали . . .
На грудь поникнувъ головой,
Какъ жертва рока и печали,
Предсталъ невольникъ молодой.
Махметъ безмолвенъ; изумленный,
Онъ на невольника глядитъ,
Несчастный юноша стоитъ
Предъ нимъ какъ Ангелъ воплощенный.
Представьте послѣ грозныхъ сѣчь,
Склоненнаго на острый мечь,
Въ раздумьи кроткомъ бога брани,
Когда, стирая кровь со длани,
Тревогой бранной утомлёнъ,
На лаврахъ отдыхаетъ онъ:
Таковъ невольникъ черноокой;
Но на младомъ его челѣ,
Какъ слѣдъ тумана на стеклѣ,
Лежитъ страданья слѣдъ глубокой.

МАХМЕТЪ.

Невѣрный! изъ какой страны
Ты приведенъ въ мои владѣнья?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Удары рока всѣмъ равны —
Моя судьба урокъ смиренья.
Въ Германіи сестру и мать
Покинулъ я. Пріютъ туманный!
Тебя мнѣ больше невидать;
Не мнѣ свиданья часъ желанный.
Три года протекли съ тѣхъ поръ,
Какъ я, пришедши въ ваши степи,
Нашелъ страданія, позоръ,
И нищету, и эти цѣпи.

МАХМЕТЪ.

Гяуръ!... Ты гордъ — за эту рѣчь
Слетитъ глава съ надменныхъ плечь....
Кто ты?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Твой рабъ. Чего же болѣ?
Увы, въ постыдной этой долѣ
Твой гнѣвъ меня не устрашитъ;
Мнѣ жизнь постыла. Если плаха
Моей главѣ теперь грозитъ, —
Иду на смерть, иду безъ страха.

Махметъ молчитъ. Суровый взоръ
Изобразилъ страстей раздоръ;
И въ душу деспота впервые
Проникла жалость; такъ порой
Лучи денницы золотые
Проходятъ въ бездну подъ скалой.
Онъ цѣпи снять повелѣваетъ,
Пила принесена рабомъ,
Желѣзо стали уступаетъ
И съ громомъ падаетъ къ ногамъ.

Томится плѣнникъ. Дни младые
Убиты хладною тоской:
Все манитъ юношу мечтой
На берега его родные.
Когда денница въ облакахъ
Вспорхнетъ, беспечная какъ младость,
И на лазурныхъ высотахъ
Прольетъ спокойствіе и радость:
Тогда и въ воздухѣ самомъ
Страдальцу чудится родное,
И что-то грустное, святое
Напоминаетъ о быломъ.
Ручья-ль услышитъ дальній шопотъ, —
Идетъ, задумавшись, къ нему:

Свободной Эльбы стройный ропотъ
Внезапно слышится ему,
Промчится-ль, вихремъ уносимый,
Надъ нимъ плѣнительный напѣвъ
Гарема недоступныхъ дѣвъ:
Воспоминаніемъ томимый,
Къ стѣнамъ Гарема онъ спѣшитъ;
Напѣвъ замолкъ, а онъ стоитъ:
При звукахъ рога и свирѣли
Въ его отчизнѣ такъ же пѣли.
И долго тутъ онъ слезы льетъ;
Но слезъ горючихъ не сотретъ
Рука заботливаго друга.
Ахъ! кто въ тяжелый часъ недуга,
Къ нему съ участьемъ подойдетъ?
Здѣсь люди чужды состраданья....
Поймутъ ли здѣсь его страданья?
Нѣтъ, холодна въ ширанахъ сихъ,
Душа какъ сталь кинжаловъ ихъ.

❖

Природа спитъ въ туманахъ ночи,
Въ палатахъ Аги тишина;
Лишь плѣнника печальны очи
Не знаютъ наслажденій сна.

Страдалецъ ложе покидаетъ,
Чертогъ, площадку пробѣгаетъ,
Минуетъ стражи спящій рядъ,
И входитъ въ отдаленный садъ.
Изъ облакъ медленно всплывая,
Глядитъ луна въ кристаллы водъ,
Затихъ аллей душистый сводъ,
На немъ горитъ роса ночная.
Идетъ невольникъ — вдругъ предъ нимъ
Послышались отзывы пѣнья . . . .
Онъ поднялъ взоръ и недвижимъ
Остолбенѣлъ отъ удивленья.
Предъ нимъ склонясь на дернъ цвѣтовъ,
Какъ мимолетная отрада,
Какъ свѣтлая мечта боговъ,
Въ красѣ небрежнаго наряда
Турчанка юная сидитъ.
Смущенный юноша глядитъ,
Не сводитъ взора съ дѣвы милой,
И въ первый разъ чудесной силой
Забилось сердце у него.
Явленья страннаго сего
Никакъ постигнуть не умѣя,
Изумлена, поражена,
То негодуя, то робѣя,
Встаетъ стремительно она.

ТУРЧАНКА.

Скажи, невольникъ дерзновенный,
Какою гибельной стезей
Ты въ этотъ садъ уединенный
Былъ заведенъ во тьмѣ ночной?
За чѣмъ ты здѣсь? Какія чары
Предъ зоркой стражей ты разлилъ?
Невѣрный! развѣ ты забылъ,
Что нарушать покой Зальмары
Есть преступленіе?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Умѣрь,
Смягчи порывы гнѣвной рѣчи!
Я невиновенъ.... О, повѣрь,
Непостижимой этой встрѣчи
Я и не ждалъ и не искалъ.
Увы, безъ думъ, безъ всякой цѣли,
Какъ осужденный я блуждалъ:
Воспоминанья пламенѣли
Въ моей измученной груди.
Я шелъ — отрадно впереди
Шептали темныя аллеи;
Луна и звѣзды, и ручей,
И эти спящія лилеи:

Все ночи родины моей
Напоминало мнѣ собою.

ТУРЧАНКА.

Бѣги! Законъ Гарема строгъ!
Спѣши! спѣши скорѣй въ чертогъ,
Не то простишься съ головою.

НЕВОЛЬНИКЪ.

Но кто ты? Дивная краса!...
Скажи, волшебница младая,
За чѣмъ, покинувъ небеса
И изумрудный теремъ рая,
Пришла ты въ мракъ земныхъ садовъ
Лелѣять мягкій пухъ цвѣтовъ?

ТУРЧАНКА.

Я дочь Махмета — я Зальмара.
Неумолимъ родитель мой!
Страшись, его ужасна кара!
Бѣги! —
Излучистой тропой
Поспѣшно дѣва убѣгаетъ,

Скользитъ по радужнымъ цвѣтамъ,
Подходитъ быстро къ воротамъ,
И рѣзвой тѣнью исчезаетъ.
Но, очарованъ, восхищенъ,
Нарушивъ сердца мирный сонъ,
Стоитъ невольникъ: въ немъ впервые
Бушуютъ страсти молодыя....
Что видѣлъ онъ? чему внималъ?
Иль это слѣдъ его мечтаній?
Иль въ забытьи своемъ леталъ
Онъ въ дальній край очарованій?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Обычно день идетъ за днемъ,
Уже погасъ свѣтильникъ лѣта,
Обильнымъ осени ковромъ
Природа пышная одѣта. —
Зальмара часто по садамъ
Одна, задумчивая, бродитъ;
И часто, часто что-то тамъ
Печаль на сердце ей наводитъ.
Очемъ же грусть? Какой бѣдой
Встревоженъ духъ, Зальмара, твой?
Иль солнце знойными лучами
Сожгло любимый твой цвѣтокъ?
Быть можетъ, брошенъ онъ въ потокъ,
Чужими сорванный руками?
Смотри, цвѣтокъ твой невредимъ,
Онъ рдѣетъ прежней красотою;
За чѣмъ же, стоя передъ нимъ,
Ты зарумянилась слезою?
Межъ померанцовыхъ аллей
Порхаетъ поздній соловей;

Тебя онъ къ нѣгѣ призываетъ;
Его отрывистая трель
Звучитъ какъ дальная свирѣль,
И въ зыбкомъ эхѣ умираетъ.
Но соловей тебѣ не милъ,
Его ты слышишь безъ вниманья;
Зальмара, кто же возмутилъ
Твои бывалыя мечтанья?
За чѣмъ, за чѣмъ уходишь ты
Въ тѣ отдаленные кусты,
Гдѣ при лучахъ луны высокой
Твоимъ испуганнымъ очамъ
Предсталъ невольникъ черноокой —
Ужель цвѣты душистѣй тамъ?

Но чтожъ невольникъ? — Новыхъ думъ
Товарищъ вѣрный, неразлучный,
Страстямъ порабощая умъ,
Онъ измѣнялся злополучный.
Съ его неопытныхъ очей
Упали тусклые покровы,
И передъ нимъ въ красѣ своей
Явился міръ какой-то новый.
Свершились цѣли бытія!
Онъ все понялъ одной мечтою

Отчизна, мать, сестра, друзья —
Забыто все! — Съ его душою
Теперь спознался новый другъ;
Ему и дневный свой досугъ,
И ночь страдалецъ посвящаетъ;
Ему съ восторгомъ онъ ввѣряетъ
Надежды сердца, сладкій сонъ
И пробужденья тяжкій стонъ.
Съ какихъ же выспреннихъ селеній
Слетѣлъ нежданый этотъ геній?
— То знаютъ небо, садъ и ночь,
И гордая Махмета дочь.

Съ утра покинувши чертоги,
Махметъ гуляетъ по лѣсамъ;
Олень вѣтвистый, быстроногій
Ему забавой служитъ тамъ.
Давно на башняхъ мѣрнымъ боемъ
Пора полудня пронеслась;
Лѣниво стража разбрелась,
Томима солнца сильнымъ зноемъ.
Нашъ Европеецъ молодой
Благословляя мигъ свободы,
Гарема каменные своды
Слѣдилъ любимою мечтой.

Тамъ, за гранитною стѣною,
Зальмара, какъ царица розъ,
Цвѣтетъ безпечной красотою,
Не зная бѣдъ, не зная слезъ.
Вся жизнь для ней одна забава,
Въ алмазы рядится она,
Ея отца вѣнчаетъ слава,
Она породою Княжна.
А онъ . . . . богатый лишь цѣпями,
Рабъ, позабытый межъ рабами,
Влача судьбы своей позоръ,
Онъ къ ней стремить дерзаетъ взоръ!
Что за любовь онъ ей предложитъ!
Ахъ, кромѣ сердца ничего;
Любовь безумная его
Лишь стыдъ нанесть Зальмарѣ можетъ.
Отвѣй же милыя черты,
Сокройся, призракъ - обольститель;
Ты не отрадный утѣшитель,
Лукавый врагъ страдальцу ты. —

Такъ сердце юноши тѣснили
Волненья безотрадныхъ думъ;
Онѣ и сердце въ немъ и умъ
Смертельнымъ ядомъ отравили.

За чѣмъ итти? чего бѣжать?
Надежды, счастья гдѣ искать?
За нимъ, предъ нимъ однѣ мученья —
Гдѣ жъ свѣтлый міръ успокоенья?
Уставъ земли печаль и кровь,
Здѣсь золото въ союзѣ съ силой;
Но гдѣ же радость, гдѣ любовь?
Найдешь ли ихъ хоть за могилой?
Печальный юноша глядитъ....
Какъ вдохновенье молодое,
Какъ Херувима кроткій видъ,
Сіяетъ небо голубое.
Творецъ! Твой міръ.... прекрасенъ онъ!...

. . . . . .

Вдругъ легкій шорохъ за стѣнами,
Вотъ тихо брякнули ключами,
Дверь потаенная скрыпитъ,
Невольникъ смотритъ боязливо....
Его къ Гарему торопливо
Рабыня черная манитъ.

РАБЫНЯ.

Сего дня, въ полночь — какъ проглянетъ
Надъ моремъ блѣдная луна —

Когда дробиться перестанетъ,
Заснетъ игривая волна:
Сюда, прокравшись осторожно,
Пройди въ сады чрезъ эту дверь,
И подожди въ кустахъ. Теперь
Возми, вотъ ключь. Мнѣ не возможно
Здѣсь долго мѣшкать.

НЕВОЛЬНИКЪ.

Я? — За чѣмъ
Туда приду я?

РАБЫНЯ.

Ты никѣмъ
Не будешь узнанъ.... Въ часъ свиданья
Узнаешь все. —
Рабыни нѣтъ,
И гулъ шаговъ — какъ давнихъ лѣтъ
Однообразныя преданья,
Едва хранимыя молвой —
Смѣнялся мертвой тишиной.

Темнѣетъ. — Вечеръ. — За стадами
Съ косматымъ псомъ идетъ пастухъ,
Лучь солнца вспыхнулъ надъ холмами,
И яркимъ заревомъ потухъ.
Волнистый паръ клубится въ полѣ,
Зажженъ маякъ по берегамъ.
Махметъ, пустивъ коня по волѣ,
Спѣшитъ къ дворцовымъ воротамъ.
За нимъ, дорогой пыль взвѣвая,
Ловцовъ дружина удалая,
Привставъ отважно въ стременахъ,
Летитъ на борзыхъ скакунахъ.
Везутъ ловитвы плодъ кровавый,
Сзывая псовъ, рога трубятъ;
Ловцы о трудностяхъ забавы,
О хитромъ звѣрѣ говорятъ.
Къ стѣнамъ зубчатымъ подъѣзжаютъ,
Мосты подъемные спускаютъ,
Огни мелькнули на крыльцѣ,
Усталый Ага во дворцѣ, —
Рабы коня его уводятъ.
Добыча сложена въ шашеръ,
Смѣняясь, воины разводятъ
У стѣнъ дымящійся костеръ.

Передъ палатами Махмета
Еще дробятся голоса.
Широкой шашки полоса,
Встрѣчаясь съ дуломъ пистолета,
Гремитъ, и искрой золотой
Скользитъ по сѣрой мостовой.
Ловцы, сдвигаясь тѣснымъ кругомъ,
Сидятъ, бесѣдуя другъ съ другомъ.
Досугъ вечерній коротятъ
Саади дивныя преданья;
Предметомъ общаго вниманья:
Лобовь, измѣна и булатъ.
Но вотъ молитвы часъ обычный
Зоветъ къ покою Мусульманъ,
Ихъ ожидаетъ долгъ привычный,
Ихъ призываетъ Алъ-Коранъ.
Встаютъ, расходятся. Пустѣетъ,
Безмолвствуетъ широкій дворъ;
На немъ, подъ кучей пепла, тлѣетъ
Янтарнымъ пламенемъ костеръ.

Сѣдая тѣнь спорхнула съ мѣста,
Кругомъ и сонъ и тишина;
Какъ пробужденная невѣста,
Нѣжна двурогая луна.

Бьетъ полночь . . . . Сонъ одолѣвая,
Передъ крыльцемъ невольникъ ждетъ;
»Пора! пора!« и, чуть ступая,
Къ стѣнамъ Гарема онъ идетъ.
Онъ ищетъ двери потаенной . . . .
За колонадой отдаленной,
Уединенна и мрачна,
Глазамъ является она.
Идетъ къ ней, слушаетъ . . . . молчанье!
Сжимая ключь, его рука
Предъ узкой скважиной замка
Вдругъ ощутила содраганее . . . .
Дверь отворилась — бѣглый взглядъ
Встрѣчаетъ усыпленный садъ.
Невольникъ быстро отступаетъ,
По членамъ холодъ пробѣгаетъ,
И, будто смертью пораженъ,
Итти впередъ не смѣетъ онъ:
Его томитъ недоумѣнье,
Какъ туча въ сердце у него
Ложится черное сомнѣнье.
За чѣмъ итти! Кто ждетъ его?
Чьи тамъ заботливыя очи
Увидятъ онъ во мракѣ ночи?
Рабыня . . . . чья? Свиданье . . . . съ кѣмъ?
И кто желаетъ этой встрѣчи,

И для чего? — Призывной рѣчи
Онъ не забылъ; но кто Гаремъ
Въ подобный часъ покинуть можетъ?
Кто бдѣнье стражи превозможетъ?
Кто, кто таинственный тотъ другъ?
Быть можетъ, онъ гонимъ судьбою,
И хочетъ сердца злой недугъ
Смягчить участія слезою —
Быть можетъ, ждетъ его любовь....
Но чья она?... Уже ли.... Вновь
Къ дверямъ какъ вихрь онъ подбѣгаетъ —
Его Зальмара призываетъ! —
Исчезло все — сомнѣнье, страхъ;
Идетъ, идетъ.... потомъ въ кустахъ,
Съ разувѣреніемъ сражаясь,
Остановился, озираясь.
Глядитъ — знакомые кусты:
Къ нимъ садъ Махмета примыкался;
Аллея таже.... тѣжъ цвѣты
И тажъ тропинка — здѣсь плѣнялся
Онъ красотой царицы — дѣвъ,
А тамъ, мелькая межъ деревъ,
Она, какъ серна, убѣгала;
Тутъ съ очарованной душой,
За ней стремился онъ мечтой;
Тамъ, близъ воротъ, она пропала.

Глядитъ — все въ сумракѣ ночномъ;
И будто въ нѣдрѣ гробовомъ
Опочиваетъ твердь земная.
Лишь, выходя съ морскаго дна,
Грохочетъ зыбкая волна,
О берегъ пѣной ударяя:
Лишь, сбросивъ съ дерева листокъ,
Въ куртинахъ шепчетъ вѣтерокъ.
Очнулся юноша; волненій
Смирить не можетъ онъ; опять
Тоски мертвящая печать
Кладетъ въ душѣ бразды мученій.
Безумецъ! какъ, онъ думать могъ,
Что недоступная Зальмара
Оставитъ пышный свой чертогъ,
И, дѣтскихъ чувствъ живаго дара
Еще не ввѣря никому,
Придетъ къ невольнику.... къ нему?
Придетъ за тѣмъ, чтобъ взоромъ яснымъ
И голосомъ стыдливо-страстнымъ
Сказать, восторговъ не таяя:
— *Люби меня!... на вѣкъ твоя!* —
Но если жъ?... Нѣтъ, она не знаетъ....
Его любовь, его тоска
Надмѣнной дѣвы далека;
Она о немъ не помышляетъ....

Онъ убѣжитъ; быть можетъ, тутъ
Его однѣ измѣны ждутъ.
Такъ иногда, въ часъ непогоды,
Струистыхъ молній блѣдній лучь,
Скользнувъ по скату сизыхъ тучь,
Развеселитъ чело природы;
Вдругъ перекатный грянетъ громъ, —
И снова мракъ и смерть кругомъ.

Уже невольникъ удалялся;
Но, выходя изъ-за кустовъ,
Онъ слышитъ дальній гулъ шаговъ:
Поспѣшно кто-то приближался.
Мелькнулъ клубящійся покровъ....
Опять.... исчезъ.... бѣлѣетъ снова;
Шаги слышнѣе — шелестъ ихъ
Вблизи кустарника густаго
Остановился и затихъ.
Едва дышать невольникъ смѣетъ,
Опять сомнѣнье пламенѣетъ
Въ умѣ испуганномъ его. —
Въ куртинахъ шорохъ повторился,
Ясминный кустъ зашевелился;
Раздвинувъ вѣтви, изъ него,
Стройна, какъ пальма садовая,

Выходитъ робкая краса;
На ней одежда дорогая
Свѣтла, какъ Майская роса.
Съ чела откинувъ покрывало,
И молчалива и томна,
Подходитъ медленно она.
Кого же сердце въ ней узнало?
Невѣритъ юноша глазамъ,
И думаетъ: опять къ мечтамъ
Душа убитая склонилась;
Увы, въ ней сильно вкоренилась
Неотразимая мечта.
Предъ нимъ.... Нѣтъ, нѣтъ! то слѣдъ забвенья;
Слѣпой порывъ воображенья:
Предъ нимъ Зальмара — но не та,
Какою зрѣлъ ее онъ прежде!
Не блескъ — туманъ въ ея очахъ;
Не розы — блѣдность на щекахъ;
Въ ея походкѣ и одеждѣ
Теперь задумчивость и лѣнь;
Зальмара — плачущая тѣнь
Надъ одинокою могилой
Подруги, вѣчно сердцу милой!

ЗАЛЬМАРА.

Остановись, невольникъ! Мной
Ты приглашенъ сюда къ свиданью,
Я посылала за тобой.
Не удивляйся же молчанью
Зюлемы преданной моей;
Я строго запретила ей
Сказать.... Но скроемся въ аллею,
Иди за мною, въ тишинѣ
Узнаешь все.... Здѣсь страшно мнѣ,
Съ тобою быть я здѣсь не смѣю:
Замѣтитъ евнухъ, а тогда
Обѣимъ намъ придетъ бѣда.

И вотъ тропой едва замѣтной,
Она съ невольникомъ пошла,
Робка, задумчива была;
Но взглядъ то грустный, то привѣтной;
И — примирители страстей —
Порою слезы изъ очей:
Все гордой дѣвѣ измѣняло.
Невольникъ.... ахъ, какъ изнывало
Въ немъ сердце полное любви!
Какъ въ безднѣ моря утопало
Оно въ бунтующей крови.

Аллея темная предъ ними —
Вошли — все пусто; лишь однѣ,
Подъ кипарисами нѣмыми,
Бѣлѣютъ скамьи въ сторонѣ.
Садится дѣва. — Грудь вздымаясь,
Подъемлетъ дымчатый покровъ;
Уста мѣшаютъ звуки словъ,
И вотъ сказала, запинаясь:
— Такъ, чужестранецъ, я звала
Тебя къ свиданью въ наши стѣны;
Законъ Гарема, страхъ измѣны —
Зальмара все превозмогла.
Владѣть неопытной душою
Я невластна.... Узнай, тобою....
Отъ той поры, когда со мной
Сошелся ты во тмѣ ночной,
Тобой однимъ съ тѣхъ поръ живу я;
Твои черты, твой милый взглядъ....
Напрасно ихъ душой бѣгу я —
Онѣ вездѣ за мной слѣдятъ.
Мои померкнувшія очи
Забыли миръ и нѣгу сна;
Какъ мѣсяцъ бурной полуночи,
Моя минутная весна
Печальнымъ облакомъ затмилась;
Я вѣрить счастью разучилась

И, кажется, давнымъ-давно
Забыло, бѣдную, оно.
Въ борьбѣ страстей истаевая,
Я гибну, молча, между дѣвъ;
Дышу тобой, какъ чувствомъ рая,
Забавы, пышность — все презрѣвъ,
Я юности живыя розы
На тайныя мѣняю слезы.
Взгляни, съ шестнадцатой весной
Зальмара сердце погубила:
Оно изсохло, какъ могила,
Не орошенная слезой.
Послѣдствій встрѣчи роковой,
Моихъ страданій, мукъ ужасныхъ,
Безумныхъ сновъ, надеждъ напрасныхъ
Не утаить мнѣ отъ тебя.
Но, чужестранецъ, полюбя
И полюбя еще впервые:
Скажи, кто можетъ утаить,
Кто можетъ въ сердцѣ истребить
Обѣты милые, святые?
О, нѣтъ! не дважды намъ любить,
На что предъ сердцемъ лицемѣрить?
Его намъ трудно разувѣрить,
Пускай же ноетъ по одномъ. —
Сего дня, сидя предъ окномъ,

Тебя предъ нашими стѣнами
Узрѣла я. Ты грустенъ былъ,
Ты что-то съ жадностью слѣдилъ,
И, увлеченная мечтами,
Я думала.... Моей мечты
Не отгони! Увѣрь, что ты
Слѣдилъ въ волненіи за тою,
Кого.... не правда-ль, ты за мною....
За мною сердцемъ ты слѣдилъ?
Скажи, увѣрь, что полюбилъ,
Что любишь ты меня! — Зальмара
Порывомъ дѣвственнаго жара
Твои надежды оживитъ;
Она съ тобою раздѣлитъ
Своей души залогъ завѣтный,
И поцѣлуй любви привѣтный
Тебя къ блаженству возвратитъ.

Умолкла. Къ длани бѣлоснѣжной
Она главой склонилась нѣжно;
Отвѣта ждетъ, глядитъ — у ногъ,
Какъ побѣжденный полубогъ,
Сынъ Эльбы пламенный трепещетъ;
Взоръ изступленный дико блещетъ;
Въ груди то вздохъ, то тяжкій стонъ;

Слеза ланиты орошаетъ;
Начнетъ ли рѣчь — въ минуту онъ
Ее окончить забываетъ.

ЗАЛЬМАРА.

Ты тронутъ? Нѣтъ не сожалѣнье,
Одна любовь теперь нужна;
Въ любви участіе — презрѣнье....
Я умолять не рождена.
Тебѣ я сердце предлагаю,
Когда же не возьмешь его,
Тогда позора своего
Я не снесу; но я узнаю,
Кто та, кому отдавъ мечты,
Мои красы отринулъ ты.
О, если рѣчью лицемѣрной
При первой встрѣчѣ обманулъ
Ты мой разсудокъ легковѣрной;
И если ты потомъ уснулъ
Въ объятіяхъ другой, и съ нею
Надъ легковѣрностью моею
Смѣялся въ бѣшенствѣ страстей:
Тогда.... Красавицѣ твоей
Ни гдѣ не скрыться отъ Зальмары.
Отдамъ всю жизнь желанью кары,

Найду — и мщеніе мое
Всю кровь изъ сердца у нее
Тогда источитъ адскимъ жаломъ;
Когда же здѣсь не поражу,
На небеса пойду съ кинжаломъ —
И тамъ ее не пощажу.
За чѣмъ же медлишь ты отвѣтомъ?
Или она въ Гаремѣ этомъ?
Отвѣтствуй, повторяю вновь,
Рѣши, что ждетъ меня?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Любовь,
Чистѣйшая, какъ свѣтъ небесный!
Давно восторгъ ея чудесный,
Смутивъ дремоту юныхъ думъ,
Посѣялъ въ нихъ раздоръ и шумъ.
Ахъ, долго, долго изнывалъ я!
Узнавъ тебя, чужую степь,
Презрѣнье, угнѣтеній цѣпь
Три мѣсяца не проклиналъ я.
Другая? Нѣтъ, ни съ кѣмъ тогда
Еще я сердцемъ не дѣлился;
Ему любовь была чужда,
Тебѣ я первой покорился;

Одна заря въ вечерней мглѣ,
Одна и ты мнѣ на землѣ.
Живу, люблю, страданье гложетъ
Мою сгарающую грудь;
Разсудокъ шепчетъ: *позабудь!*
А сердце позабыть не можетъ.
Увялъ невѣрный жизни цвѣтъ —
И съ нимъ надежды лучшихъ лѣтъ:
Я рабъ, а ты.... ты дочь Махмета.

ЗАЛЬМАРА.

Что нужды намъ до мнѣній свѣта?
Любима.... ахъ не все ли тутъ
Желанья сердца обрѣтутъ?
Вотъ двѣ звѣзды! Онѣ сливаясь,
Плывутъ на небѣ голубомъ;
Слюбились свѣтлыя, встрѣчаясь;
Имъ веселѣй горѣть вдвоемъ:
Пускай же тучи снѣговыя
Возмогутъ вѣрныхъ разлучить —
Скорѣй ихъ можно погасить,
И бросить въ волны ключевыя.
Забудь враждующихъ людей
И лицемѣрную свободу,

Люби какъ я — въ любви своей
Я заключила всю природу.
Я дочь Махмета въ шумѣ дня,
Пускай зовутъ Княжной меня,
Въ часы урочнаго досуга
Я не Княжна — твоя подруга.

Руками юношу обвивъ,
Она къ груди его прижала,
И поцѣлуемъ заглушала
Страстей насильственный порывъ.
Невольникъ млѣлъ и забывался —
Какъ описать его восторгъ?
Онъ милой дѣвой любовался;
Она его!... Теперь онъ могъ
Повѣрить счастію земному;
Благословеніе былому:
Онъ знаетъ прелесть бытія!
Зальмара съ нимъ, чиста какъ радость;
Какой бальзамъ, какую сладость
Онъ пьетъ въ лобзаніяхъ ея!

Часы свиданья протекали,
Луна и звѣзды исчезали;

Ужъ сквозь туманы въ лонѣ тучь
Нырялъ зари перловый лучь.
Востокъ рѣдѣетъ; надъ древами
Легла блестящая роса;
Разсвѣта сизыми огнями
Готовы вспыхнуть небеса. —
Среди сердечныхъ упоеній
Сидятъ любовники; для нихъ
Протяжный ходъ часовъ ночныхъ
Одна минута наслажденій.
О, ночь! помедли, ты съ собой
Умчишь всѣ радости свиданья,
И души счастливыхъ тобой
Встревожишь грустью разставанья.
Еще любовники всего
Другъ другу ввѣрить не успѣли;
Въ избыткѣ счастья своего,
Они о многомъ бы хотѣли
Поговорить теперь въ тиши.
О, ночь! помедли, не спѣши!
Опомнясь, дѣва встрепенулась,
Вздохнула, томно улыбнулась,
И погрузивъ на грудь лицо,
Сняла алмазное кольцо.

ЗАЛЬМАРА.

Возьми! носи его залогомъ
Моей любви — по гробъ твоя!
Клянусь святыней бытія,
Моимъ, твоимъ клянуся Богомъ —
Твоя по гробъ!

НЕВОЛЬНИКЪ.

Клянусь судьбой
И въ небесахъ дышать тобой!

ЗАЛЬМАРА.

Прости! пора!... Тропинка эта
Тебя къ чертогамъ доведетъ —
Уже не долго до разсвѣта:
Заря докучная встаетъ,
Гаремъ виднѣе изъ тумана —
Пора и мнѣ туда бѣжать;
Но завтра здѣсь иль близъ фонтана
Съ тобой увижусь я опять.

Преодолѣвъ печаль разлуки,
Они безмолвно обнялись,

Въ послѣдній разъ пожали руки
И — молвивъ: *завтра!* — разошлись.
Такъ голубь лѣтнею порою,
Въ вечернемъ сумракѣ полей —
Съ голубкой встрѣтясь молодою,
Кидаетъ кормъ и мчится къ ней;
Слѣтятся, сядутъ, поворкуютъ,
Другъ друга нѣжно поцѣлуютъ,
Повеселятся, погрустятъ,
Подымутся и улетятъ.

П. Иноземцовъ.

МАРІЙ.

ПОСВЯЩЕНО

И. Я. КРОНЕБЕРГУ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Дремало море въ берегахъ,
Надъ Карѳагеномъ тѣнь ночная
Плыла на сизыхъ облакахъ,
Луну и звѣзды омрачая.
Все было пусто; здѣсь и тамъ
Слѣды войны и разрушенья;
И засыпали по холмамъ
Опустошенныя селенья.

Мечъ грозныхъ Римлянъ истребилъ
Сѣдыя стѣны Карѳагена,
Онъ славу гордыхъ замѣнилъ
Цѣпями тягостнаго плѣна.

Палъ Карѳагенъ; его сыны
Простились съ прелестью свободы;
Чужимъ властямъ покорены,
Рабы — не вольные народы!

Увы, съ поникшею главой
Они въ поляхъ печально бродятъ,
И на привѣтъ страны родной
Веселыхъ пѣсень не заводятъ.
Въ чужихъ краяхъ погребено,
Истреблено ихъ ополченье;
Они рабы, имъ суждено
Терпѣть позоръ и угнѣтенье.

И здѣсь-то брошенный судьбой,
Невѣрной дружбой забытый,
Мятежникъ хитрый, вождь-герой,
Скитался Марій знаменитый;
Склонивши голову на длань,
Сидѣлъ онъ, взоръ вперяя въ волны;
Вотъ вспомнилъ славу, вспомнилъ брань
И говоритъ раздумья полный:

»Греми, греми, сребристый валъ,
Согласный бѣгъ свой совершая;
О! если бъ къ Риму ты бѣжалъ,
Къ брегамъ родимаго мнѣ края:
Тогда бы вслѣдъ струямъ твоимъ
Отрадно было мнѣ стремиться,
Взглянуть впослѣдніе на Римъ
И съ нимъ впослѣдніе проститься.

»За славой Ромула стремясь,
Свободу Бруша обожая,
Не я ли, смерти не страшась,
Громилъ, отчизну прославляя?
Я все принесъ отчизнѣ въ дань;
Отдавъ ей юности забавы,
Какъ на пиры я шелъ на брань,
И жилъ для Рима и для славы.

»О Римъ! сзови своихъ сыновъ,
Спроси у нихъ: дары ли счастья
Иль нѣги недостойный зовъ,
Или призракъ единовластья

Смущали Маріевы сны?
Спроси у нихъ, — и вѣрно скажутъ:
Мы славой Марію должны,
Тевтоны, Кимвры то докажутъ.

»Нѣтъ, нѣтъ! не будетъ укорять
Меня правдивое потомство,
Я правъ — меня ли порицать,
Меня ль винить за вѣроломство?
Я знаю Силлу, я понялъ,
Онъ шелъ къ властямъ тропой обмана,
Я гражданинъ, — и я желалъ
Исторгнуть власть изъ рукъ тирана.

»Но ты падешь передо мной,
О Силла!... Вождь минутный боя!...
Твоей ли слабою рукой
Сорвать безсмертіе съ героя?
Не долго ждать, падутъ они,
Удары праведнаго мщенья,
И Римъ познаетъ эти дни,
Внимая грому разрушенья.

»Изгнанникъ здѣсь скитаюсь я,
Мои шаги слѣдитъ измѣна;
Какъ истребитель бытія,
Среди обломковъ Карѳагена,
Завѣтной думой омраченъ,
Угрюмо дни я провождаю;
Меня бѣжитъ отрадный сонъ,
Я жаждой мщенія сгараю.«

Умолкъ. Чело его мрачнѣй,
Чѣмъ небеса ненастной ночи;
И вдругъ изъ-подъ густыхъ бровей
Сверкнули пламенныя очи;
Вотъ неподвижно устремилъ
Ихъ на чернѣющія воды,
И сонъ желанный осѣнилъ
Героя брани и свободы.

Заря будила сводъ небесъ,
Сѣдыя волны просыпались;
Въ кристаллы ихъ глядѣлъ утесъ,
Вдали туманы волновались.

Проснулся Марій — смутный взоръ
Съ грозой къ отчизнѣ обратился,
Герой вздохнулъ, и между горъ
Какъ тѣнь могильная сокрылся.

Проходятъ дни — изгнанникъ вновь
Летаетъ къ Риму думой смутной;
Сонмъ ратниковъ, пожары, кровь,
Трофей побѣдъ хотя бъ минутной —
Все это въ мысляхъ передъ нимъ.
Поклявшись мстить и за могилой,
Онъ какъ Судьба неукротимъ
И жаждетъ боя съ новой силой.

Когда завоетъ вихрь, и громъ
Отгрянетъ страшно надъ холмами:
Какъ радостно тогда кругомъ
Онъ бродитъ гнѣвными очами!
Онъ мнитъ: такъ гордый Римъ падетъ,
Такъ Капитолій затрепещетъ,
Когда и огнь по немъ пройдетъ,
И мечь въ стѣнахъ его заблещетъ.

Когда орелъ, покинувъ лѣсъ
Плыветъ въ эфирномъ океанѣ
И, низвергаясь на утесъ,
Узритъ врага въ пустынномъ вранѣ:
Какъ весело на этотъ бой
Герой Нумидіи взираетъ,
Мнитъ видѣть Силлу предъ собой
И мечь оставленный хватаетъ.

Вотще, біясь о брегъ, бѣгутъ
И мещутъ перлъ морскія волны:
Онѣ свободы не несутъ,
На нихъ плывутъ чужіе челны.
Призыва Ци́нны Марій ждетъ.
Иль измѣнили легіоны
И вѣрный другъ не призоветъ
Его на пиршество Беллоны?

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Межъ тѣмъ, какъ Силла пожиналъ
Вдали отъ Тибра лавры брани,
И Римъ колѣна преклонялъ
По мановенью мощной длани;
Друзей собравши въ тишинѣ,
Отважный Цинна мечь подъемлетъ,
И Римлянинъ въ родной странѣ
Съ испугомъ гласу бунта внемлетъ.

Какъ Этна вспыхнулъ страшный бой,
Сынъ на отца и братъ на брата
Идутъ; стеклися, — строй на строй
Напалъ — и миру нѣтъ возврата.
Ликуетъ смерть.... Стѣсненъ, разбитъ
И прогнанъ Цинна съ поля битвы;
Пылая злобой, онъ бѣжитъ
Какъ тигръ израненный съ ловитвы.

Проходятъ дни — ужъ нѣтъ заботъ;
Погасъ вулканъ вражды народной;
Безпечно Римлянинъ несетъ
Въ храмъ мира сердца даръ свободный.
По прежнему на площадяхъ
Законный кличь народной воли;
Порхаетъ радость на пирахъ
И безмятеженъ Капитолій.

Повсюду счастье и покой;
Тиха долина боевая;
И часто позднею порой
Идетъ гражданка молодая
На брегъ ручья, идетъ одна
Для встрѣчи пламенно-желанной
Съ влюбленнымъ юношей — она
Забыла дни тревоги бранной.

Но что?... Къ чему же смута вновь?
Несутся вѣсти роковыя....
При нихъ у старцевъ стынетъ кровь,
Взрыдались дѣвы молодыя.

Союзныхъ ратниковъ съ толпой,
Искатель пагубныя чести,
Стремится Цинна въ край родной,
Неся съ собой перуны мести.

Народъ въ мольбѣ — Сенатъ унылъ
И Римъ вселенной повелитель,
Главу вѣнчанную склонилъ.
Ужъ близокъ, близокъ грозный мститель!
Идетъ.... Какъ стая врановъ злыхъ,
Быстрѣй нагорнаго потока,
За нимъ текутъ въ рядахъ густыхъ
Сыны враждующаго рока.

О! что съ тобой, державный Римъ?
Внимай, ужъ грянулъ голосъ кары!
Уже по храмамъ вѣковымъ
Какъ тучи стелются пожары!
Угрозы, клятвы, вопли, стонъ
Слились какъ гимны разрушенья;
Погибель, адъ со всѣхъ сторонъ;
Врагу и другу нѣтъ спасенья.

Но кто сей яростный атлетъ?
Кто зрится съ Цинной предъ рядами?
За кѣмъ съ побѣдою во слѣдъ
Стремятся ратники толпами?
Ужасенъ онъ! въ десницѣ громъ!
Смотрите, онъ коня торопитъ,
Летитъ какъ дума и кругомъ
Римлянъ въ пучинахъ крови топитъ.

Вотще съ молитвой на устахъ,
Съ отчаяньемъ въ потухшемъ взглядѣ,
Потомки Ромула въ слезахъ
Къ нему взываютъ о пощадѣ —
Вотще! гдѣ онъ — тамъ смерть; ему
Отрадны, мнится, падшихъ стоны;
Готовъ онъ мщенью своему
Принесть ихъ въ жертву милліоны.

Кто жъ онъ! О Римъ! ты зрѣлъ его,
Когда, дыша къ тебѣ любовью,
За честь народа твоего
Онъ, обагренный вражьей кровью,

Предъ Капитоліемъ склонялъ
Главу, увитую вѣнцами
Безсмертныхъ дѣлъ — ты ликовалъ,
Гордился ты его дѣлами.

А нынѣ . . . . иль не знаешь ты
Любимца дряхлаго Беллоны,
Предъ нимъ повергли въ прахъ щиты
Югурта, Кимвры и Тевтоны?
Внемли, взываетъ твой народъ:
»Бѣгите! страшенъ побѣдитель!
Онъ гибель, рабство намъ несетъ!
Се Марій, врагъ намъ, нашъ властитель!«

Утихла битва, скрылся день;
Зажглись огни сторожевые,
Медлительно ночная тѣнь
Легла на холмы вѣковые.
Въ нѣмыя думы погруженъ,
На рубежѣ долины ратной
Блуждаетъ Марій; сбросилъ онъ
Тяжелый щитъ и мечь булатный.

Онъ мнитъ: »свершился подвигъ мой....
Римъ! ты смиренно преклоняешь
Свою главу передо мной;
Но ты судьбы своей не знаешь.
На завтра снова грянетъ громъ,
Опять заблещетъ факелъ мщенья;
Въ Сенатѣ дерзостномъ твоемъ
Я заплачу за оскорбленья.

»И гдѣ жъ защитникъ стѣнъ твоихъ?
Гдѣ, гдѣ ты Силла? Сынъ фортуны!
Приди, сорви съ раменъ моихъ
Мои вѣнцы, мои перуны.
Пускай пройдутъ твои друзья,
Подобно мнѣ, на этомъ полѣ,
Безъ состраданья встрѣчу я
Рабовъ послушныхъ рабской волѣ.

»О, можетъ быть, презрѣнный тать,
Цѣною злата обольщенный,
Нежданно на меня поднять
Дерзнетъ кинжалъ свой потаенный....

Свершится жребій мой; паду,
Погибну я въ борьбѣ съ Судьбою;
Но духъ мой новую вражду
Раздуетъ въ Римѣ предъ тобою.«

Сбылись мечты его.... Герой
Не долго славой наслаждался!
Онъ палъ.... Надъ дряхлой головой
Кинжалъ измѣны не взвивался;
Воитель смертный не купилъ
Счастливыхъ дней своей отчизны:
Надгробный гимнъ предвозвѣстилъ
Ему потомства укоризны.

Проходятъ годы — палъ и Римъ;
На боевой его долинѣ
Другой народъ мы нынѣ зримъ,
Другая рать тамъ ходитъ нынѣ.
Герсевъ Рима нѣтъ какъ нѣтъ;
Но не забыты ихъ дѣянья;
Былъ грозныхъ и великихъ лѣтъ
Хранятъ народныя преданья.

П. Иноземцовъ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Не березанька съ гибкимъ яворомъ сплеталась,
Красна дѣвица съ юнымъ ратникомъ розставалась.

Расплела печаль кудри русыя, шелковыя;
Взволновалися груди полныя, молодыя.

Изъ очей ея, что ключи съ горы, слезы льются;
Руки бѣлыя вокругъ милаго такъ и вьются.

Ахъ! за чѣмъ меня, ненаглядный мой покидаешь?
На кого меня безутѣшную оставляешь?

Много на небѣ свѣтлыхъ звѣздочекъ ночь встрѣчала,
Много ратниковъ на святой Руси я видала:

Пусть удалые за родимый край ищутъ славы,
Не ходи лишь ты, соколъ ясный мой, въ бой кровавый!

Тамъ, слыхала я, острый мечь блеститъ передъ
строемъ,
Рѣки пламени роютъ землю тамъ съ ревомъ, съ воемъ.

Если лютый врагъ друга милаго тамъ погубитъ?
Кто жъ тогда меня сиротинушку приголубитъ?

Ахъ, къ кому на грудь съ дѣтской радостью упаду я?
Отъ чьего тогда зарумянюся поцѣлуя? —

Не послушался добрый молодецъ дѣвы красной,
Полетѣлъ стрѣлой на кровавый бой соколъ ясный.

Не березанька во чистомъ полѣ засыхала,
Красна дѣвица отъ кручинушки изнывала.

П. Иноземцовъ.

МОГУЩЕСТВО КРАСОТЫ.

ПОДРАЖАНІЕ АРАБСКОМУ.

Щекъ твоихъ горячихъ пламя
Въ первыхъ утреннихъ лучахъ,
Словно вѣющее знамя
Заблистало вдругъ въ очахъ.
Розы, мирты присмирѣли,
Видя прелести твои;
Звучно въ честь твою воспѣли
Сладкопѣвцы соловьи.
И, восторженъ, очарованъ,
Бѣдный плѣнникъ твой, у ногъ,
Неизбѣжной страстью скованъ,
Испустилъ послѣдній вздохъ!

И. Петровъ.

1832.

ЗАВѢТНОЕ КОЛЬЦО.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Берёзанька-ль кудрявая,
Отъ вѣтра гнется — ломится;
А розочка душистая
Ко травкѣ томно клонится.

Такъ дѣвица - красавица
По миломъ другѣ плачется,
Что вóдополь весенняя
По чисту лугу льетъ рѣкой.

»Кольцо мое, завѣтное!
»Безъ друга, друга милаго,
»Мнѣ золотомъ кого дарить?
»Скажите: что мнѣ въ золотѣ?«

*

Сняла кольцо съ руки своей
И въ быстры воды кинула:
»Неси волна, шуми волна!
»Любовь свою я съ нимъ дарю!

И. Петровъ.

1832.

ГАДАНІЕ ТУНГУСОВЪ (*).

СѢВЕРНАЯ СЦЕНА.

Ночь. Скалы и утесы Енисея. Толпа Тунгусовъ окружаетъ стараго Шамана. Посреди пылающій костеръ, сложенный изъ огромныхъ кедровъ. Двое Тунгусовъ подаютъ гадателю одежды, обвѣшенныя металлическими изображеніями змѣй, драконовъ и другихъ животныхъ; такой же запонъ, шапку, украшенную крыломъ ворона, и овальный бубенъ.

ШАМАНЪ, *ударяя въ бубенъ.*

Отъ живущихъ отчужденный,
Отчужденный отъ родства,
Отъ земнаго существа,
Въ тайны Неба посвященный,

(*) Стихотвореніе сіе написано еще въ Сибири. Миѳологическія и религіозныя понятія Тунгусовъ о Вышнемъ Существѣ, мистическія волхвованія ихъ Шамановъ, имѣющихъ какое-то сродство съ древними Магами и Волхвами Египетскими, до нынѣ, кажется, не были описываемы въ близи. Изображеніе ихъ въ семъ стихотвореніи заимствовано мною изъ собственныхъ наблюденій и, находящагося еще въ рукописи, любопытнаго сочиненія о тамошнемъ краѣ *А. П. Степанова*, бывшаго Енисейскаго Гражданскаго Губернатора. *Сост.*

Преклоняя къ вамъ главу,
Вышни силы, васъ зову!
Низойдите! низойдите!
Дней покровъ разоблачите!

ХОРЪ.

Вышни силы онъ зоветъ!
Низойдите! низойдите!
Дней покровъ разоблачите!
Пусть, что будетъ, предречетъ!

ШАМАНЪ.

Ты, *Аркунга*, духъ воздушный!
Мракъ и свѣтъ тебѣ послушны,
Тайны знаешь ты земли,
Даръ предвѣденья пошли!
Да, тобою вдохновенный,
Міръ весь мыслью обтеку —
И живущимъ во вселенной
Жизнь иль гибель предреку!

Странъ подземныхъ обитатель,
Этыгранъ, зла обладатель,
Духъ болѣзни моровой,
Въ міръ влетающій змiёй!
Безпощадно всё мертвящій!
На призывъ отважный мой,
Кроткій, мирный, не разящій,
Ты предстань передо мной!

⁂

Ты, крылатый *Іиняны*,
Кѣмъ возносятся Шаманы
Отъ печальныхъ оныхъ мѣстъ
Выше солнца, выше звѣздъ!
Ты, даръ жизни предержащій,
Кѣмъ всё дышетъ на земли!
Свѣтозарный, лучезрящій!
Зóву кроткому внемли!

⁂

Ты, *Хвананы!* Ты, *Миряда!*
Духи неба, духи ада!
Ты духъ бури, грозный *Торъ!*
Васъ зову я на соборъ!. . .

ХОРЪ.

Низойдите! Низойдите!
Дней покровъ разоблачите!

Слышенъ полетъ невидимыхъ.

ШАМАНЪ,

содрогаясь при ихъ приближеніи.

Вотъ — я вижу: черный вранъ
Осѣнилъ меня крылами!
Я прозрѣлъ временъ туманъ!
Сонмъ духовъ паритъ надъ нами!

Упадаетъ въ безпамятствѣ.

ОДИНЪ ИЗЪ ТУНГУСОВЪ.

Чу!. . . Надъ нимъ поднялся вранъ!
Страшно!. . . Вотъ встаетъ Шаманъ!

ШАМАНЪ, *вставая.*

Всё теперь я видѣлъ ясно!
Други! будущность прекрасна;
Видѣлъ я ея зарю:
Слава *Бѣлому Царю!*

ВСЪ.

Слава Бѣлому Царю!

Расходятся. Полный разсвѣтъ озаряетъ скалы и утесы Енисея.

И. Петровъ.

1832.

ОРЕЛЪ.

Завидую Орлу, летящему по волѣ:
Какъ путь его широкъ! просторно какъ ему,
На крылья опершись, гулять въ лазурномъ полѣ,
Гдѣ не подвластенъ онъ земному ничему.

⁂

Какъ пышный домъ, его вселенная пріемлетъ;
Ликуя въ небесахъ, чуть зримъ для нашихъ глазъ,
То на границу бурь полетъ онъ свой подъемлетъ,
То отдохнуть потомъ садится на Кавказъ.

⁂

Какъ весело ему! какъ воленъ онъ повсюду!
Нѣтъ мѣста для него, гдѣбъ крылья не взнесли,
И только съ высоты онъ видитъ эту груду
Ненужной для него, окованной земли.

⁂

А мы, ничтожные, какъ этотъ червь ползущій,
Мы къ ней пригвождены.... За тѣмъ и скучно намъ!
Напрасно рвется умъ, далече насъ зовущій:
Весь путь нашъ по землѣ отъ стѣнъ къ другимъ
стѣнамъ.

*

Вездѣ препятствія, нашъ каждый шагъ забота:
Душа угнетена какъ жалкая раба.
Куда ни оглянись, вся наша жизнь работа,
Тоска, ничтожество, и вѣчныхъ нуждъ борьба.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРОЗА.

Стран.

Байскаго (*П. Б.*)

Недобрый глазъ. Малороссійское преданіе.. 3

* * * * *а.*

Отрывокъ изъ Романа: *Рапсодіи*..... 14

Сомова (*О. М.*)

Недосозданіе..... 62

С. р. з. к. го (*И. И.*)

Отрывки изъ Записокъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ, Украинскомъ Философѣ. 67

С * * * *.

Двѣ картины..... 93

Бредишь 97

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стран.

Иноземцова (*П. И.*)

Двѣ главы изъ Восточной Повѣсти: *Зальмара* 107

Марій 145

Русская пѣсня..... 159

Петрова (*И. М.*)

Могущество красоты. Подражаніе Арабскому 161

Завѣтное кольцо. Русская пѣсня..... 162

Гаданіе Тунгусовъ. Сѣверная сцена..... 164

Ю * * * *.

Орелъ 169

ВИНЬЕТКА.

Алгеншитета (*И. И.*) Видъ Харькова: Лопанскій мостъ. Мѣлочныя лавки. Университетъ. Присутственныя мѣста и проч.

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ

ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ.

Книжка 2.

ХАРЬКОВЪ.

1833.

Печатать позволяется.

Москва. Декабря 1 дня 1833 года. Профессоръ, Цензоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

Въ Университетской Типографіи.

1834.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРОЗА.

Грыцька Основьяненка:

Стран.

Суплика до Пана Издателя 3

Салдацькій патретъ. Побрехенька..... 9

Украинское утро, Отрывокъ..... 44

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Срезневскаго (И. И.):

Запорожскія пѣсни, съ переводомъ и

историческими примѣчаніями:

Стран.

1. Надгробная пѣснь Свирговскому 51
2. Сожженіе Могилева..... 59
3. Надгробная пѣснь на смерть Асаула Чурая..... 66

* * *

Рыбалка. Малороссійская Баллада... 71
Батько та сынъ. Басня..... 74
Рыбка. Басня 76
До Пархома. Двѣ Оды Горація..... 78

Гребёнкина (*Е. П.*):

Отрывки изъ Полтавы, Поэмы А. С. Пушкина, переложенной на Малороссійскій языкъ. (Изъ 2-й и 3-й пѣс.) . 82
Будякъ та Конопелечка. Приказка... 88
Пшеныця. Приказка..... 89

Котляревскаго (И. П.):

Стран.

Отрывокъ изъ Малороссійской Энеиды 90

ПРОЗА.

СУПЛИКА

до Пана Издателя.

Любезный мій прыятелю!

Дойшла до мене чутка, що ты хочешъ и въ насъ, по Московській моди, збыты кныжечку... а якъ іи по нашому назваты? — не вмію; бо й Москали — не ти Москали, що живуть у Москви, а таки що не зъ нашыхъ, а зъ Рассейськихъ — що крипко въ ныхъ кохаютця, и ти, не вмившы іи по своему назваты, зовуть по Нимецьки; такъ нехай же по нашому буде: *Збірныкъ*. Спасыби тоби за сюю працю. Черезъ тебе будемо знаты, хто зъ нашыхъ Слобожанъ, та й съ Гатьманцивъ, що и якъ конно-

нуе. Щежъ я чувъ, буцимъ-то хочешъ ты тутже прытулы́ты, де що и по *нашому* пы́саного. За сюю вы́гадку, ажъ трычи тоби дя́кую. Нехай же знають и нашыхъ! — Бо е таки люде на́-свити, що зъ насъ кепку́ють, и говорють, та й пышуть, буцимъ то зъ нашыхъ нихто невтне, щобъ було — якъ воны кажуть — и звычайне, и ни́жненьке, и розумне, и полезне; и що, стало быть, по нашому, опричъ лайкы, та глузова́ньня надъ дурнемъ, билшъ ничо́го не можно й напысаты.

О бодай ихъ вже зъ такою думкою! — Хыбажъ не жыво вчыстывъ Панъ Котляревськiй *Енея?* — Эге! объ нимъ и досе Мо́сква товче и перетовкуе; и зъ якого боку ни зайде, сплесне рукамы, та й каэ: — „*Ну такъ, славно!*“ — А Панъ Артемовськiй-Гулакъ мало понапысовавъ про *Твердовського*, про *Солопiя*, про *Собаку*, або *Гараськовы Оды* не мудро розказавъ по нашому? Що може у иншого, хто чытавъ, такъ и досе кышкы́ болятъ видъ смиху, а въ иншого — якъ тамъ кажуть — трохы лышень шапка не загорилась. Такъ хыба винъ просто пысавъ? Адже и теперъ бажають у мисячни, або и въ тыженни кныжечкы хочъ пивтрешя ёго стыха. — Нехай же й Панъ Гребёнкынъ выкыне *Полтаву*, що перероблюе зъ Московськои; нехай, кажу, не боиться ничо́го, та — якъ тамъ кажуть — издасть iи ты́помъ, такъ тамъ

и таке буде, що хочъ не хочешъ, а заколупне́ тебе за душу; а де й се́рденько защемышь; буде й таке, що чытаючы, слизонькы шилки капъ, капъ, капъ! — Та е й други — прочи, що на стыхахъ — на стыхахъ, а то такы и просто, розмо́вою пышуть... Такъ щожъ будемо робыты? Не второпають по нашому, та й ворчать на наши кныжки:—„*Ета нѣшто, па Чухонськи. Зачымъ печатать, кагда ни хто не розуміе.*“

Гай, гай! — Хибажъ шилки й свита, що у викни́? Трывайте бо, Панове! не дуже си́кайтесь. Е ще на́-свити православне Хрыстыянство, що вмїють и люблять по нашому чытаты. Не усе́жъ для Москаливъ: може бъ треба и для насъ що не́будь, щобъ и мы... знаеше, не усе́... а такъ... де що... потро́ху... де́ чого зналы; а то, по вашому, такъ мы... такъ соби... де́ намъ за вамы?.. Гмъ! на догадъ бурякивъ, щобъ капусты далы.

Та ще жъ на своимъ вику́ выда́въ и такыхъ, що якъ попаде нашу кныжку, та переворочуе ii, переворочуе, мовъ голодна, беззуба собака шкорынку, котро́и не вкусыть — та не розчу́хавшы що, для чого, и противъ чо́го пысано, заразъ, щобъ абы що не будь сказаты, абы чымъ не будь нашого брачыка занехаять, а самому похвастаты, заразъ кажу, и гукне: „*Ка-*

„*выка не тамъ; оксія не туды; хвалишъ!*
„*Треба нашъ ёры ны, ны; я усе знаю и за-*
„*разъ побачу де що не такъ.*“ Ой гляды лы-
шень, пане усе-знаю! щобъ не було и зъ
тобою того, що зъ Терешкомъ шевцемъ.

А що тамъ зъ нымъ було? Ты може, прыя-
телю, не позабувавъ того, що зъ малу у шко-
ли вчывъ, такъ и згадаешъ якусь Латынську
побрехеньку, що я тоби по своему розкажу,
якъ чувъ іи видъ Панáса Пистряка́, а винъ чувъ
іи, ще въ школи, видъ самисинького нашого дя-
ка, Пана Олексія.

Одже то колы хочъ, то й прылипы сю по-
брехеньку у свій збирныкъ; може такы котрый
изъ скалызубивъ, охочый другыхъ гу́дыты, а
самому талану нема, що не́ будь путьнѣ напыса-
ты, захоче покепкова́ты надъ твоею *Зирочкою*,
та наше, хочъ не зовсимъ по верхамъ, а хочъ и
по складамъ прочыта, и черезъ десяте пьяте
уторо́пае, та й по чуха потылыцю и усомъ за-
крутыть, та й... помовчыть; то й то добре;
одною брехнею на свити меншъ буде.

Колыжъ будешъ іи печатать, то пожалуста
доглядай, щобъ у моій побрехеньци не наверня-
калы якои нашои мо́вы на Московськый ладъ.
Нехай наши, якъ хто зна, такъ свое й пыше;
а я думаю, що якъ гово́ремо, такъ и пысаты

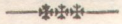
треба. О! добребъ, братику, було, якъ бы мы такъ говорылы, якъ у книжка́хъ пышуть; а якъ бы ще такъ и робылы, такъ бы й не було на́-свити ничо́го луччого!

Нехай же тоби, братику, Богъ помога на добрее дило. А мыни вирь, що я тебе и поважа́ю, и шаную, и дуже дя́кую за твою працю для славы Слобожанъ, и для нашои пошихы и ползы, и що я повикъ тоби́

На услугу щыро готовый

Грыцько Основъяненко.

Лыпця у пьятое чысло
1833 *року.*



САЛДАЦЬКІЙ ПАТРЕТЪ.

Побрехенька.

Бувъ соби колысь-то, якійсь-то маляръ... ось на уми вертьщця якъ ёго звалы, та не згадаю... Ну дарма: маляръ та й малярь. И що то бувъ за скусный! — Гай, гай! тамъ морока ёго зна, якъ гарно малёвавъ! Чы вы, хто сю кныжку чыта, або слуха, думаете що винъ малёвавъ такъ соби, просто, абы якъ; що тилки розмиша краску: чы червону, чы бурякову, чы блакытну, чы жовту, та такъ просто й маже чы стилъ, чы скрыню? Э! ни; потрывайте лышень! такы що вздрышь, такъ патретъ зъ нёго и вчеше,

хочъ бы то бувъ кавунъ, або видро, або свыня; такы жывисинько воно и е; тилки посвыстышъ, та й годи! — Разъ . . . . о смиху було! хлопци ажъ кышкы́ порвалы видъ реготу. — Змалёвавъ винъ, такы нашого отця Мыкыты кобылу; та якъ же жыво улипывъ, що нечыстый ёго зна! — Ну; намалёвавшы, та й каэ намъ: теперъ, хлопци, дывитесь що за кумедыя буде! А мы каэмо: а ну, ну, що тамъ буде? А винъ каэ: а йдитъ лышень за мною, та й неситъ патретъ поповои кобылы. Отъ мы узявшы, та й пишлы, та по ёго наущенію и поставылы быля панотцевого двора, пидперлы іи гарненько, такы точнисинько якъ кобыла стоить: и на одно око слипа, и хвистъ вырваный, и ре́бра ій повылазылы, та ще й голову понурыла, мовъ пасетця, а самы узявшы, та й попрысыдалы по пидъ плотомъ, та й ждемо батюшку, а самы тулымось якъ мога, щобъ не реготатысь. Ажъ ось зыркъ иде нашъ отецъ Мыкыта, та ще мабудь було и въ головци; ийде, та соби пидъ нисъ щось-таке и мугыче: а дали и вздривъ кобылу, та й каэ: що за ледащо мій Охримъ! (а ёго батрака, та звали Охримомъ;) кобыла, каэ, зійшла противъ ночи зъ двора, а винъ и байдуже; колыбъ то мыни іи пійматы! А дали знявъ зъ себе поясъ, завъя-

завъ ёго пе́тлею; та й ставъ до неи пидкрадатысь, та знай цмока, та прыговорюе: „тпрусё, ряба, тпрусё.“ — а дали якъ пидїйшовъ блызенько, якъ закыне їй на шыю поясъ, якъ крыкне: тпру! якъ потягне до себе, а кобыла якъ упаде, а мы такъ и зареготалысь, та на втикача́; а отець Мыкыта и зоставсь: стоить якъ укопаный, и рукы и ногы одубилы, ни зъ мисьця, а кобыла передъ нымъ лежыть до горы ногамы; и пи́дпиркы не вдержалы, якъ потягнувъ їи до себе, щобъ не втекла. Та вже описля росказувавъ, що й довго бъ стоявъ, та попадя побачыла, та й не знала що зъ нымъ и робыты: и виддувала и водою брызкала, та насылу зъ мисьця звела и увела у хату; такъ, каэ, цилисиньку ничъ трясьця ёго было, а кобыла усе ниначе въ вичи лизе.

Такъ ось такый-то бувъ скусный маляръ... те, те, те! теперъ згадавъ: ёго звалы Кузьмою... та такъ такы Кузьмою, а по батюсьци Трохымовычъ, а родомъ бувъ — колы чувалы — зъ Борысивкы, видкыля що на́луччи богомазы, иконопысьци и усякіи маляри; такъ и винъ то видтыля родомъ бувъ, а у насъ у сели́ зеленывъ нову́ дзвиныцю. И такы нигде правды ди-

ты: що вже нихто лучче ни намалюе, ни розмалюе, якъ богомазъ изъ Борысивки; уже не жаль и грошей. А вже якъ Москаль озьметця за сее дило, ну! шилки почухайся, та й видыйды. Торгуетця и запрошуе багацько: дай ёму й кошту, и грошей скилки забажа́; а якъ удерешь, такъ ну! ёму кажешъ: блакытна; а винъ твердыть: синя-ста! ёму кажешъ: не годитця! а винъ чухаетця, та каэ: ничаво-ста, для Хахловъ бряде, падавайте-ка деньги! — Тьфу на ихъ голову!

Такъ про сёго-то Кузьму Трохымовыча прочувъ якійсь-то Панъ, що дуже кохавсь у вогородахъ; такъ бачъ бида: горобци що лита повыклёвуютъ усе що винъ ни посіе. Такъ винъ-то позвавъ Кузьму Трохымовыча, та й поряды́въ ёго, щобъ спысавъ ёму салдата; та щобъ такый, якъ жывый бувъ; а буде яка хвалшъ, прыкыну, каэ, щоби. Отъ и зторжылысь за десять рублывъ и осьмуху горилкы. Оджежъ то и змалёвавъ винъ салдата, та ще якъ? Що яжъ кажу, що й жывый не буде такый брыдкый, якъ то бувъ намалёванный. Пыкатый, мордатый, страшный, та ще зъ здоровеннымы у́самы. Мундѣръ на нёму лепскій, гудзыкамы позащипован-

ный, що ажъ ссяе. А ружжо? Такъ погыбель ёго зна, якъ то живо спысавъ! Отъ такъ, бачытця и стрéльне, що й прыступытысь страшно! А якъ задывисся на нёго, такъ бачытца вже и ворушытця, и у́сомъ морга, и очыма поводыть, и рукамы дёрга, и ногамы дрыга; такы такъ и думаешъ: отъ побижыть, отъ бытеметь! Такъ то скусно бувъ намалёванный!

Ну! змалёвавшы, Кузьма Трохымовычь и дума: може не вгожу Панови; тогди пропалы и гроши и робота. Повезу куды на ярмарокъ, та й поставлю на базари, и буду слухаты, що будуть люде казаты? колы будуть ёго жахатысь и лякатысь, тогди певно беры Кузьмо гроши; колыжъ и сюды и туды, то ще пидправлятему, ажъ покы до кинця доведу.

Зибравсь нашъ Кузьма Трохымовычъ, та й повизъ свого салдата ажъ у Лыпци, коли знаете. Отъ и ставъ тамъ усаму глупу́ пивничь, якъ ще уси́ и ярмаркови быля возивъ, и хазяйство по хатамъ спалы, и по шынкамъ народъ порозходывся, и свитло погасылы; и поставывъ той патретъ на самій ярмарци и по пидпиравъ ще лучче чымъ попову кобылу, щобъ ни вишеръ

не звалывъ, и щобъ якый пьяный, якъ поточетця, або свыня́, звычайно ходячи по базарю, якъ прыйде чухатысь до нёго, то щобъ не звалылы; а самъ за тымъ патретомъ напьявъ я́точку, та й сивъ щобъ прыслухатысь, що буде народъ казать про ёго салдата; наклавъ на палитру красо́къ, що колы, каэ, що не такъ, то я и пидмалюю. Упоравшысь зовсимъ, прысивъ, понурывъ голову, та й задримавъ соби трохы, покы до дила.

Ажъ ось стало на свитъ займатысь. Ище не попрытухалы уси зирочкы, а такъ що тилки що стало сири́ты, а вже нашъ Кузьма Трохымовичъ и скочывъ, понюхавъ кабакы, прочхавсь; протеръ очи полою, вже тутъ пакъ ни-колы було по́воду йты, щобъ умытысь; пидперезавсь знова и поясъ прытягнувъ лепсько, насунувъ шапку по самый нисъ, та й рукавыци доставъ, бо се — знаете — було объ першыхъ пьятинка́хъ, такъ вже зо́ри холодни булы — и сивъ у ящци щобъ прыслухатысь.

Першъ усёго блыснуло свитло у кабаци́. Гай, гай! Вже и въ Лыпцяхъ завелысь кабакы, ныначе, нехай Богъ мылуе! у Рассеи. Видкыляжъ

то се узялось? Общество́ насъ такъ прыкрутыло, щобъ, бачъ, видкупщыкъ за насъ, хто не здужа, зносывъ гроши у подушне. А вже звисно, що видкупщикомъ нашому брату не буты, се вже Московськiй заробитокъ! Вжежъ у Москаля зовется не шынокъ, а кабакъ и тамъ усе Москаль на голо, якъ у Туреччыни Туркы; та усе народъ проворный; ни до исть, ни до спыть, та усе объ тимъ тилки и ду́ма, щобъ заробыть копiйку. Така вже ихъ Московська поведенцiя! А я́къ тилки нашого брачыка хочъ бы и въ кабаци, обдурюютъ? такъ гай, гай! Отце колы прыйшовъ зъ посудыною, щобъ купыты до хозяйства на скилки треба горилкы, та хочъ трохы заслухайся, або задывыся, то й не долье повнои миры, та мерщiй и всыпа́ у твою посудыну, и вже хочъ спорь, хочъ лайся, а винъ тебе и выпроводыть геть. Колыжъ ту́тъ хочешъ пыть, то й буцимъ то й добрый: за грывню зачеркне изъ дижкы такы повнисиньку; тутъ станешъ у́сы розглажувать, та цмокать, та втыратысь, и збираесся, якъ то гарненько на тощака выпьешъ, та тилки що руку пиднявъ, и ще и до рота не донисъ — якъ урагова ёго маты зна! де те Москальча у гаспыда озьметця? такы ныначе якъ

той — що... духъ святъ пры нашій хати! — пидбижыть, пидтовкне́... плюсь!... билшъ половына чаркы назадъ у дижку! Що зосталось, пъешъ мерщій, бо розлывальщыкъ стане ще й чарку видниматы. Выпывъ; — такъ щожъ? якъ тамъ кажуть: по бороди потекло, а у ротъ не попало; а вже й не кажы, що по жывоту пишло; ничого було гараздъ и проковтнуть. Отъ такато ихъ Московська вира, щобъ зо всякого зидраты; такъ куды вже имъ и спаты довго? Тутъ спыть, а тутъ дума, якъ бы пожывытысь.

Отъ якъ засвитылы у кабаци, та й выслалы на двиръ пидто́вкачку, чы не вздрыть кого на вулыци, щобъ заманыть у кабакъ. Выбигло чорта и озираетця. — Подывитесь на нёго: на що то воно похоже? Щобъ то ёму голову гарнень ко пидстрыгты якъ у людей? а то патлатый, патлатый! Зъ переди, ажъ у вичи ему волосься лизе, уха закрывае, по потылыци бо́втаетця, ажъ, сердека, усе знай головою потряхуе, щобъ тыи патлы не моталысь. Сорочка на нёму не такъ якъ у людей: за мисць билои, якъ треба по закону, вона або червона, або сыня, та ще й зъ гаплыкомъ: та на плечи и защепне; такъ що хто зроду уперше Москаля побаче, то й не вгада, що то воно и е́.

Отъ такый-то ставъ была кабацькыхъ дверей, поглядавъ, поглядавъ — и вздривъ що стоить салдатъ на калавури зъ оружжомъ, (не пизнавъ, що то намалёванный.) Та й гукае: „Служба! пайды-„ка сюда. Стань тутечка здеся, штобъ надъ „часъ, какъ буде драка, такъ не дай насъ у „вабеду, а порція адъ насъ буде.“ — Стоить салдатъ, не ворушитця. Москалча крычыть у друге, крычыть и у третѣ; салдатъ ни зъ мисьтця. Дали Москалча злякалось, щобъ салдатъ не розсердивсь, та не давъ бы ёму щыпкы, покынувъ ёго, та мерщій у кабакъ, та й зачынывсь. Кузьма Трохымовычъ чувъ сее все, усмихнувсь, та й подумавъ соби: Побачымо, що то далъшъ буде; ще не велыка штука Москаля одурыть.

Одже выткнулось и сонечко. Тутъ сталы рутаты и наши, що понаизжалы съ борошномъ то зъ Деркачивъ, то зъ Вильшанои, та булы ажъ изъ Коломака. Що то, батечку! изъ якыхъ то мистцивъ на той ярмарокъ не понавозылы усякого хлиба и борошна! такы выдымо — не выдымо ихъ тутъ стояло! Колы сказать, що пидвидъ двадцять ихъ було, то ей же то Богу моему билтъ. Хмара хмарою; отъ що! Тутъ и жыто, и овесъ, и ячминь, и пшеныця, и гречка—

и усе, усе було. Прыйшло, знаете, уремья подушне зносыть, такъ гроши усякому треба. Нашъ брачыкъ не бабакъ; винъ жде поры: слава тоби Господы! винъ — нехай Богъ боронытъ — не Москаль, щобъ ёму покынувшы жинку, диточокъ и худобоньку, та за тою бидною копійчыною шлятысь по всёму билому свитови, та кровавымъ потомъ іи заробляты. Та чого тутъ и вередовать? Колы вродывъ Богъ хлибця, та давъ ёго зибраты; то й дожыдай покы прыйде нужда, що якъ десяцьки у волость потягнуть и за подушне, и за обществéнне; а тутъ жинка забажа лёну, щобъ на сорочкы прясты, та нов го очипка, а дочкáмъ плахотъ, або свытъ, та и усяка нáпасть постыгне, що прытьмомъ треба грошей; тогди вже нигде дитысь: везы хочъ верстовъ за двадцять, та чы стала цина, чы не стала, а ты першого торгу не кыдайся, за що продавъ, — абыбъ довго не стояты, та й урывай до дому; та якъ хочъ, такъ и рощытуй, щобъ и сюды и туды стало. А якъ удоволы́въ усихъ, отъ тогди вже справный козакъ! Лежы соби на печи, у прóси, покы до новои нужды; тогди жъ будемо й думаты, де що узяты.

Такъ отъ таки-то и понаизжалы, и ихъ вже и сонъ не бере. Совечко зійшло, и воны посхоплювалысь, щобъ, знаете, купця не втерять. Отъ то гарненько повстававшы, помолылысь до церковъ Богу, та й послалы одного видъ табору по́-воду, бо вже уремья було каши варыты. Потягъ Охримъ зъ двома боклагамы до крыныци, ажъ геть пидъ гору, та йде вулыцею.... Зыркъ! — стоитъ салдатъ! — Охримъ бувъ соби парень звычайненькый, знявъ шапку, поклонывсь, тай каэ: добрыдень, господа служывый! А салдатъ мовчыть; отъ винъ и пишовъ своею дорогою; а Кузьма Трохымовычъ усмихнувсь, тай усомъ моргнувъ и подумавъ: одурывъ и своихъ; що то далшъ буде? — Ну! Набравшы Охримъ воды, та йдучи до табора, дума: оджежъ тутъ е постой! Чы не треба имъ, бувае, конямъ вивса, або якого борошна? Та якъ поривнявсь противъ салдацького патрета, та й каэ: „Господа Москаль! А скажите, будьте ласковы, вашому командѣрству, колы треба вивса̀, або якого борошна, то нехай прыйдуть, ось до табора, та спытають Охрима Карлюченка; а въ мене овесець важненькій, чыстый; дешево виддамъ и мира людська: висимъ зъ верхомъ и трычи по боку вдарыты. Пожалуста жъ не за-

будьте; а могорычъ нашъ буде. Напочынъ, кете лышень понюхаймо кабакы.“ Сее кажучы, доставъ изъ халявы рижокъ, постукавъ объ каблукъ и выпрусывъ на ноготь; самъ понюхавъ, покректавъ, пиднисъ салдату, та ще й прыговорюе: „кабака гарна, терла жинка Ганна; стара маты, вчыла іи мняты, дочкы розтыралы, у рижкы насыпалы. Кабака важна, Вильшаньска; понюхайте, колы ласка паньска.“ Салдатъ ни чычыркъ, и усомъ не моргне. Не боракъ Охримъ узявъ соби на розумъ: „цуръ ёму, — каэ соби на думци: — щобъ ще по пыци не давъ, бо винъ на те Москаль.“ — Пиднявшы боклагы́, та мерщій до табору, не оглядаючысь, та й не похвалывсь товарыству, щобъ ще зъ ёго не сталы глузоваты. А Кузьма Трохымовычъ сее чувшы, та ажъ за бокы брався регочучы.

Покыжъ сее діялось, пиднялысь на мисто йты и бублейныци, и паляныныцы, и ти́ що кухлыкамы пшоно, а ложечка́ми олію продають. За нымы пи́дтупцемъ поспишалы зъ пырижкамы, печенымъ мнясомъ, вареными хля́камы, горохяныками и усякымы ласощамы, чого тилки душа забажа на спи́даньня. А танокъ вела Явдоха Колупайчыха; молодыця гарна, не взявъ іи чортъ:

чорнява, мордата, трошкы кырпатенька, такъ за те румьяна якъ рожа; и такы одягна: очипокъ хочъ зовсимъ вытертый, а бувъ колысь парчевый; кожухъ билыхъ смушкивъ пидъ тяжыною и бабакомъ обложенный, тилки що диркы́ на нёму скризь и по пидъ рукамы, и на бокахъ, та й выдно було що и уся одежа на нiй була не проста, а мищанська, бо вона узята була у Лыпци, ажъ изъ самисинького Харькова и не простого, а мищанського роду; шушунъ набойчатый, спидныця каламайко́ва, тилки що не можно було угадать якого воно цвиту, бо дуже було запачкано олiею; вона бо пекла и бублыки, и сластёне, а около сёго дила не можно чысто ходыты, заразъ вымажесся якъ чортъ, що до видьмы черезъ трубу лазыть.

Отъ молодыци и крычать Явдоси: „а ну, паньматко! выбирай мистце: ты у насъ голова; де ты сядешъ, то и мы была тебе.“ Отъ Явдоха и узяла булку, та не зъ своеи коробкы, стала противъ сходъ сонця, трычи перехрестылась, та й покотыла iи по сонцю. Котылась тая булка, котылась, та й не зъ опенылась нигде, а прямисинько докотылась до салдацького патрета, та тутъ и плюснула. — „Охъ мыни

лыхо," закрычалы у водынъ голосъ молодыци: „якъ шакы быля Москаля сидать? Винъ намъ такого лыха наробыть, що не то що! У однои щыпне, у другои хватне: та тутъ таке буде, що и коробокъ не позбираемо. А ну лышень, Явдохо, выбирай друге мистце; може й не такъ щаслыве буде, та все такы лучче, чымъ даты Москалю орудоваты надъ нашымъ крамомъ."

Перевела Явдоха свій цехъ черезъ дорогу; поворожыла впьять другою чужою булкою и межъ свои положыла; а де булка впала, тамъ сама зъ своею коробкою сила, а молодыць розсадыла, де кому якъ по чéрзи прыпало; а чергу ту зробыла сама жъ такы Явдоха. О! та й баба жъ козырь була! Цокотуха, та й цокотуха! — Узялася надъ усимы перекупкамы отаманувáть; и видъ десяцькыхъ, видъ головы, та й видъ самого пысаря оборонять, шилки щобъ уси перекупкы іи слухалы, и що скаже, щобъ сполнялы, и чого потребуе, щобъ поставлялы. Та нехай же бъ и не послухавъ ій хто? Такъ заразъ и нашлеть: або свыня бублыкы похвата́, або собака олію выпье, або пъяный питкнется, та коробку перевéрне, а вже даромъ не прійде.

Тилки що молодыци любенько посидалы и жодна зъ своимъ крамомъ розташовалась, якъ — — Тю! — Москаля чортъ и вродывъ зъ стовпцямы быля ныхъ. Якъ же напу́стютця перекупкы на нёго! — „За чымъ тутъ ставъ? Пиды соби геть, стань де инше; не мишай тутъ православный товаръ продавать, а самъ иды хоть до чортивъ, кроми хлиба святого.“ Отъ якъ затуркалы, затуркалы ёго — бо звисно якъ наши молодыци, скилки ихъ ни буде, то якъ заговорють уси разомъ у водынъ голосъ, такъ ничо́го и не второпаешъ; мовъ на лотокахъ вода шумыть — а Москаль и байдуже; знай соби крычыть: гречишныки гарячи!“ — Що тутъ на́свити робыты? — Отъ бачутъ молодыци що не перелывкы, прысталы до Явдохы: „Робы, що знаешъ робы, а Москаля збудь.“

Ни́чого Явдоси робыты: узяла — и усе такы не зъ своей коробкы, бублыкивъ тры вьязкы и пишла до патрета, та й . . . . далебы що правда! кланяетця мовъ живому, та й просыть: „Ваше Благородіе! будьте ласковы, зведить зъ нашого мистьця оттого навиженого, католыцького, бусурменського Москаля, що ставъ быля бублейныцъ зъ стовпцямы. Бачыте якый!“ . . .

а сама зыркъ назадъ, ажъ Москаль исчезнувъ, злякавшись, якъ побачывъ, що пишла на нёго жалоба. Тогди Явдоха, перше що зрадовалась що Москаль ушикъ, а далибъ то и бублыкивъ стало жалко виддавать, колы дила не стало, та й сама не зна що ій и робыть, та такы и сóвае бублыкы патрету мовъ жывому, та й прыговорюе: „кеше, озьмите Ваше Благородіе! Пожалуйте; дома здасьтця.“ — Салдатъ ни пары зъ устъ. Якъ же роздывытця Явдоха, що се мана́; що се хоть и салдатъ, та не жывый, а намалёванный — засоромылась, почервонила якъ ракъ, та швыдче не оглядаючысь, видъ нёго, та бублыки у свою коробку, и сила! Що вже ни пыталы іи молодыци, що ій тамъ було видъ Москаля? Такъ мовчыть, та й мовчыть; та й каэ: „Але! пидитъ лышень самы, та й спытайте.“ А Кузьма Трохымовычь дывывшысь на сее, сміявсь — сміявсь соби ныщечкомъ, та й дума: „Отъ такъ наши знай! Вже до насъ мовъ до живого зъ поклонамы прыходютъ; ныначе до Засидателя.“

Ну! що то зъ того далитъ буде? Отъ тымъ часомъ позиходылось народу на мисто вже чы мало. Такы куды окомъ ни глянешъ, то усе люде — усе люде; якъ сарана́ у поли. И чого-

то туды не понано́сылы, або не понаво́зылы? Такы такый ярмарокъ, що ныначе у Харькови объ Пречыстій; усякого товару, якого тилки подумаешъ, усе и е́. Чы грушъ? Такъ и на возахъ груши, и въ мишка́хъ груши, и купамы груши по насыпани: прыйды, торгуй; та зъ якои хочъ купы и скилко хочъ куштуй, нихто тоби и не поборонытъ. А тамъ Мо́сква зъ лаптямы, та зъ лыкамы; булы тамъ мыскы́, ложкы́, тарилкы́ розмалёвани; булы й решёта и ночовкы, дижи, лопа́ты, сивци, черевыки, чоботы зъ пидковамы, або такъ тилки гвиздочкамы пидбыти. Тутъ Суздальци зъ богамы, зъ кныжкамы; а по быля сластённыця зъ грубкою: тилки спытай на скилки тоби треба сластёного, такъ жыво пидниме пелену, та й зниме стару онучу, що ею горщыкъ зъ тистомъ покрытый, щобъ, знаешъ, не простывало на холоди; пальци послыне, щобъ тисто не прыставало, та й ущыпне тиста, та на сковороду у волію, та заразъ и пряжетъ и подае; а вже оліею не скупытця, бо такъ зъ пальцивъ и тече, тилки знай обсмоктуе. Тутъ же быля неи була и кабака и тютюнъ; а тамъ зализный товаръ: пидковы, гвиздо́чкы, сокыры и усе, що треба. А тутъ лавкы зъ краснымъ товаромъ для Панивъ: струко-

ватый перецъ на ныткахъ, родзынкы, хвыгы, цыбуля, слывы, горихы, мыло, медянычкы, грошови свичечкы, шараня по весни зъ Дону навезенная, и суха и солона; кавьяръ. . . . Тутъ яловычына, нижкы, головкы и свынына для нашого брата. Дёготь и въ шеритвасахъ и въ мазныцяхъ, продавалысь и сами квачи; а по быля стоялы бублыки, буханци, грычаныки, у ночовочкахъ носыли печеню шматками покроянну, на скилки тоби треба, на стилки и беры. А тамъ купамы капуста, бурякы, морква огородня, а хатнёи ґаши жинкы не продаютъ, а держуть про нужду, на нашу голову. Тутъ же бувъ хринъ, рипа, гартоли, що вже швыдко хлибъ святый зъ свита Божого зженуть. . . Та яжъ кажу: нема того на́-свити, чого тамъ не було; и якъ бы грошей до сына, накупывъ бы усёго, та й ивъ бы цилый годъ.

Булы обидья, булы и колеса, вiйя, двiйла, люшни. Булы свыты и про́стого уразивського, и мыльного сукна; булы кожухы, поясы, шапкы́, и козацьки и капелюхы. Бувъ и дивчачiй товаръ: скиндячкы, сергы, баёвыи юпкы, плахты, шыти рука́ва и хусткы. Жиноцьки: очипкы, серпанкы, рушныкы шыти и зъ мережкамы, греб-

ни, дныща, верешена. Була и силь товчена и глына жовта....

А промежъ такои пропасты товару, що то народу було! Крый Маты Божа! Ще трохи чы не билшъ, нижъ на воскресеные у вутрени, якъ Хрыста дочытуютця, або й на Іордани, такъ що протовпытысь не можно. Той купуе, той торгуе, той спорыть, той товарыство склыка, той на жинку гука, ти лаютця, ти йдуть могорычи запывать; старци спиваютъ Лазаря, кобылы ржуть, той возомъ иде, та крычыть: по́ глыну, по́ глыну! а на зустричъ ёму выкрыкае: по го́ршкы, по го́ршки! Перекупкы хватаютъ за полы парубкивъ, та школяривъ: „ходы сюды, дядюшка!“ Крычать: возьмы умене Паныченьку. Отъ бублыкы гаряченьки, прямисинько зъ печи; (а що ще зъ пивночи ихъ повыньмала, такъ про те и мовчыть) ось у мене на самій оліи, а въ мене зъ мачкомъ, та-та, та-та, та й нерозберешъ що воны тамъ и крычать. А тутъ чумакъ продавшы силь, що зъ хурою прийшовъ зъ Крыму, нанявъ трои́сту музы́ку, та й йде по ярмарци: скрыпкы́ рыплять, цымбалы брязчать, а самъ чумакъ иде за нымы, якъ бувъ у дорози и башижокъ закынувъ

за спыну, рукава у дёгтяной сорочкы позасучувавъ, та й несе у водній руци повнисинькій штохвъ горилкы, а у другій руци чарку, та кого здря, такъ и частуе; а якъ налывае, то такъ на доливку и лье, и не жалкуе. Якъ же поривнявсь противъ дигтяри́въ, та вздривъ шеритвасъ зъ дёгтемъ, то такъ у нёго и вскочывъ зъ чо́ботамы, ажъ вышче колина, та й гукнувъ на хазяина: — „Видвичаю! Зважъ описля, скилки дёгтю чоботы наберуть. — Гуляй душа у роскоши!“ — Та ще и ставъ ногамы тупотиты и дёгтемъ позабрызкувавъ чы мало тутъ народу. А тамъ чуте ведмидь реве и танцюе, а Цыганъ выкрыкуе: „а ну, Гаврылку, якъ старіи бабы пьяни валяютця!“ Цыганка ворожыть, та прыговорюе: и щаслывый, уродливый; положы пьятачка на рученьку, усю правду скажу. Цыганчата халяндры танцюють, та крычать не своимъ голосомъ, мовъ чортъ зъ ныхъ лыка дере. А тамъ Цыганъ туды жъ зъ своею шкапою: знай божитця и жинкою и дитьми, та проклына свою душу, и батька и матиръ, а все за тымъ, щобъ стару, слипу, сапату, и зъ выбытою ногою кобылу продаты за мисьць молодои. Та якъ обступлятъ нашого брата Цыганське навожденіе, такъ не знаешъ,

що й робыть. Якъ напустять мару, такъ самъ бачышъ, що шкапа трёхъ денежокъ не стóить, а ты тилки дывысся, та лупаешь очыма и не знаешъ куды видъ нихъ дитысь. Той божыщця, дрýгый тоби суне у руку оброть съ шкапою, третій тягне зъ твоеи кышени хустку, де гроши завьязани, а сей вже здачу дае, та уси гуртомъ волочуть пидъ ятку могорычи запываты. Такъ що — яжъ кажу: покы схаменесся, дывысь: хотивъ свое ледащо продаты, а прокляти Цыганы усунулы тоби у руку таку патыку, що й скипкамы гыдко узяты, та за таку цину виддалы, щобъ можно було и вола купыть; та ще за моижъ гроши и горилку пылы, а дали, за мисць дякы, у вичи насміялысь: „шкапа твоя, чоловиче, кажуть, трохы не добача, такъ купы ій окуляры, та й почепы на вичи, якъ Панычи у городи носять, то ще потягне. “...

Отъ таке-то тамъ було, що и розказаты усёго не можно. И усякій народъ хто тамъ ни бувъ, що йде быля того салдацького патрета, усякъ шапку зниме, та й скаэ або: добрыдень! або: здраствуйте, господа служба! — А служба ни чычыркъ: стоить соби гарненько, и пальцемъ

не кывне́, и очыма не поведе, и у́сомъ не моргне. Такы нихто — нихто не вгадавъ що то намалёванный. А Кузьма Трохымовычъ сміявся — сміявся, реготався — реготався, а дали узявся за бокы, та й здыхнувъ и каэ: охъ! а дали ручкы поскладавъ, та й мовчыть сыдючы у своій ятци, та й дума: що то далшъ буде.

Ажъ ось, де ни взявся салдатъ, та вже спражній салдатъ и жывисинькій, отъ якъ мы зъ вамы. Ходыть винъ по базарю, вызыра — вызыра — и вже одынъ рушнычокъ у молодычкы изъ купы и зтягнувъ, и въ кышеню запаковавъ; учыстывъ и бумажну хустку у Чугуевкы, таку що грывень шисть стоить; выдризавъ зъ воза и винокъ цыбули, и заразъ за пивцины и продавъ, та усе такъ хытро — мудро зробывъ, що ни жоденъ хазяинъ и не зчувсь. Дали прыйшовъ, де груши продають; бачыть, що пры возахъ сами хлопци, та й ти ропы порозивлялы и дывлютця на ведмедивъ. Винъ такы и положывъ руку на мишокъ; нихто не баче. Потягнувъ ёго до себе; нихто не баче; положывъ на плече; нихто не баче... та не озыраючысь и чкурнувъ соби куды ёму треба. Ажъ ось кынулось хазяйство: бачуть що Мо-

скаль безъ спрося узявъ повнисинькій мишокъ грушъ, та й прешь ёго мовъ свое; разомъ гукнулы на нёго, та й побиглы за нимъ на здогоню. — Не хытрый же й Москаль! чымъ бы на втикача, а винъ иде собы любенько, мишокъ зъ грушами несе, та й спива: *Малодка, малодка маладая!* — Ажъ тутъ ёго за мишокъ.... сипъ! — „На́-що ты груши узявъ? сякый такый сыну!“ пытаютця ёго у водынъ голосъ. Стоить сердека, очи вывалывъ мовъ баранъ, дали озырнувсь, та й каэ: „нѣшта то ваши грушиста? — „Аджежъ не чіи, якъ наши.“ — А винъ якъ крыкне на ныхъ: „Ахъ вы, хахлы безмозглыи!“ (А заразъ лаятысь: щобъ то на передъ розпытаты, та тогдибъ вже и лаявсь скилки хотивъ, такъ бачъ же: Московська вира така!), „а за чымъ вы, каэ, мыни тогди не сказалы, какъ я съ воза мишокъ узявъ?“ Та до нихъ зъ пенею: „вы, каэ, зиваеше па старанамъ, а я вотъ нисъ, нисъ, да вота какъ умарылся, да амуницію патёръ. Вотъ вышъ мундѣръ запачкалъ; давай сюда деньги на вычыстку.“ — Наше хозяйство щобъ то и сюды и туды; такъ дежъ! ни прыступу, та ще й лае. А дали ухватывъ за комиръ и тягне, и крычыть: „давай на вычыстку, та за праходку; я казённый мундѣръ

патёръ и сапагы таптавъ, давай да й толька.“— Наши ни выдхрыстютця, ни выдмолютця: цуръ тоби, кажутъ, батечку! Здилай мылость, господа служба! озьмы соби и груши зъ мишкомъ, шилки видчепысь и пусты! — Такъ де! Такъ репьяхомъ и узявсь и каэ: „Мынѣ чужово не нада, не хачу вашыхъ грутъ, а падай маё.“ — Що тутъ на́-свити робыты? — Ище такы подумалы сякъ-такъ видвернутысь: хотилы ийты до Волосного Правленія, такъ Москаль не тіи спива: „вонъ, говорыть, мая каманда“, та й показуе на салдацькій патретъ: „пайдёмъ и къ нёму.“ Наши бачуть що не перелывкы, страшно! Кынулы ёму пьятыалтынного; — такъ ни, каэ, веды до яшкы, поставъ за проходку кварту водкы. Ничого робыть: поставылы, абыбъ одчепывся, та не вивъ до салдата що зъ оружжомъ стоить. Якъ же описля розслухалы, та роздывылысь, и видгадалы що то не жывый, а намалёванный, такъ ажъ объ полы рукамы вдарылы, та — фить, фить! посвысталы, та й пишлы до возивъ. А Кузьма Трохымовычь у своій ящци такъ и качаетця зо смиху.

Уже було геть-геть, тутъ и дивчата зибралысь ийты на ярмарокъ; бо все пиджыда-

лы, щобъ поридшало народу на мистци, а то якъ у тисно́ти, такъ думалы що ихъ не такъ розглядютъ. Ось и тягнетця ныска ихъ, та усе на пидборъ: одна видъ другои чорнявиша, одна видъ другои кра́ща. Порозряжувани такъ що Господы! Середу дня сонечко прыгрило, такъ воно й тепленько; отъ воны и повыхоплювалысь безъ свытокъ, а въ самыхъ баёвыхъ червоныхъ юпкахъ, такъ-такъ що якъ макъ цвите! Скиндячкы на головахъ усе по-Харькивськи поло́жени, косы у дрибушкы позаплитовани и жовтымы гвоздыкамы, любысткомъ, чорнобрывцямы и мьятою позаквичувани; у сорочо́къ рука́ва и пидтечкы повышывани, та повымережувани; на шыяхъ намыста у кожнои разкивъ по десять, колы ще не билшъ, ажъ шыю гне; золоти дукаты, та срибни хресты такъ и ссяють; плахты́ картацки, запаскы и шовкови и колисчасти, поясы каламайкови; та уси якъ одна у червоныхъ черевычкахъ, и въ билыхъ, та въ сынихъ нанчишкахъ. А за диломъ же воны й выйшлы? а якже? Вытриткывъ куповаты, та щобъ чы не пожартують парубкы зъ нымы; вже зви́сна дивчача натура, хочъ у Панстви, хочъ у мужицстви.

Отъ ходютъ по ярманку, де що соби выгадують и регочутця, якъ одна зыркъ!... сто-

ить салдатъ! — „Дивчатка! — каэ ныщечкомъ: „дивитесь; у насъ постой; салдаты!“ — „Брешышъ! де ты ихъ уздрила?“ пытаютця іи и розглядаютъ усюды. — „Та онде, онде была дигтярнои лавкы стоить зъ оружжомъ калавурный!“ — „Такъ и е́!“ — гукнулы уси, та й почалы, то щебеташы, то сміятысь, зъ мистця на мистце переходютъ, та одна другу пха, то буцимъ спотыкаютця, щобъ салдатъ до ныхъ озырнувсь, та зачепывъ бы котру изъ ныхъ; отъ тутъ бы имъ и пишла лахва, тутъ бы воны и сталы ёго роспытоваты: чы тутъ проходомъ, чы постоемъ? отъ тутъ бы ёму и сказалы, щобъ зъ товарыствомъ прыходылы до ныхъ на вечерныци, бо вже воны дуже давно бачылы що путнѣ, а свои парубкы остылы и обрыдлы.

Отъ и вызвалась зъ ныхъ Домаха и каэговорыть: „А трывайте лытень: я пиду побыля ёго. Та вже не я буду, щобъ винъ мене не зачепывъ; ось дивитесь лытень; та глядить, колы треба буде, то видклыкайтесь до мене.“ — Отъ и пишла, буцимъ то и не вона. То сюды, то туды озырнетця, та писеньки пидъ нисъ соби мугыче, то хусточкою помахуе, то нахылытця пи́двьязку пидвьязоваты; отъ вже и до салдата

доходыть, та ныначе зъ кымъ нébудь и розмовляе: „де-то тутъ шпалѣры, та шумыха продаетця? колы бъ мыни хто показавъ?“ та й заспива соби нышкомъ . . . О! що то вже за дивка! Вона не знала якъ пидъ кого пидвернутысь? Вона не вмила якъ кому прышвы прышыты? — Ге! и проворна, и жартовлыва була, та такы и свита выдала: бо ажъ два года у Харькови по мойкамъ заробляла, такъ іи вже не вчыты; усе знала!

Якъ побачылы подругы, що вона вже блызесынько видъ салдата, а винъ ище іи не зачипа, маботь не бачыть, та й гукнулы до неи разомъ: „А куды ты, Домахо, пишла?“ — А вона быля салдата стоить и хусточкою махае, а сама такы голосно крычыть: — „Ось куплю шумыхы на квиткы, колы якый чортъ не перепыне!“ — А нашъ салдатъ стоить! Ни зачипляе, ни перепыняе и ни чымъ іи не заньмае. — „Що за недобра маты!“ думае Домаха: „такы быля самисинького ёго йшла, а винъ мене и не займа; хыба не сміе, чы що? — Та вжежъ вернусь ще.“ — Отъ и вернулася, и такы быля самисинькихъ нигъ ёго йде, и впустила хустку буцимъ не знарокомъ, думаючы, що салдатъ гукне на неи

щобъ вернулась и пидняла хустку; отъ тутъ вона зъ нымъ и заговорыть, отъ и пожартують, а тамъ и пидуть лады. . . Не зъ чорта жъ хытра й Домаха! . . . Такъ щожъ бо? — Лежыть хустка, а салдатъ и волосомъ не двыгне. — Стала наша Домаха, та й оглядаетця и каэ голосно: „Охъ мыни лыхо! . . . загубыла хустку . . . . колы бъ хто пиднявъ, та виддавъ, то я вже знаю, якъ бы ёму подя́ковала!“ —

Озыраетця сердешна и погляда изъ пидлибья. Та ба! Стоить салдатъ и на хустку й не дывытця. — Нигде Домаси дитысь: треба вертатысь! — Отъ бы то и пидбига, и выжыда́, и каэ, и говорыть: „Отъ бида! лежыть моя хусточка биля самисинького салдата: якъ тутъ узяты? . . . Я боюсь, щобъ винъ мене не вхопывъ, або зъ оружжа не застрелывъ!“ — Пидійшла; — и нахыляетця и ненахыляетця, и беребъ то й не бере, а усе выжыдае салдата . . . такъ щожъ бо? — Не на такого наско́чыла! . . . Дали нахылылась, и простяга руку ныначе не ившы, а сама усе дывытця на нёго; а дали якъ прыдывылась. . . якъ зарегочетця на всю вулыцю. . . а дивчата и видизвалысь до неи: — „А що винъ тоби тамъ говорыть? Домахо́ — Дома́хо;

Ну бо кажы, що говорышь?“ . . . „Але! говорышь!“ — крычышь Домаха, та скилки зря видшиль, та за смихомъ и слова не вымовышь.

„Що . . . що таке . . . що винъ тоби казавъ?“ — обступывшы дивчата Домаху, у водынъ голосъ выпытуюшь. — „Эге! що казавъ? — каэ Домаха: та то не жывый, то ёго парсуна.“ — „Ё!“ гукнулы дивчата и пидбиглы розглядаты. . . . ажъ справды намалёваный. Реготалысь — реготалысь, выгадовалы де що, та й пишлы гешь по ярмарку. А сее чувшы и багато де хто пидходылы вже небоячысь; розглядятся, роздывляшця, та й скажуть: „такъ и е́, що намалёванный!“ — та й пидуть соби.

Сміявсь-сміявсь Кузьма Трохымовычъ, а дали й подумавъ, що вже пора зниматы свого салдата, та на визъ укладаты и чурхаты до дому, ажъ ось почувъ крыкъ, галасъ, тупотню, регишъ, писни, сопилку . . . та й прысивъ у ящци.

То наступало парубоцство: шевчыкы, кравчыкы, ковали, свышныкы, ганчари и зо усякого ремества бурлацство, наймыты видъ хозяйства, батьковы сыны — зибралыся уси́ на ярмарци погулять. Хто попродавъ свій товаръ, а хто

покупывши чого ёму було треба ище зранку, и попывшы могорычи, теперъ попидголювавшысь любенько, понадивалы: хто нову свыту, хто кытаєву юпку, хто ще батькивській, хочъ и старенькый, та жупанъ, попидперизовавшысь шпётненько хто каламайковымъ, а хто й суконнымы поясамы, понадивалы на пидголени головы шапкы козацьки, зъ решетиливськыхъ смушкивъ зъ червоными сукнянымы верхамы, у тяжыновыхъ штáняхъ, у чóботахъ зъ пидборамы юхтовыхъ, а хто й такъ у шкаповыхъ, та такъ повымазуванныхъ, що дёготь такъ зъ ныхъ и тече, а пидковы троха не на пьядь. — Отъ позакручувавшы у́сы, идуть лавою, шилки зъ боку на бикъ перевалюютця, рукамы розмахують, люлькы тягнуть, и що é голосу, ажъ жмурятця, та спивають Московськои писни: *При данылусьци стояла*: и де йдуть, то такъ видъ ныхъ люде и розступаютця, бо вже не попадайся имъ на дорози нихто: чы перекупкы зъ коробкамы, чы Москаль зъ квасомъ, чы слипци зъ поводатаремъ, чы баба стара, чы дивка молода имъ на зустричъ, никому нема розбору, невважають никого, такъ усякого прямо лавою и пруть, и валяють; — а самы й байдуже: ни-

наче й не бачуть ничого и буцимъ-то й не воны.

Отце то воны зазрившы дивчатъ, потягнулы зя нымы, щобъ такъ стиною на ныхъ и наперты, а якъ воны розбижатця, такъ тутъ и ловыты, и пожартовать зъ нымы, и поженыхатысь... Звисно молодецьке, парубоцьке дило! — А щобъ ихъ хто могъ зопыныты? — Ну, ну! — Ни, кусала така. Воны усею громадою не разъ и самому пысарю давалы такои пынхвы, що насылу прочхавсь; а десяцьки, такъ-такъ видъ ныхъ и ховаютця по пидъ плотамы. Такъ тутъ вже ничого! — Нехай — каэ — Хлопци нагуляютця; билшъ копы лыха не нароблятъ.

Одже то якъ накынулы окомъ на дивчатъ, и йдутъ воны по быля малёваного салдата, а ихъ ватажокъ, Терешко швецъ, знявъ передъ нымъ шапку, та й каэ: *Здрастуйте, господа служба!*... Тутъ якъ зарегочетця народъ и перекупкы, и купци, и ти що пры возахъ, та якъ крыкнуть на нёго: — „Тютю, дурный! — та то намалёванный. Хыба тоби повылазыло? От-то оглашенный! Не розбере!“...

Напикъ же панъ Терешко ракивъ, якъ и самъ розглядивъ, що справды салдатъ намалёван-

ный и що увесь базарь зъ него глузуе!... — „Теперъ, дума сердека, не буде мыни прóсвитку: будуть мыни сміятысь и будуть незнать що черезъ сее прыкладоваты. — Ё не ё! що тутъ мыни на свити робыты?“ — Стоить, зажурывсь, та й дума. А дали зхаменувся, та й зарегоставсь. — „Буцимъ то — каэ-говорыть: — я и не бачывъ, що се не жывый, ащо се тилки патретъ! — А поклонывсь ёму затымъ, щобъ подратовать зъ маляра: чы такъ же то й малюють? О бодай ёго мара малёвала! — Се и слипый розглядыть, що се патретъ, а не жывый чоловикъ. Хыба тутъ булы таки дурни, що прыймалы ёго за жывого? Не знаю — Тфу! та чор-зна що й надряпано. Дивитесь, люде добри! хыба такъ тьетця чобитъ? — Я швець на все село, такъ я вже знаю, що халява ось якъ бува (та й ставъ пальцемъ по патрету надряповаты); отъ и въ пидборахъ брехня; та й пидъёмъ не такъ.... та такы и усе не такъ. Цуръ ёму; пайдёмъ; хлопци, далтъ. — Намалёвавъ же якыйсь-то дурень!“ — Отъ и пишлы соби своею дорогою.

Та й закрутывъ же носомъ нашъ Кузьма Трохымовычъ, ныначе тертого хрину поню-

хавъ! — Зъ биса жъ бо ёму досадно стало, що у весь базарь, и що то на мисти народу було, такы, маботе, душъ зъ пьятдесять, колы ще не билтъ, та уси жъ то до единого, уси не пизналы що салдатъ намалёванный, а думалы що жывый, а тутъ чортъ ёго зна видкыля узявсь швець, та й закепковавъ ёго роботу ни на́ що. „Се вже — каэ соби: — курамъ буде на смихъ. Я такы, правди, объ чо́ботахъ не дуже й доглядавсь; може воно що не будь и не такъ. Я тилки и старавсь щобъ ёму тварь, и са́мъ винъ увесь, и мундѣръ, и оружжо, щобъ такъ було ныначе живе; а объ чоботахъ и байдуже; бо недумавъ, щобъ хто вже туды ставъ доглядатысь, де й нужды мало и куды не усякъ и дывытця. — Нехай же такъ буде, якъ швець каэ; перемалюю, щобъ и ёго уконтентовать, и щобъ ни якого хвалту не було у моіи роботи.“

Ни́чого ёму робыть: вылизъ изъ своеи яткы, доставъ палитру зъ краскамы и пензиль, пидмалёвавъ якъ тамъ швець надряпавъ, та й опьять полизъ и каэ: „Нехай; пидожду покы краска пидсохне, а тамъ и вбиратемуся до дому. Теперъ швець не скаже, що не такъ чобитъ намалёванный.“ —

Ажъ, гулькъ! — Терешко зъ парубкамы, не догнавшы дивчатъ, вернулысь на переймы, и йдутъ опьять по биля салдацького патрета. Ось одынъ парубокъ и розглядивъ ёго, та й каэ: — „Дывысь, Терешку! послухавъ тебе маляръ, шакы перемалювавъ чобитъ, якъ ты сказавъ.“ — „Эге! — ищебъ то не послухавъ — каэ Терешко, пидсунувшы шапку на саме шимья и узявшысь у бокы: — *Я вже сылу знаю и заразъ побачу, що не до шмыгы.*“ — А якъ же ёму и досе досадно було и на маляра, и на патретъ, що черезъ ныхъ довго ёму будутъ сміятысь, отъ и думавъ ще́ шакы за нехаять ёго, щобъ маляра зо всимъ збыты зъ пантылыку; по свыставши й каэ: „Отъ и сёго не зтерплю, скажу, бо вже бачу що не такъ. Чоботы якъ чоботы; такъ мундѣръ на нёму не туды дывытця: треба щобъ рукава ось такъ“ . . . — *А зась не знаешъ?* — обизвавсь Кузьма Трохымовычъ изъ своеи яткы: — „*Швець! знай свое шевство, а у кравецство не мишайсь!*“

Якъ же зарегочетця увесь базарь слухаючы сюю кумедыю и що якъ Кузьма Трохымовычъ выдризавъ Терешку шевцю! Якъ пиднялы ёго на́ смихъ! Регошалысь зъ нёго, регошалысь, ша

такъ же то, далеби, що не то що, що ажъ за ричкою чуте було. А Терешко нашъ якъ потягне не оглядуючысь, та ажъ забигъ не знать куды. Кузьма жъ Трохымовычъ тыхенько соби посміявшысь, та зибравшысь, поихавъ зъ патретомъ до свого Пана, та по уговору, грошыкы и горилочку зъ нёго зчыстывъ, та й правъ. Ярмарокъ розійшовсь; тилки вже Терешкови вирвалась нышка верховодыты хочъ на вулыци, або на вечерныцяхъ, або и у шинку. Тилки що за балянтрасыть, а тутъ ёму хто небудъ и вриже:

„Швецъ! знай свое шевство, а у кравецство не мишайсь!“

— то такъ языкъ и прыкусыть — и вже ни чычыркъ. —

Отъ и вся.

—❖❖❖❖—

УКРАИНСКОЕ УТРО.

(Отрывокъ.)

.... Чы довга ничъ у насъ на клечалный недили? — Вечирня зоря ще не погасне, а свитова вже и заньмаетця; блысне *Визъ* (*), та вже докошывшысь до сходъ сонця.

Отъ и теперъ: шилки що зирочкы зассялы у Бога мылосердного на небесахъ, шилки що розсвитылысь, та й то не зовсимъ ясно, а ныначе скризъ серпанокъ, — соловейко зтыхъ, витерецъ заснувъ и гилочкы по садкамъ дримаючы ледве-ледве колышутця, шилки й чуте що черезъ греблю, на лотокахъ водыця цидышця и

(*) *Возъ — Большая медвѣдица или Колесница.*

мовъ хто ныщечкомъ казку каже, що такъ и дримаетця, а то усюды тыхесенько... Ажъ ось — не довго: — зирочка покотылась.... дали друга... третя... и поховалысь у сынёму неби, мовъ у мори канулы, а прощаючысь зъ землею, трошкы зплакнулы... отъ видъ ихъ слизонёкъ пала роса на землю. Канула крапелька, зашелестило у аери и прокынувся витырець, та й поколыхавъ тыхенько гилочкы по садкамъ, та по лискамъ... отъ и попрокыдалысь птычи самочкы́, лупнулы очыцямы, зацмокалы носыкамы... тутъ заразъ ихъ са́мчыкы що быля ныхъ дрималы, попробуркувалысь, и зъ радощивъ — що настае вньять Божій день и воны будуть зъ своимы самычкамы литаты, гратысь, любытысь, и що може яка и яечко знесе — зъ такыхъ-то радощивъ заспивалы своихъ писенёкъ, що рано й вечиръ хвалятъ Господа Небесного, Отця, мылосердного якъ чоловикови, такъ усякому звирю, птыци, та й самій манюсиньцій комашыцци що й окомъ не вздрышъ. А не хто вже выспивувать, якъ соловейко! — Защебетавъ, заляцавъ, зачыркавъ, засвыставъ, затрищавъ... то зты́хне, ниби пошепче своій самочци якъ ій любытъ, а якъ и вона ёму тежъ скаже и похваля ёго писенькы́, то зъ радощивъ гукне на увесь са-

докъ . . . а якъ носы́чкамы поцилуютця . . . тутъ винъ вже и незтямытця! Зажмурытця, защебе́че, затерчы́ть, що ажъ ныначе охрыпне, та знову ще дужче лясне, то задрыбоче, що ажъ духъ ёму запираетця . . . та всежъ то такъ гарно, такъ гарно, що розказаты не можно, а на души весело!

Отъ и на березахъ лыстя зашупотилы промежъ себе, що й воны по ласци Божій будуть красоватысь на ясному сонечку. Зхаменулась травонька, якъ зкропыла іи небесная рисочка; пиднялысь стебелынкы, розпукалысь квиточкы́ и порозивавшы риточкы́ свои, надыхалы на усю долыну такымъ пахомъ, що почувшы ёго, забудешъ про усе и тилки здыхнувшы, подумаешъ: — Боже мылосердный! Отець нашъ небесный! И се усе, що тилки е́ на земли, у води, пидъ небесамы, се усе Ты, тилки по едыному мылосердыю Своему для чоловика сотворылъ есы? А винъ, сее мызернее созданые, ся былына, ся пыль и порошына, чы винъ же Тоби благодарытъ? и якъ? . . . О Боже праведный! Буды и усегда мылостывъ намъ гришнымъ! — Билшъ сёго невміемо що и сказать. . .

Отъ и риденькый туманець павъ на ричечьку, мовъ парубокъ прыголубывсь до дивчынонь-

кы, — и укупи зъ нею побиглы ховатысь межъ крутымы берегамы. Дали и хмарочкы сталы розходытысь, поридчалы и сталы звертатысь купкамы мовъ клубочкы; розступатысь щобъ даты дорогу для якогось пышного, важного госця, ниби царя якого, діющого добро усёму мыру — и покотылысь геть-геть за крутыи горы, щобъ тилки видтыля дывытыся на те, що тутъ буде!... Ось и зачервонило на тій дорози, де ёму треба йты и розислалось мовъ сукно, якъ кармазынъ красне; дали, ныначе срибни квиткы по нёму хто посыпавъ; а тутъ и увесь путь ставъ, мовъ золотымъ пискомъ по червоному полю посыпаный.... Зазолотылысь и верхивья деревъ по лисамъ.... и ось золотый по ныхъ писокъ сыплетця по дереву ныжче, усе ныжче, ныжче... Усе зтыхло... чогось жде!... Стало вынырять изъ-за земли... що? — И свитъ, и огонь, и краса... и вже и на краёкъ его не можно зырнуты окомъ, щожъ буде якъ усе явитця мыру?... И золоти промыны видъ нёго обсыпалы усю землю, и самыи небеса сталы ниби ище краще. — Усе мовчытъ, жада, щобъ швыдче явылася у повни краса мыру!... Идетъ — выкотылося зо всимъ — озырнуло усю землю и ныначе повеливало: „Хвалите Господа, що создавъ и мене, и васъ; и

кожный день посыла́ мене давать усёму мыру свитъ, и усякому дыханію жызть.“... Тутъ зно́ва пташечкы ныначе по чыему наученыю защебешалы, усе мовъ знова ожыло, чоловикъ зновъ прынявсь за дило свое... и що то: увесь мыръ израдовався!

Грыцько Основьяненко.

—❖❖❖—

СТИХОТВОРЕНІЯ,

****

ЗАПОРОЖСКІЯ ПѢСНИ.

=

I.

Надгробная пѣснь Свирговскому.

— Той бѣ слава дней своихъ! — говоритъ о Гетманѣ Свирговскомъ Рогалевскій въ своей Лѣтописи. Бантышъ-Каменскій называетъ его дворяниномъ Польскимъ, уроженцемъ Люблина, храбрымъ, свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ. — Вождь сей — продолжаетъ онъ — принявъ начальство надъ Козаками, объявилъ себя непримиримымъ врагомъ невѣрныхъ, и твердо рѣшился мстить имъ за своего предмѣстника (Князя Димитрія Вишневецкаго), не взирая на дружбу Сигизмунда Августа съ обладателемъ Таври-

ды и Султаномъ (И. М. Р. I. 131).—Іоаннъ Армянинъ Воевода Молдавскій, въ 1575 г. просилъ у Поляковъ помощи противу Волоховъ, Турокъ и Татаръ, кои соединенными ордами нападали на Молдавію. Поляки, занятые въ то время распрями междоцарствія, отказали въ помощи. Тогда Іоаннъ обратился къ другу своему Гетману Свирговскому. (И. Г. П. II. 153). Просьба принята, и Свирговскій съ 1400 Козаковъ двинулся въ Молдавію.

— Переправясь черезъ Днѣстръ — говоритъ Конисскій — онъ совершенно разбилъ Турокъ около города Сороки 23 Апрѣля 1575 г., полонилъ главнаго Пашу ихъ Кара-Мустафу и другихъ чиновниковъ, и отправилъ ихъ съ прочими добычами въ Варшаву. Послѣ сей побѣды Гетманъ раздѣлилъ свои войска на двое, и одну часть подъ начальствомъ Полковника Саввы Ганжи отправилъ къ Бухаресту, а съ другою пошелъ черезъ Яссы къ Галацамъ. Между тѣмъ послалъ нарочнаго въ Сѣчь къ Кошевому Ѳедору Покотилѣ, что-бы онъ выслалъ пѣхоту на лодкахъ въ Черное Море, и приказалъ недопускать высадокъ Турецкихъ въ Дунай и Днѣстръ. Кошевой выправилъ сію экспедицію наилучшимъ образомъ, и она принесла сухопутному войску совершенныя выгоды. Запорожцы перехватили въ устьяхъ обѣихъ рѣкъ и на морѣ многія судна съ войскомъ и снарядами, и войдя въ Дунай, разорили и выжгли крѣпостцы и жилища. Гетманъ и Ганжи, проходя Молдавію и Валахію, счастливо разбивали непріятелей. Очистивъ сію землю отъ нашествія Турокъ, поворотили они отъ Дуная къ Бессарабіи; но подъ городомъ Киліей (1) былъ Свир-

говскій предательскимъ образомъ извѣщенъ отъ Армянина, что въ городѣ хранятся несчетныя сокровища, награбленныя Турками въ Молдавіи и Валахіи, и хранимыя здѣсь не большимъ гарнизономъ, ожидая пока Запорожскіе суда удалятся, что-бы отправить ихъ въ Турцію (2). Гетманъ рѣшился осадить и взять Килію. Едва онъ началъ скоропостижную атаку, какъ взорванныя отъ Турковъ съ трехъ сторонъ мины, подняли Гетмана и Козаковъ на воздухъ, а находившіеся въ скрытыхъ мѣстахъ Турки, напали на нихъ, перерѣзали многихъ Козаковъ. Остальные разбѣжались, и долго скитаясь по Молдавіи, нашли корпусъ Полковника Ганжи, и съ нимъ ворошились въ свои границы (3).

I.

Якъ шого Пана Йвана,
Що Свирговського Гетьмана,

II.

Та якъ бусурманы піймали,
То голову ёму рубали.

III.

Ой, голову ёму рубали,
Та на бунчукъ вішали;

IV.

Та у сурьмы выйгравали,
Зъ ёго глумовали.

V.

А изъ низу хмара стягала,
Що воронйвъ ключа набйгала,

VI.

По Украинй шуманы клала:
А Украина сумовала.

VII.

Ой, Украина сумовала,
Свого Гетьмана оплакала.

VIII.

Тодй буйны вйтры завывали.
— Де-жъ вы нашого Гетьмана сподйвали?

IX.

Тодй кречеты налйтали.
— Де-жъ вы нашого Гетьмана жалковали?

X.

Тодй орлы загомонили.
— Де-жъ вы нашого Гетьмана зхоронили?

XI.

Тодй жаворонки повилися.

— Де-жъ вы изъ нашимъ Гетьманомъ простилися?

XII.

— У глйбокій у могилй,

Бйля города, бйля Киліи,

На Турецькій линіи.

Переводъ.

Когда Пана Ивана, Гетмана Свирговскаго,

Плѣнили невѣрные, тогда отрубили ему голову.

И, снявши съ него голову, вѣшали ее на бунчукъ (4);

И играли въ трубы и насмѣхались надъ нимъ.

Тогда съ юга потянулась туча, будто налетала стая вороновъ;

И разсыпала она по Украинѣ туманы, и горевала Украина:

Горевала Украина, оплакивая своего Гетмана.

Тогда завывали буйные вѣтры: — гдѣ-же вы оставили нашего Гетмана? —

Тогда налетали соколы: — гдѣ-же вы тужили по нашемъ Гетманѣ? —

Тогда зашумѣли орлы: — гдѣ-же вы похоронили нашего Гетмана? —

Тогда взвилися жаворонки: — гдѣ же вы простились съ нашимъ Гетманомъ? —

— Въ глубокой могилѣ, около города Киліи, на Турецкой линіи (5).

Примѣчанія.

1) *Килія* — древній *Ликостромъ.* — Killa — Турецкій городъ, окруженъ каменною стѣною съ контръ-эскарпомъ. Замокъ Килійскій лежитъ выше города, при Дунаѣ, на милю отъ устья. На противоположномъ берегу находится старая Килія съ древними развалинами. Боплана Опис. Украины. С. П. Б. 1832. 33. На сѣверномъ устьѣ Дуная. Торговое мѣсто. Жители разныхъ племенъ. Кантемира, Опис. Молд. Гл. 4. —

2) Кого должно здѣсь разумѣть подъ Армяниномъ, простаго ли Армянина или Господаря?

3) Другія Лѣтописи описываютъ походъ и смерть Свирговскаго слишкомъ кратко. — Описаніе Энгеля противорѣчитъ Конисскому. Энгель пишетъ, что Свирговскій присоединилъ къ

Козакамъ 6.000 Молдаванъ, и началъ военныя дѣйствія осадою Браилова; однако хотя и побѣдилъ Турковъ близь сего города, но его самого не взялъ. Потомъ, соединившись съ другимъ трехтысячнымъ отрядомъ войска Молдаванскаго, въ другой разъ разбилъ Турковъ, и положилъ на мѣстѣ 7.000 враговъ. Послѣ третьей битвы, въ которую взято было въ плѣнъ много Турковъ и Волоховъ, Козаки направили путь къ Акерману, сожгли половину предмѣстія сего города и возвратились въ Молдавію. На послѣдней битвѣ взятъ въ плѣнъ и замученъ Іоаннъ Армянинъ. Козаки всѣ пали на мѣстѣ битвы, исключая очень немногихъ. Свирговскій кончилъ жизнь въ оковахъ. Engel's, Gesch. d. Ukr. 72 — 74.

4) *Бунчукъ* — шестъ, украшенный сверху золотымъ шарикомъ, около коего прикрѣпляется небольшое знамя и конскій хвостъ, иногда два хвоста, иногда и болѣе. Сей знакъ искони употреблялся Турками, и отъ нихъ перешелъ къ Запорожцамъ.

Происхожденіе бунчуковъ относится ко временамъ Абубекра, наслѣдника Мугаммедова. Проигравъ однажды сраженіе въ Сиріи, Абубекръ оставленъ былъ войсками, кои разбѣжались во всѣ стороны. Одинъ изъ офицеровъ, находившихся при Абубекрѣ придумалъ средство соединить ихъ: взялъ длинный шестъ, и не имѣя въ рукахъ ничего такого, что-бы могло издали подать знакъ, отрубилъ у коня своего хвостъ; потомъ привязалъ его къ концу шеста, и началъ имъ махать во всѣ стороны. Войска, завидя знакъ созыва, сбѣжались къ предводителю, и соединенными силами, разбили враговъ. Съ сего времени бунчукъ, т. е. конскій хвостъ здѣлался почет-

нымъ знаменемъ Мугаммеданскаго войска. Изв. о Тур. Имп. 139 — 140.

5) Что значитъ выраженіе въ сей пѣснѣ: *на Турецкой линіи?* — Вѣроятно тамъ пролегала граница Турецкихъ владѣній. —

II.

Сожженіе Могилева.

Обстоятельство, о которомъ говорится въ сей пѣснѣ, принадлежитъ къ 1596 году, столь славному въ Лѣтописяхъ Украинскихъ. То была година возстанія Запорожцевъ противу Поляковъ, которыхъ полчища бродили по беззащитной Украинѣ, сожигая города и села, грабя жителей, — и всѣ неистовства производя подъ предлогомъ соединенія Церквей Восточной и Западной, подъ предлогомъ Уніи. Битвы Пятковская (1) и Чигринская (2) достаточно показали Полякамъ, съ кѣмъ имѣли они дѣло: и Католики и Уніаты извѣдали тогда всю ярость мщенія Запорожцевъ, которые не только поражали ихъ на сраженіяхъ, не только подвергали ихъ лютѣйшимъ мученіямъ въ плѣну, но даже не жалѣли собственныхъ крововъ своихъ, равнодушно предавали ихъ огню и мечу, имѣя въ виду одну мысль, одно желаніе — очистить Украину отъ Уніи — какъ выразился одинъ Лѣтонисецъ — какъ отъ заразы, которая готова была пожрать эту страну, незадолго предъ тѣмъ, столь счастливую своимъ благосостояніемъ. Такимъ образомъ Гетманъ Наливайко — пишетъ Конисскій — принужденъ былъ два города свои: *Могилевъ надъ Днѣпромъ* и Слуцкъ надъ Случью, запершіеся съ сильными гарнизонами Польскими и многими Уніатскими чиновниками, сильныя вылазки дѣлающими, доставать штурмомъ; при чемъ

оба города сожжены и раззорены были до основанія, а Поляки выбиты до послѣдняго. —

I.

Ой у городѣ Могилевѣ
Дымомъ потягнуло,
Якъ то військо Запорожське
Зъ гармашъ та ревнуло.

II.

Ой у городѣ Могилевѣ
Та сталося пусто,
Якъ повіяли Козаки
Зъ самопалівъ густо.

III.

Ой у городѣ Могилевѣ
Орлы та гадюки;
Ляшськимъ тілomъ годуються,
Ляшську тілу радуються.

IV.

Ой у городѣ Могилевѣ
Що пни та колоды:
Прилучилося, бачь, лихо
Ляшській породѣ.

V.

Не такое йще-бъ лихо,
Якъ тая позора,
Що ходить та по бйлу свйту
Зъ двора та до двора.

VI.

Не такъ тая позора
Якъ Козакамъ порада,
Що, Кравчину (3) шануючи,
Ляхамъ далась зрада.

VII.

Далась Ляхамъ зрада
Изъ самого рана
Вйдъ Гетьмана Наливайка,
Шановного Пана.

Переводъ.

Дымомъ облекся городъ Могилевъ, когда въ войскѣ Запорожскомъ разразилися пушки.

Опустѣлъ городъ Могилевъ, когда Козаки густо повѣяли изъ ружей.

Въ городѣ Могилевѣ остались одни орлы и змѣи. Они кормятся Польскими трупами; они радуются Польскимъ трупамъ.

Въ городѣ Могилевѣ остались одни пни и колоды. Вѣрно, бѣда случилась съ племенемъ Польскимъ.

Не столько бѣда, сколько безславіе; оно блуждаетъ теперь по бѣлому свѣту отъ двора ко двору.

Не такъ велико безславіе, какъ велика радость Козаковъ: уважая Запорожцевъ, несчастіе дало знать себя Полякамъ.

Несчастіе дало знать себя Полякамъ съ ранняго утра чрезъ нашего славнаго Пана, Гетмана Наливайка.

Примѣчанія.

1) *Битва Пятковская* — подъ мѣстечкомъ Пяткою — битва хотя и несчастная для Козаковъ, ибо на оной пало 3.000 храбрыхъ, и вмѣстѣ съ ними Гетманъ Косинскій; но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важная, какъ первая, на которой Козаки показали Полякамъ свою храбрость и могущество. Lubiens. Op. Posth. Antverp. 1643. p. 3.

2) *Чигиринская битва* — 1596 — по инымъ 1597. — Въ то время Духовенство Уніатское

посылало повсюду окружныя посланія свои, въ которыхъ увѣщевало народъ признавать Папу за Главу церькви, угрожая непокорнымъ анаѳемой и отлученіемъ отъ церкви, — и между тѣмъ перемѣняло антиминсы и требники церковные, выдумывало обряды для прославленія Папы. Войска Жолкевскаго должны были помогать Духовенству, будучи разставлены въ городахъ и мѣстечкахъ при всѣхъ важнѣйшихъ церквахъ съ обнаженными саблями, принуждали народъ преклонять колѣна и бить въ грудь по обряду Римскому, а при чтеніи Символа вѣры прибавлять извѣстное Римское рѣченіе о Св. Духѣ, угрожая рубить безъ пощады тѣхъ, кои вздумаютъ неповиноваться. Наконецъ Гетманскіе посланцы, развозившіе по городамъ универсалы, были Поляками иные поруганы, иные побиты, иные изгнаны съ безчестіемъ.

Все это заставило Наливайка вооружиться, и онъ, узнавши, что Жолкевскій съ войскомъ своимъ намѣренъ занять Черкасы, Каневъ и Терехтемировъ, повелѣлъ войску Запорожскому собираться къ Чигрину.

Наливайко раздѣлилъ войска свои на три части: самъ принялъ начальство надъ главнымъ корпусомъ, лѣвое крыло поручилъ Полковнику Оварѣ, а правое Полковнику Лободѣ, и около самаго Чигрина, по берегу рѣки Тясмина, окопался рвомъ и валомъ. Все войско Запорожское, здѣсь бывшее, простиралось до 20.000 человѣкъ, исключая отрядовъ Гайдомацкихъ, которые расположились таборомъ не по далеку отъ окоповъ, и прикрыли свои ряды пушками.

Поляки, разбивши отряды Гайдомаковъ, защищавшіе Каневскія Козацкія поселенія подъ на-

чальствомъ двухъ Тетерь: отца и сына, — двинулись къ Чигрину, — и окопались насупротивъ Козацкихъ окоповъ. Наливайко, нерѣшаясь самъ начать дѣло, ожидалъ призывной вѣсти къ битвѣ отъ Гетмана Жолкевскаго, и ожидалъ не долго. Поляки, пылая бѣшенствомъ на Запорожцевъ, и желая устрашить ихъ, выставили близь шанцевъ своихъ три креста, и на нихъ повѣсили трехъ старшинъ Запорожскихъ, взятыхъ въ плѣнъ на битвѣ Каневской, Богуна, Войновича и Сутыгу, съ надписью: — „Кара бунтовцевъ!“ — Наливайко въ отвѣтъ на сигналъ сей, поставилъ на возвышенномъ мѣстѣ три бѣлыя крещатыя хоругви, на которыхъ былъ девизъ: — „Миръ Христіанству, а на начинающаго Богъ и Его крестъ!“ И немедленно послѣ сего началось нападеніе Поляковъ на станъ Козацкій, и обопольная пальба изъ орудій. Тогда Наливайко двинулъ свои отряды Гайдомацкіе въ самое средоточіе войска Польскаго. Полки же Козацкіе выдвинулись изъ своихъ укрѣпленій, растянулись полукружіемъ, и поставили Поляковъ въ два огня. Болѣе семи часовъ продолжалась битва. Побѣда осталась на сторонѣ Запорожцевъ, но они ожесточились до того, что и слышать не хотѣли о пощадѣ или прощеніи; раненыхъ и павшихъ на землю въ другой разъ добивали; бросавшихся въ рѣку Тясминъ вытаскивали арканами и изрубливали въ куски. Спаслись только тѣ изъ войска Польскаго, кои могли убѣжать. Прочіе всѣ пали на мѣстѣ битвы, или по окрестной степи. Когда послѣ сраженія пересчитали убитыхъ Поляковъ, то вышло, что Жолкевскій потерялъ 17.330 человѣкъ. Наливайко приказалъ всѣхъ убитыхъ непріятелей зако-

пать въ огромныхъ яругахъ близь трехъ виселицъ; — а висѣвшіе сняты и погребены съ торжествомъ въ Чигринской церкви Преображенія Господня. На гробахъ ихъ вырѣзали надпись: — „Невиннаго ихъ страданія за Отечество и Православную Вѣру.“ — (По Лѣтописямъ и Народнымъ преданіямъ. Срав. И. М. Р. I. 175 — 176.)

3) *Кравчина* — такъ называло само себя все войско Запорожское; но собственно принадлежитъ названіе сіе Низовымъ Запорожцамъ, или Гайдомакамъ. Откуда произошло сіе слово? Думаю, оно есть сокращеніе слова: *Украинщина* (Украинщи̇на, Вкрайнщи̇на, Крайщи̇на, Кравчина).

III.

Погребальная пѣсня на смерть Асаула Чурая.

Лѣтописи не сохранили подвиговъ сего Витязя Запорожскаго, бывшаго, какъ гласитъ преданіе народное, однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ и совѣтниковъ славнаго Гетмана Стефана Остряницы. Въ знаменитомъ сраженіи близь Старицы (И. М. Р. I. 213—214), онъ предводительствовалъ небольшимъ отрядомъ Гайдомаковъ, этихъ отчаянныхъ партизановъ войска Запорожскаго, и съ ними проникнувши внутрь непріятельскаго стана, взорвалъ на воздухъ значительную часть Польскаго обоза. Почти всѣ его товарищи пали на полѣ битвы. Онъ самъ захваченъ былъ въ плѣнъ, и преданъ ужасной казни (1).

I.

Орлику, сизій орлику,
Молодый Чураю!
Ой, забили жъ тебе Ляхи
Та у своїмъ краю.

II.

Що забили тебе Ляхи
Изъ твоимъ Гетьманомъ, —
Изъ твоимъ Гетьманомъ,
Що Паномъ Стефаномъ.

III.

Орлику, сизій орлику!
Орлївъ братївъ маешъ:
Що старыи й молодыи —
Самъ ихъ добре знаешь —

IV.

Що старыи й молодыи
Всї въ тебе вдалися,
Вїдомстити та за тебе
Усї поклялися.

V.

Що старыи й молодыи
Усї голинныи;
А въ ихъ кони вороныи —
Швыдкіи, быстрыи;

VI.

Швыдкіи, быстрыи,
Якъ орлы лїтають,

На Ляшськіи городы
Хмарой набігають.

VII.

А въ ихъ списы булатныи
Зъ довгими кінцями,
Всі гостры якъ голочки,
Зъ довгими клюгами.

VIII.

А въ ихъ шабли булатныи,
На обідвы боки,
Ляхамъ зраду сыплють
По всі вичні роки.

Переводъ.

Орелъ, сизый орелъ, молодой Чурай! Тебя умертвили Поляки на своей родинѣ.

Тебя умертвили Поляки вмѣстѣ съ твоимъ Гетманомъ, съ твоимъ Гетманомъ Паномъ Стефаномъ.

Орелъ, сизый орелъ! Ты имѣешъ братьевъ. И старые и молодые, — ты знаешь ихъ самъ хорошо, —

И старые и молодые, всѣ подобны тебѣ, и всѣ поклялись отомстить за тебя.

И старые и молодые, всѣ они храбры. И у нихъ вороные кони проворны и быстры.

Они проворны и быстры, и летаютъ какъ орлы; и налетаютъ они словно тучи на города Польскіе.

И булатныя копья у нихъ съ длинными наконечниками и какъ иглы онѣ остры, съ острыми клюгами (2).

И булатныя сабли у нихъ съ лезвеями на обѣ стороны: онѣ всегда разсыпаютъ злощастія на Поляковъ.

Примѣчанія.

1) Конисскій пишетъ, что Чурая прибили гвоздями къ досткамъ, облили смолою, и наконецъ сожгли медленнымъ огнемъ.

2) Я употребилъ слово *клюги* потому, что рѣшительно непонимаю значенія онаго, и слѣдо-

вательно не умѣлъ перевести. Отъ бандуриста толку не могъ добиться. — „Такъ воно, бачь, клюги, отъ-тй клюги!“ да и только. —

И. Срезневскій.

Варваровка на Днѣпрѣ.
1833. *Апр.* 16.

РЫБАЛКА.

Малороссійская Баллада.

=

Das Wasser rauscht, das Wasser schwoll,
Ein Fischer sass daran,
Sah nach dem Angel ruhevoll,
Kühl bis ans Herz hinan. — Göte.

=

Вода шумыть! . . . вода гуля! . . .
На березі *Рыбалка* молоденькый
На поплавець глядыть и прымовля:
Ловицця, рыбочкы, велыки и маленьки!

*

Що рыбка смыкъ, — то сердце тіохъ!...
Серденько щось *Рыбалочци* вищуе:
Чы то тугу, чы то переполохъ,
Чы то коханнячко?... не зна винъ, — а сумуе!

*

Сумуе винъ, — ажъ ось реве!
Ажъ ось гуде! — и хвыля утикае!...
Ажъ — гулькъ!... зъ воды Дивчынонька плыве,
И косу счисуе, и бривкамы моргае!...

*

Вона-й-морга, вона-й-спива:
„Гей! гей! не надь, *Рыбалко* молоденькый,
„На зрадный гакъ ни щукы, ни лына!...
„На що ты нивечышъ мій ридъ и плидъ любенькый?

*

„Колыбъ ты знавъ, якъ *Рыбалкамъ*
„У мори жыть и-зъ рыбкамы гарненько,
„Тыбъ самъ пирнувъ на дно къ лынамъ,
„И парубоцькее оддавъ бы намъ серденько!

*

„Тыжъ бачывъ самъ, — не скажешъ: *ни*,
„Якъ Сонечко и Мисяць червоненькый

„Хлюпощуцця у насъ въ води на дни
„И изъ воды на свитъ выходятъ веселеньки!

*

„Тыжъ бачывъ самъ, — якъ въ темну ничъ,
„Блыщятъ у насъ зиронькы пидъ водою:
„Ходыжъ до насъ; покынь ты удку причъ:
„Зо мною будешъ жыть — якъ братъ жыве зъ сестрою!

*

„Зырны сюда!... чы сежъ вода?...
„Се дзеркало: глянь на свою уроду!...
„Ой! я не зъ тымъ прыйшла сюда,
„Щобъ намовлять зъ воды на Парубка невзгоду!“

*

Вода шумыть!... вода гуде...
И ниженькы по кисточкы займае!...
Рыбалка вставъ, *Рыбалка* йде;
То спыныцця, то впять все глыбшенько пирнае!..

*

Вонажъ морга, вона-й-спива....
Гулькъ!... прыснулы на сынимъ мори скалкы!...
Рыбалка хлюпъ!... За нымъ щубовсь вона!...
И билше вже нигде не бачылы *Рыбалкы*!...

* * *

БАТЬКО ТА СЫНЪ.

Басня.

=

„Эй! Хве́дьку! вчысь! Эй! схаменысь!“
Такъ Панотець казавъ своій дытыни:
„Шануйсь! бо, далыби, колысь
Тму, мну, здо, тло — спышу на спыни!“
Хведько̀ не вчывсь — и скошповавъ
Березовои кашкы,
Та впять не вчывсь — и пустовавъ:
Побывъ шыбкы и пляшкы;
И щобъ не скошповать одъ Батька ризочо̀къ,
Винъ ризку вперъ въ огонь, — ша-й заховавсь въ кушокъ:

Ажъ Батько за чубъ хипъ! и, не знайшовшы ризкы,
Дрючькомъ Хведька разивъ изъ шистъ оперезавъ!..
Тогди Хведько скризъ слизкы
Такъ Батькови сказавъ:
Колыбъ було знаття, що гаспыдзька дрючына,
Такъ дуже дошкуля, то, песька я дытына,
Колыбъ я такъ робывъ:
Ябъ вперъ дрючокъ въ огонь, а ризкыбъ не палывъ!

* * *

РЫБКА.

Басня.

Въ ставочку Плиточка дрибненька
Зъ нечевья зуздрила на удци червяка,
И такъ була раденька!
И думка то була така,
Щобъ пидвечирковать смачненько:
Ну! дейко! до ію̀го швыденько!
То зъ боку ускубне,
То зъ переду поцупыть,
То хвостыка лызне,
То зъ нызу впять пидступыть,
То вырне, то пирне,
То сипне, то смыкне,
Вовтузыцця, ялозыцця и прíе, —
Та ба! та ротыня таке узеньке, бачь,

Що ничого не вдіе!
Хочь сядь, — ша-й плачь!
Ой! гиренько мени на свитоньку, мовляе,
За що мене, такъ доля зневажае?
Тымъ пельку и жывитъ дала съ ковальскій михъ,
Тымъ зубы — мовъ — шпычкы; а намъ на глумъ, на смихъ,
Ротъ шпылькою неначе простромыла!...
Ой! правду Дядына небога говорыла:
Що тилько на свыти велыкымъ рыбамъ жыть!
А намъ малымъ въ кулакъ трубыть!
Такъ Плиточка въ води на долю нарикае, —
А на гачку червякъ все хвостыкомъ кывае!...
Червякъ кыва, — ажъ ось! — Зи дна
Гулькъ Щука! бовть!... вона
За удку хипъ!
А удка сипъ!
Зъ воды щубовсь въ окрипъ!...
Ой лышечко! оцежъ — якъ Дядына збрехала!...
Изъ ляку Плиточка сказала,
И, бильшъ не скаржылась на долю Плиточокъ,
За ласенькый на удочци шматокъ:
Що Богъ пославъ, — чы то багато, чы то трошкы,
Въ куширъ зализшы, іила мовчкы! —

* * *

****

ДО ПАРХОМА.

I.

Aequam memento rebus in arduis
Servare mentem: non secus in bonis etc.
Horat. Lib. II. Od. 3.

=

Пархоме! въ щасти не брыкай!
Въ нудьзи притьмомъ не лизь до неба!
Людей пытай.... свій розумъ май!
Якъ не мудруй, — а вмерты треба!

*

Чы каратаешъ викъ въ журби,
Чы то, за поставцемъ горилкы,
Въ шынку наризують тоби
Цымбалы, кобзы и сопилкы;

*

Чы пьяный пидъ тыномъ хропешъ,
Чы до господы лизешъ рачкы,
И жинку макогономъ бьешъ,
Чы самъ товчесся на вкулачкы:

*

Оры и засивай ланы,
Косы́ широки перелогы,
И грошыкы за баштаны —
Лупы, та все одкынешъ ногы!

*

Покынешъ все, стижкы — й — скырты,
Вси ласощи: паслинъ, цыбулю;
Загарба иншый все, — а ты
Зъiисы за гирку працю дулю!...

*

Чы Соцькымъ Батько твiй въ сели,
Чы самъ на Панщыни працюе, —
А смерть зривняе всихъ въ земли:
Ни зъ кымъ скажена не жартуе!...

*

Чы *читъ?* чы *лышка?* — загука:
Ты крыкнешъ: *читъ!*... ба брешешъ, сыну!
Озвецця Паплюга съ кутка,
Тай — й — зцупышъ зъ печи въ домовыну!

ДО ЮГОЖЪ.

II.

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi quem tibi
Finem Di dederint, Leuconoë; nec Babylonios
Tentaris numeros. etc. Horat. Od. 12.

=

Пархоме! не мудруй! Ворожкы не пытай, —
Якъ довгый викъ прокарашаешъ?
Що выковала вже *Зозуля*, — пожывай; —
А билше.... шкода, що — й — бажаешъ?

*

Хочъ всихъ ты Упыривъ зберы и Знахоривъ, —
Хочъ покумайся ты зъ Видьмамы:
Ни хто не скаже намъ, такъ якъ бы ты хотивъ, —
Що доля завтра зробыть зъ намы! —

*

Чы доведецця ще подушне заплатыть?
Чы до снагы́ вже розплатывся?
На що, при що тоби надъ цымъ чупрыну грить?
Дурный! дурный! а въ школи вчывся!...

*

Терпы! За долею, куды попхне, хылысь,
Якъ хылыцця одъ витру гилка:
Чы будешъ жыть? чы вмрешъ? Пархоме! не журысь!...
Журысь объ тимъ, чы е горилка?...

*

А е? такъ пры на стилъ! частуй, та-й самъ кругляй!
Чы намъ, Пархоме, треба скилькы?
Та вжежъ — чы вкорочать свій викъ, — то вкорочай
Въ тынку надъ бочкою горилкы!

*

Отъ! мы базикаемъ, — а часъ мовъ вилъ зъ горы
Чухра: його не налыгаешъ!
Отъ! скилькыбъ выпылы до сеи мы поры,
Такъ тыжъ буцимъ не дочуваешъ!

*

Нужъ! цупъ останню ты грывняку зъ капшука,
Покы стара пере ганчиркы:
Бо вже — якъ вернецця, то, думка, бачь, така,
Що помремо обыдва безъ горилкы!

* * *

ОТРЫВКИ

изъ Полтавы, Поэмы А. С. Пушкина,

переложенной

на Малороссійскій языкъ.

Изъ 2-й Пѣсни.

Маруся.

. . . .

Мазепа.

Ну, слухай, серце, годи, годи!
Та що почуешь — що мовчы:
Давно мы заварилы дило,
Теперъ воно кыпыть у насъ,
Годына гарная наспила,
Прокалатае швыдко часъ.
Давно безъ батьковской славы

Мы, якъ волы, въ ярми жылы,
У подданстви: або Варшавы,
Або великои Москвы.
Возыщця годи зъ Москалямы,
Украйни царствомъ будь пора.
И я, своимы козакамы
Шпурну на моцного Петра!
Москаль жахнетця передъ намы
И може.... буду я Царемъ.
Зъ собою за-одно я маю
И Карла зъ Польскимъ Королемъ.
Княгиня Дульская оттая,
Та старець, бачъ, та Іезуитъ;
Видъ ныхъ до мене лысты носять.
Ну, е за що мене журыть?...
Оттакъ жинки що дня голосять,
А розпытай: — сама не зна,
Чого сталытця нависна!

Маруся.

Ты будешъ Царь на Украини!
Якъ гарно на сидій чупрыни
Зассяе золотый винець....

Мазепа.

Та почикай, ще не конець,
Богъ вись, про те, що дали буде!

Маруся.

Тебе вси поважають люде,
На смерть за тебе кожный радъ,
Ты кращій будешъ Царь видъ міру,
Тебе жде Царство....

Мазепа.

А якъ кашъ?

Маруся.

Пиду зъ тобою пидъ сокыру!

Изъ 3-й Пѣсни.

Скризь хмары небо застылають,
Ночна доба. Биля Днипра
На березі соби куняють
Невиры, ворогы Петра.
Забувши висько и Полтаву,
И Москаливъ велыку славу,
На спорыши Карлъ гарно спавъ.
Та сонъ Мазепу облитае,
Покій видъ нёго утикае,
Ему: все жарко, винъ стогнавъ.

Ажъ чуе, хтось ёго позвавъ,
Зырнувъ.... изъ ляку зашрусывся;
До нёго близько хтось схылывся.
Обшарпана, худа, блидна,
Дивоцьку косу розпустыла.
Очима, ниби звирь, свитыла,
Нагнувшысь передъ нымъ вона. —
„Хто ты така? се ты Маруся!“

Маруся.

Мовчы, почують насъ, боюся;
Тыхенько шепоты теперъ;
Вже маты й батько мій умеръ!

Мазепа.

Та що ты мелешъ, Богъ съ тобою!

Маруся.

Послухай що воны зо мною
Хотилы заразъ изробыть!
Якъ мусылы мене дурыть.
Куды втикать въ такую пору?
Куды дивацця зъ поговору?
Якъ речъ скаженыхъ зупынить?
Вона мини теперъ казала,
Що батька вже мого нема.
Ёго я голову держала,

Да то не людська голова,
А вовча. Бачышъ якъ дурыла
Вона Марусю, чуешъ ты!
Щобъ не гадала й не хотила,
Зъ тобою серденько втекты!
Чы можножъ? —
Гетьманъ мовчкы слуха,
Що дрыботить ёму вона.
И зновъ не перевившы духу
Вона казаты почала: —
Я знаю празныкъ, тыскъ народу,
И мерцвякы якого зброду!
Туды я зъ мамою ишла. . . .
Та дежъ ты бувъ? зъ тобою ризно
Нужуся далеби-що я.
Ходимъ до дому, глянь якъ пизно. . . .
Скрутылась голова моя!
Тебе я мала за другого!
Ты, старцюга, якій страшный.
Ни, гарный бувъ Мазепа мій;
А ты, такъ здавсь на чорта злого.
Въ ёго очахъ — якъ жаръ любовъ.
А речи — одъ огню жарчиши,
Видъ снигу усъ ёго билиши,
А швій замазаный у кровъ!
И — зъ реготомъ завызкотила;

И мовъ лыхій іи злызавъ.
Мазепыне трусилось шило,
Ёго цыганскій питъ пронявъ;
Мовъ смертью на нёго сопнуло,
За шкуру снигомъ мовъ сыпнуло,
И волосъ шапку пидсувавъ.

Е. Гребёнкинъ

БУДЯКЪ ТА КОНОПЕЛЕЧКА.

(Приказка.)

„Чого ты такъ мене, паскудо, въ боки пхаешъ?“
На Конопелечку въ степу Будякъ гукавъ.
—„Та якъ росты мыни, и самъ здоровый знаешъ,
Що землю у мене съ пидъ коринця зибравъ.“—

*

Бува и межъ людей сёму колючцѝ пара;
Народъ товче, та й жде щобъ хто ёго кохавъ!
Я бачивъ самъ такыхъ и — можебъ показавъ,
Та цуръ ёму — розсержу Комысара.

Е. Гребёнкинъ.

ПШЕНЫЦЯ.

(Приказка.)

Я бачывъ якъ пшеныцю мылы:
То що найкращее зерно
У воду шилки плюсь, якъ разъ пишло на дно;
Полова жъ нависна, гуля соби по хвыли.
Прывивъ мене Господь побачыть и Панивъ:
Мовъ простый чоловикъ, шамъ иншій Панъ сыдивъ,
Други, розпрындывшысь, мовъ павычи ходылы.
И здумавъ заразъ я, якъ тилько поглядивъ,
Що бачивъ якъ пшеныцю мылы.

Е. Гребёнкинъ.

ОТРЫВОКЪ

Изъ 6-й книжки

Малороссійской Энеиды.

Юпитеръ сзываетъ боговъ на Олимпъ, укоряетъ ихъ въ несправедливыхъ поступкахъ противу людей. Венера жалуется на нѣкоторыхъ боговъ за притѣсненіе Энея. Юнона отвергаетъ жалобы Венеры. Юпитеръ приказываетъ богинямъ замолчать; даетъ свои повелѣнія и распущаетъ боговъ.

Зевесъ моргнувъ якъ криль усами,
Олимпъ мовъ листикъ затрусивсь;
Мигнула блискавка съ громами,

Олимпскій потрухъ взворушивсь. —
Боги, богини и пивбоги,
Простоволосы, босоноги,
Бѣжатъ въ Олимпску *карвасарь* (*).
Юпитеръ гнѣвомъ роспаленный,
Влетѣвъ до нихъ мовъ наваженный
И крикнувъ якъ на гончихъ псарь.

*

„Чи довго будете казытись,
„И стыдъ Олимпови робить?
„Що день промежь себе сваритись
„И смертныхъ съ смертными травить?
„Поступки ваши всѣ небожи;
„Вы на сутяжникивъ похожи
„И рады мордувать людей;
„Я васъ изъ неба посмихаю
„И до того васъ укараю,
„Що пасти будете свиней.“ —

*

„А вамъ, Олимпски зубоскалки,
„Моргухи, дзиги, фиглярки,

(*) *Карвасарь* или *карвасарія*, Словесный Судъ, учреждавшійся нѣкогда на ярмаркахъ въ Малороссійскихъ городахъ, для разбора жалобъ и споровъ между продавцами и покупщиками. *Соч.*

„Березовои дамъ припарки,
„Що довго буде вамъ въ тямки,
„Охъ вы на смертныхъ дуже ласы!
„Якъ Грекъ на Нѣжински ковбасы,
„Все лихо на земли отъ васъ.
„Чрезъ ваши зводни, жениханья,
„Не маю я ушанованья;
„Я намочу васъ въ шевскій квасъ.“

*

„Або, отдамъ васъ на работу,
„Запру въ смирительныхъ домахъ,
„Тамъ выженутъ изъ васъ охоту,
„Содомить на землѣ, въ людяхъ.
„Або — я лучшу кару знаю,
„Ось якъ богинь я укараю:
„Пошлю васъ въ Запорожску Сѣчъ;
„Тамъ вашихъ каверзъ не вважаютъ,
„Жинокъ тамъ на тютюнь мѣняютъ,
„Въ день пьяны спляютъ, а крадутъ въ ничь.“ —

*

„Не вы народъ мій сотворили,
„Не хистъ создать вамъ червяка;

„На щожь людей вы раздразнили?
„Вамъ нужда до чужихъ яка?
„Божусь моей бородою
„И Гебиною пеленою,
„Що тѣхъ богивъ лишу чинивъ,
„Яки теперь въ війну вплетутся;
„Не хай Эней и Турнъ скубутся,
„А вы глядитъ своихъ чубивъ.“ —

*

Венера — молодиця смѣла,
Бо все зъ военными жила,
И бите зъ ними мясо ѣла
И по трахтирахъ пунш пила;
Частенько на соломѣ спала,
Въ капотѣ сѣромъ щеголяла,
Походомъ на визку тряслась;
Манишки Офицерски прала,
Съ стрючкомъ горилку продавала,
И мерзла въ ничъ, а въ день пеклась.

*

Венера по драгунски смѣло
Къ Зевесу въ вытяжку иде,

Начавши говорити дѣло,
Очей съ Зевеса не зведе:
„О тату, сильный, величавый!
„Ты всякій помыслъ зришъ лукавый,
„Тебе ни хто не проведе;
„Ты окомъ землю назираешъ,
„Другимъ за нами приглядаешъ,
„Ты знаешь, що и якъ, и гдѣ.“ —

*

„Ты знаешь, для чого Троянцивъ
„Злымъ Грекамъ попустывъ побить;
„Энея съ пригорщнею ланцивъ
„Велѣвъ судьбамъ не потопить;
„Ты знаешь лучше всѣхъ причину,
„Чого Эней припливъ къ Латину
„И биля Тибра поселивсь?
„Тыжъ словомъ що опредѣляешь,
„Того во вѣкъ не одмѣняешъ,
„Видкиль же Турнъ тутъ притулившсь?“

*

„И що такее Турнъ за свято,
„Що не вважае и тебе?
„Фригійске племя не проклято,
„Що всякій ерешыкъ скубе;

„Твои законы бъ исполнялись,
„Коли бъ Олимпски не мѣшались
„И не стравляли бы людей.
„Твоихъ приказивъ не вважаютъ,
„Нарочно Турну помогаютъ;
„Бо бачь Венеринъ сынъ Эней.“

*

„Троянцивъ бѣдныхъ и Энея
„Хто не схотивъ той не пужавъ;
„Терпѣли гирше Прометея,
„На люльку що огню укравъ.
„Нептунъ съ Эоломъ съ перепросу,
„Дали такого перечосу,
„Що й досе зашпары щимлятъ.
„Другіежъ боги . . . . що казати;
„Дѣла ихъ лучше Музамъ знати,
„Энея тилько незъѣдятъ.“

*

„О Зевсъ! о батычку мій ридный!
„Оглянсь на плачъ дочки своей;
„Спаси народъ Фригійскій бѣдный,
„Винъ дѣло есть руки твоей.

„Якъ маешь ты кого карати,
„Карай мене. — Карай! Я маши,
„Я все стерплю ради дѣтей! —
„Услышь Венеру многогрѣшну!
„Скажи мнѣ рѣчъ твою утѣшну;
„Щобъ живъ Іулъ, щобъ живъ Эней!“ —

*

„Мовчать! . . . . . .“
Юнона злобна порощитъ:
„ . . . . . .
„Якъ дамъ! — очипокъ излетитъ;
„Ты смѣешь кошиня мерзене,
„Зевесу доносить на мене,
„Щобъ тѣмъ насъ привести въ розладъ:
„За кого ты мене пріймаешь?
„Хибажъ, Венера, ты не знаешь,
„Що Зевсъ мій человѣкъ и братъ?“

*

„Тобѣжъ Зевесъ, скажи, не стыдно,
„Що предъ тобою, дрянь и прахъ,
„Базика о богахъ обидно,
„Мудруе о твоихъ дѣлахъ;
„Якій ты свѣта повелитель?
„И намъ Олимпскій предводитель,

„Коли противъ Венеры насъ? . . .
„ . . . . . .
„Нюкчемна спорщица Цыперска,
„Для тебе лучшая отъ насъ.“

*

„Якъ честную еи пріймаешь
„И все робишь для неи радъ.
„Вона и Трою разорила,
„Вона Дидону погубила,
„Но все иде для неи въ ладъ.“

*

„Гдѣ ся пидтипанка вмѣшалась,
„То вербья золоте росло,
„Земля бъ щасшливою назвалась,
„Колибъ таке пропало зло!
„Чрезъ неи вся Латынь возстала
„И на Троянъ еи напала,

„И Турнъ зробивсь Энею врагъ.
„Не можно бѣдъ всѣхъ излѣчити,
„Якихъ успѣла наробити
„На небѣ, на землѣ, въ водахъ.“ —

*

„Теперь же на мене звертае,
„Сама наброивши бѣды;
„И такъ Зевеса умоляе,
„Мовъ тилько вылѣзла зъ воды.
„Невинничаетъ мовъ Сусанна;
„Незаймана николи Панна,
„Що въ хуторѣ зжила весь вѣкъ.
„Недиждешь съ бабкою своею —
„Я докажу твому Энею. . . .
„Богиня я — винъ человѣкъ.“

*

Венера лайки нестерпѣла,
Юнону стала кобенить;
И перепалка закипѣла:
Одна другу хотѣли бить.
Богини въ гнѣвѣ, также бабы
И также на уторы слабы,

Съ досады часомъ и брехнутъ:
И якъ перекупки горланятъ,
Одна другу безчестятъ, ганятъ,
И ридъ весь съ потрухомъ кленутъ.

*

„Та цытьте, чортовы сороки!“
Юпитеръ гризно закричавъ:
„Обомъ вамъ обибью я щоки,
„Щобъ васъ бублейницъ врагъ побравъ!
„Не буду васъ карать громами;
„По пятѣхъ выбью чубуками,
„Олимпъ заставлю вымѣтать;
„Я васъ умѣю усмирити,
„Заставлю честно въ свѣтѣ жити
„И заразъ дамъ себе вамъ знать.“

*

„Занишкнитъ, уха наставляйте
„И слухайте що я скажу;
„Мовчитъ! — роты пороззявляйте,
„Хто пысне — морду розмижжу.
„Между Латинцивъ и Троянцивъ
„И между Турновыхъ поганцивъ,

„Не сыкайся ни хто въ війну;
„Ни хто, ни якъ не помогайте,
„Князькивъ ихъ также не займайте,
„Побачимъ здастся хто кому.“ —

*

Замовкъ Зевесъ, моргнувъ бровами,
И боги въ ростычъ всѣ пишли.
И я прощаюсь съ небесами,
Пора спустишись до земли
И стать на Шведскую могилу,
Щобъ озирнуть военну силу
И битву вѣрно описать;
Купивъ бы Музѣ на охвоту
Щобъ кончить помогла работу;
Бо нигде риѳмъ уже достать.

И. Котляревскій.

МАЛОРОССІЙСКІЯ

пѣсни

изъ Оперы

Наталка-Полтавка.

Соч. И. П. Котляревскаго.

Музыка А. М. Барсицкаго.

ХАРЬКОВЪ.

Литоґ. у Ф. Давитона у Казацкаго Моста въ домѣ Колосова подъ № 43-46.

НАТАЛКА ПОЛТАВКА.

№ 1.

Andante.

Chant.

Piano.

Forte.

pp

cresc.

Ві_ ють витры, ві_ ють буй_ ны,

p

p

ахъ де_ ре_ ва тут_ ся. О! якъ мо_ е бо_ лить сердце,

fz

Fp

а сле_ зы не льют_ся, льються.

1.

2.

Fr

Fr

ri.

Трачу лит

Тилько тоб

Непоправя

Хто счасл

Есть же

Чи счаслив

Що на по

Тяжко жи

Де ты мы

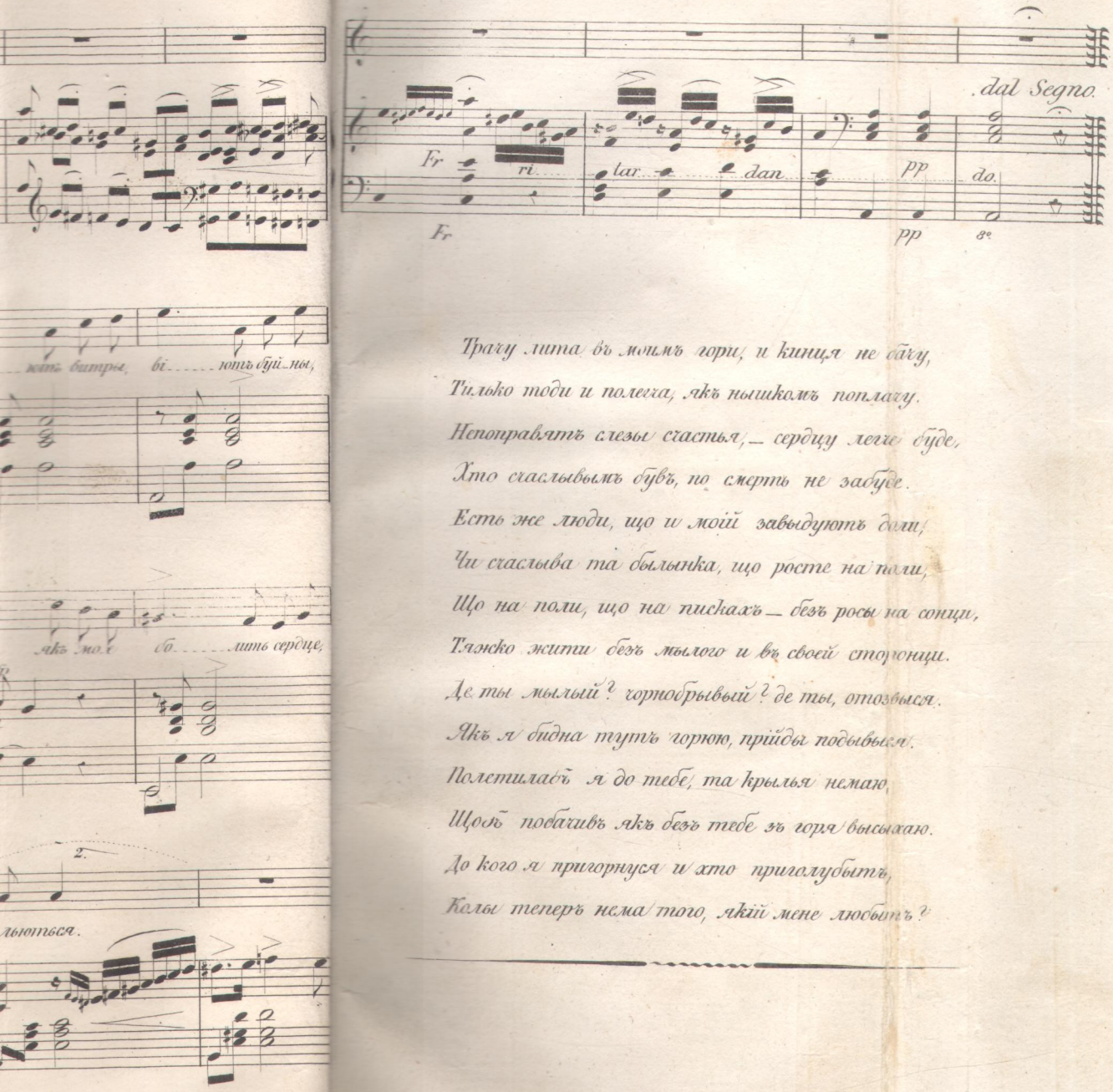
Якъ я бид

Полетилаб

Щобъ поб

До кого я

Колы тепе



Трачу лита въ моемъ гори, и кинця не бачу,
Тилько тоди и полегча, якъ нышкомъ поплачу.
Непоправятъ слезы счастья, — сердцу легче буде,
Хто счаслывымъ бувъ, по смерть не забуде.
Есть же люди, що и моій завыдуютъ доли,
Чи счаслыва та былынка, що росте на поли,
Що на поли, що на пискахъ — безъ росы на сонци,
Тяжко жити безъ мылого и въ своей сторонци.
Де ты мылый? чорнобрывый? де ты, отозвыся.
Якъ я бидна тутъ горюю, прійды подывыся.
Полетилабъ я до тебе, та крылья немаю,
Щобъ побачивъ якъ безъ тебе зъ горя высыхаю.
До кого я пригорнуся и хто приголубытъ,
Колы теперъ нема того, якій мене любытъ?

№ 2.

Allegretto vivace.

Chant.

Piano Forte.

p

F.

cres.

p

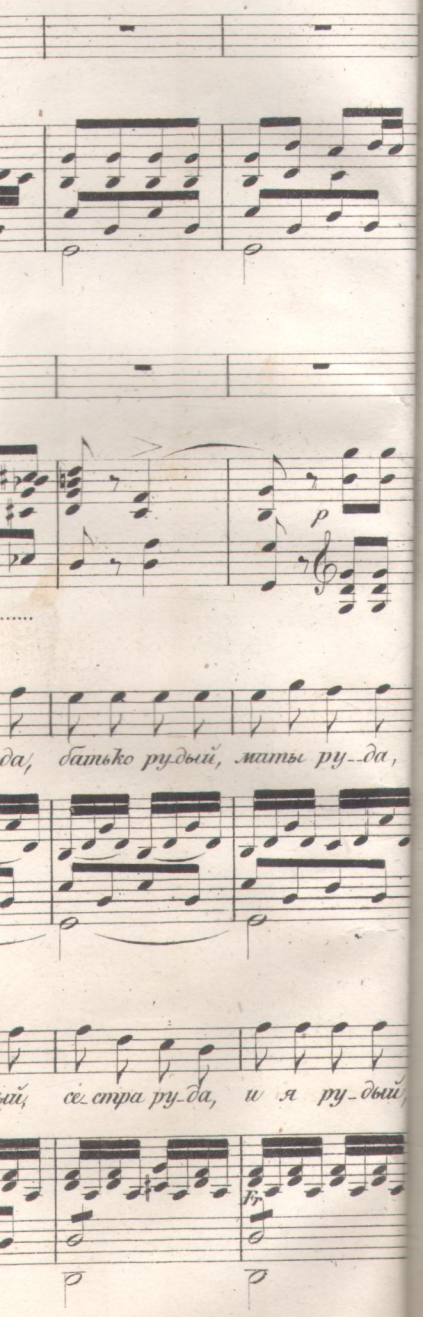
Дидъ рудый, ба-ба ру-да, батько рудый, маты ру-да,

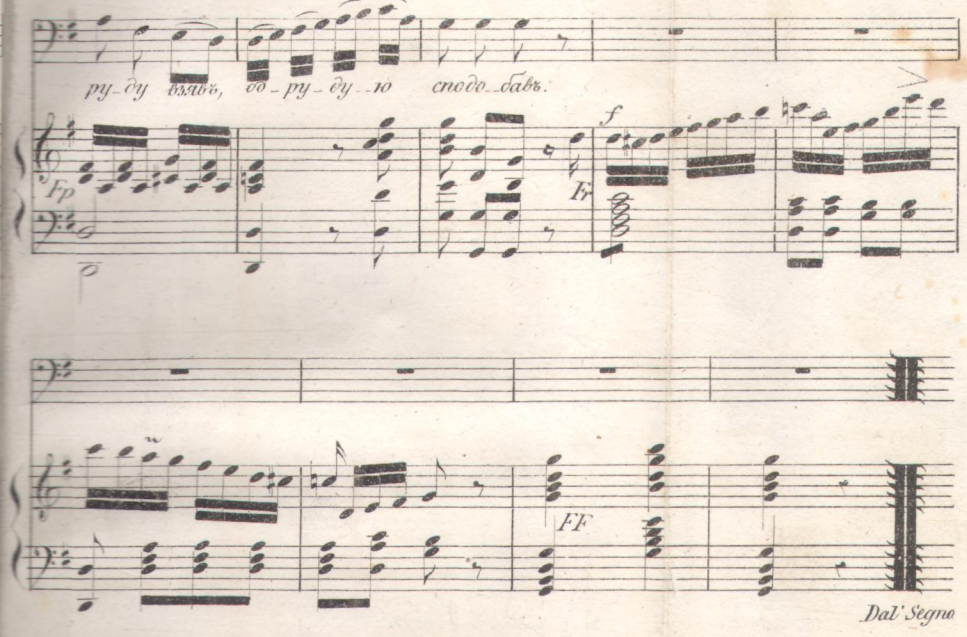
дядько рудый, титка ру-да, брать рудый, се-стра ру-да, и я ру-дый,

Fp

ру-ду взявъ, до-ру

Fp





Ой! по гори, по полянци,
Въ понедилокъ дуже въ ранци,
Ишлы наши повобранци,
Поклонилися шинкарци,
А шинкарка — на ихъ моргъ!
„Иду, братики, на торгъ."

Ишлы Ляхи на три шлахи,
А Татары на чотыри,
Шведы враги поле вкрылы, —
Козакъ въ лузи отклыкнувся!
Шведъ, Татарынъ, Ляхъ вздрогнувся —
Въ дугу всякій изогнувся.

Allegretto. № 3.

Chant

Piano.

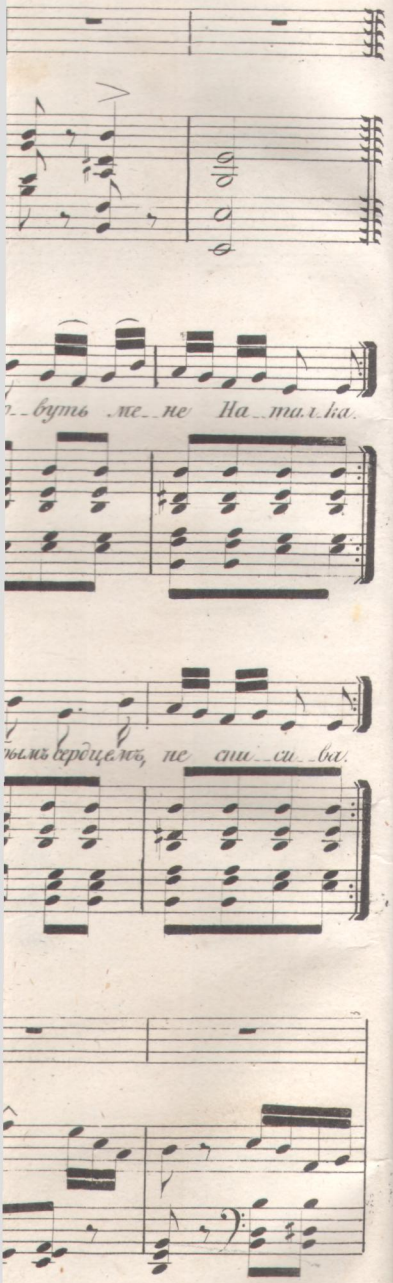
Forte.

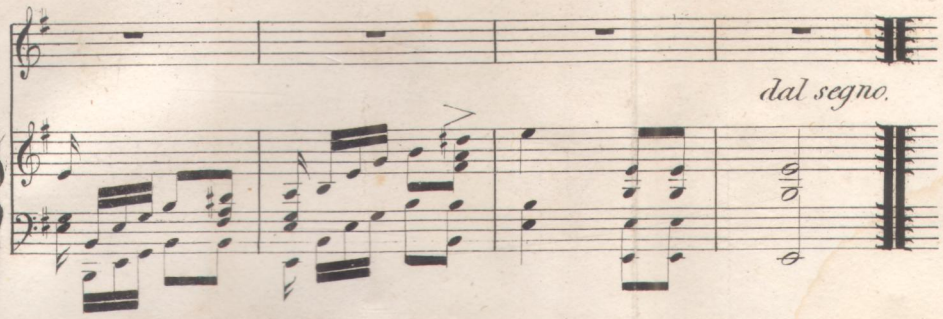
Ой! я див_чи_на пал_тавка, а зо_вуть ме_не На_тал_ка.

Див_ка про_ста, не кра_си_ва, съ добрымъ сердцемъ, не спи_си_ва.

Fz.

F





Коло мене хлопци вьютьця
И за мене часто бьютьця;
Но я люблю Петра дуже,
А до другихъ и байдуже.

Мои подруги пустують
И со всякими жартують,
А я безъ Петра скучаю
И весилости незнаю.

Я съ Петромъ моимъ счастлыва
И весила и жартлыва;
Я Петра люблю душею:
Винъ одинъ вдiитъ ею.

Центральна наукова
бібліотека
Інв. № 274097